Профессор
Хасан Камиль Йылмаз

ЗОЛОТАЯ СИЛЬСИЛЯ

Цепь Преемственности шейхов
тариката Накшибандийя-Халидийя

1-е издание

SAD GRAPHICS

Тел: 8 (495) 9066717 - 7074666, 8 (905) 7347083
izdatelstvo-sad@yandex.ru - http://www.sadpress.com

Профессор
Хасан Камиль Йылмаз

Золотая Сильсиля

Цепь Преемственности
шейхов тариката Накшибандийя-Халидийя

Москва - 2009

Перевод с турецкого

Д. Кадыров

Канонический редактор

А. Хабибуллин

Литературный редактор

С. Хабибуллина

Перевод осуществлен с оригинала:

Prof. Hasan Kamil Yılmaz «Altın Silsile» İstanbul, 2005.

Профессор Хасан Камиль Йылмаз

Золотая Сильсиля. Перевод с турецкого. - М.: ООО «Издательская группа «САД» 2009. – 248 стр., 1-е издание, тираж: 2.000 экз.

ISBN 978-5-902855-80-4

Книга профессора Х-К. Йылмаза посвящена описанию жизни и наставнической деятельности шейхов тариката Накшибандийя-Халидийя.

Рекомендуется для широкого круга читателей.

Все книги издательства можно заказать:

Почтовый адрес: 125412 г. Москва, а/я 28
Офис: г. Москва, м. Петровско-Разумовская, ул. Ангарская, 21
Тел / Факс: 8 (495) 7074666, 8 (499) 9066717, 8 (964) 7818321
www.sadpress.com / izdatelstvo-sad@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Сильсиля и Иджаза

Образование в Тасаввуфе означает передачу состояний и чувств, осуществляемую при непосредственном пребывании одного человека рядом с другим, поэтому для его получения необходим духовный наставник или проводник. Так как путь Тасаввуфа является продолжением системы духовного воспитания и совершенствования, с которой пришел Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям), то существует необходимость в цепи преемников, которые стали после него проводниками на этом пути. **Сильсиля (цепь преемственности)** – это последовательность шейхов тариката, которая восходит к Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям). По сути, в первые века хиджры в большинстве исламских наук, в т.ч. в Тафсире, Хадисах и Фикхе, обязательным условием при передаче знаний являлось наличие цепочки достоверных передатчиков. Ученые Тафсира и Усуль-аль-Хадиса уделяли особое внимание тому, чтобы эти знания через цепочку достоверных передатчиков (равий) восходили к Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям). Однако, начиная с III века хиджры, когда фундаментальные знания по Исламу были письменно зафиксированы, постепенно отпала необходимость в такой цепочке передатчиков. С VI века хиджры в Тафсире, Хадисах и Фикхе она уже практически не требовалась. Но последователи тасаввуфа, в силу особенностей этой науки, не отказались от принципа преемственности. Напротив, цепь преемственности, приводимую в первых веках хиджры в устной форме, начали записывать. Таким образом, если представители других направлений исламских наук с течением времени отказались от принципа преемственности, последователи тасаввуфа, в силу особенностей своей науки, стали уделять ей большее внимание. Хотя были и такие, которые утверждали, что сильсиля были со-

ставлены позже. Но на самом деле сильсиля были приняты Тасаввуфом, как и другими исламскими науками, с самого начала своего развития.

Есть два направления сильсиля, которые восходят к Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям). Одна из них восходит к Посланнику Аллаха через досточтимого Абу Бакра, другая – через досточтимого Али (радыйаллаху анхума). Сильсиля, восходящие через других последователей, затерялись в пучине времен. Так как сильсиля считается каналом фейза (духовного знания), который исходит от Всевышнего Аллаха через Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), такой вид духовного знания называется «фейз иснад» или «фуйузат сильсиля джалиль». Сильсиля считается своего рода «духовной родословной». Аяты Священного Корана, в которых жены Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) называются **«матерями правоверных»** (аль-Ахзаб, 33/6), а все верующие – **«братьями»** (аль-Худжурат, 39/10), а также хадис Досточтимого Пророка: *«Я нахожусь в степени вашего отца»* (Абу Дауд, Тахара 4) приводят всю мусульманскую общину в положение одной большой семьи. Это представление семьи есть и в тарикатах. Шейх – отец, его жена – мать, а мюриды – братья. Поэтому последователь тариката, не знающий сильсиля своего тариката, сравнивается с человеком, не знающим древо своего рода, называемое «шаджара». Такая скрупулезность укрепляет у последователей тариката чувство причастности к нему.

Во всех тарикатах есть сильсиля. Однако встреча некоторых шейхов в этих цепях преемственности с исторической (временной) точки зрения была невозможной. В таких случаях встреча с шейхом и получение благословения были заочными (увейси). Заочная встреча происходит во сне, если физически и духовно она не возможна.

Последователи тасаввуфа твердо уверены, что шейхи являются источниками фейза сильсиля, поэтому эти сильсиля в разное время фиксировались чаще в стихотворной, иногда в прозаической форме. Хотя сильсиля уделяется внимание во

всех тарикатах, последователи Накшибандийя в такой степени преуспели в этом, что даже айин (песнопение) тариката назван **«хатм хаджеган»,** то есть «почтительное чтение имен шейхов тариката, составляющих сильсиля тариката». При исполнении «хатм хаджеган» читаются избранные аяты Корана, ду'а и салаваты, калима-и-таухид и такбир. При перечислении этих имен большое значение имеет направление духа через шейха к Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям). И особенную духовную ценность несет представление шейхов тариката от Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) до своего шейха, сидящими в ряд в форме полумесяца, и видение мюрида самого себя в конце этого полукруга. Это состояние открывает сердце мюрида, становится основой духовного возвышения. Ряд произведений, в которых приведены сильсиля тарикатов, получили название «сильсилянаме». А тем сильсиля, в которых занимают место представители семьи Пророка (ахли-бейт), было дано название **«сильсилятуз-захаб» (Золотая цепь).**

Шейхи тарикатов и мастера тасаввуфа, для того чтобы создать преграду претензиям людей, не прошедших постижения пути и не получивших духовное воспитание, а также с целью предотвращения появления по прошествии времени ложных шейхов, посчитали необходимым ввести принцип «иджаза» (аттестации). Иджаза удостоверяет право шейха заниматься духовным воспитанием мюридов и представляет собой письменное или устное разрешение, которое дается мюридам, завершившим постижение пути. Если данное разрешение зафиксировано в письменном документе, оно называется **«иджазатнаме»**. После того, как в XVII веке появилась традиция передавать пост шейха тариката от отца к сыну, и это стало причиной некоторого падения духовного уровня тарикатов, возникла необходимость в получении иджазатнаме руководителем тариката. Получивший иджаза салик считается преемником (халифом), и ему разрешается открывать текке.

Иджаза бывает двух видов: иджаза, ограничивающаяся

жизнью шейха, которая называется «хилафет накыса». Действие такой иджаза заканчивается со смертью шейха. Другой вид иджаза позволяет занять место шейха после его смерти и называется «хилафет тамме». Для ведения наставнической деятельности нужна иджаза, а для получения иджаза необходимо пройти постижение пути под руководством наставника, обладающего непрерывной цепью преемственности.

Мухаммад бин Абдуллах аль-Хани, который в своей книге **«аль-Бахджат ас-Сания»** посвящает целую главу **Благочестию** в Накшибандийском тарикате, приводит слова, принадлежащие Абдульваххабу аш-Ша'рани: «О мюрид, о ученик мой, знай, что каждый, кто желает продвинуться на этом пути и достигнуть больших высот, должен прежде знать духовное происхождение свое, также как знает он отцов своих и дедов. Ведь каждый, кто не знает тех, кто является путеводителем на этом пути, является слепцом. Ведь тот, кто, вступив на путь этот, не зная духовного происхождения своего, пытается примкнуть к тем, из числа которых не является, принадлежит к тем заблудшим, о которых Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) говорил: **«Тот, кто утверждает, что отцом его является тот, кто отцом его не является, навлекает на себя проклятье».**

А один из великих мутасаввифов **Ибн аль-Фарид** говорил так: «Наше духовное родство друг с другом намного крепче даже кровных уз и любых материальных привязанностей». Так как душа является сутью человека. Только душа делает человека человеком, поэтому тот, кто является духовным наставником людей, обращаясь к сердцам, становится их постоянным наставником на долгие времена. Именно поэтому, вступая на путь духовного познания, прежде всего, нужно найти и стать приверженцем и последователем своего духовного наставника.

По мнению тех, кто стоял у истоков тасаввуфа, для духовного совершенствования каждому человеку, прежде всего, необходимо стать приверженцем одного из джамаатов, а также знать свое духовное происхождение. Они также едины во мне-

нии, что тот, кто не имеет духовного родства с Досточтимым Пророком (саллаллаху алейхи ва саллям), то есть не является духовным преемником в цепи преемственности, которая восходит к самому Пророку, не может ни для кого стать духовным наставником, то есть занять место шейха. Иными словами, для того чтобы достигнуть степени шейха, необходимо стать последователем другого шейха, имеющего духовную связь и место в цепи духовной преемственности (сильсиля), под духовным наставничеством пройти путь постижения истины, в противном случае, духовное преображение человека невозможно. Поэтому только они могут делать внушение зикра, надевать хырку (накидку) наставничества и, давая иджазу, облачать других в хырку наставничества.

В продолжение своих слов, имам Ша'рани говорит: «Секрет внушения зикра заключается в том, чтобы совершающий зикр соединился сердцем со всеми, кто составляет сильсиля, вплоть до Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям). После того, как сердца обратятся к Посланнику Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), они связываются с Аллахом. Минимальный уровень, до которого доходит мюрид в этом состоянии, – благосклонность к нему душ шейхов, составляющих сильсиля, заслуживается посредством наставника. Те, которые пытаются вступить на этот путь праведников другим способом, считаются не из них».

Источники Золотой Сильсиля

Известно, что во всех классических источниках Тасаввуфа путь духовного совершенствования от Абу Бакра (радыйаллаху ‘анху) до Баязида Бистами называется **«Бакрийя»** или **«Сыддикийя»,** путь от Баязида Бистами до Абдульхалика Гуждувани – **«Тайфурийя»** или **«Баязидийя»,** путь от Абдульхалика Гуждувани до Шаха Накшибанда Бахауддина Бухари – **«Хаджеганийя»,** путь от Шаха Накшибанда до Убейдуллаха Ахрара – «**Накшибандийя**», путь от Убейдуллаха Ахрара до Имама

Раббани – «**Ахрарийя**», путь от Имама Раббани до Мавляны Халида Багдади – «**Муджаддидийя**», и путь, ведущий от Халида Багдади до ныне живущих шейхов – «**Халидийя**».

Жизнеописания многих из тех, кто был удостоен чести быть преемником в этой золотой цепи, можно найти в различных источниках. Например, о тех из них, кто жил до Баязида Бистами, можно прочитать в книгах по истории Ислама. О тех из них, кто жил в эпоху Абдульхалика Гуждувани, можно узнать из специальной литературы по Тасаввуфу. О тех из них, кто жил после Абдульхалика Гуждувани, говорится в произведениях о приверженцах Накшибандийского тариката. Вот некоторые из них:

1. «Нафахатуль-унс мин хазаратиль-кудс». Произведение написано Абдуррахманом Джами (ум. 892/1492), приверженцем Накшибандийского тариката. Источником для написания послужило произведение Сулеми «**Табакатус-суфийя»**, переведенного Абдуллахом Харави на персидский язык. Книга «**Табакатус-суфийя»** в переводе Харави вышла в свет лишь в 1917 году в Тегеране, издателем ее был Мехди Тевхиди Пур. В **«Нафахате»** Джами дается подробное жизнеописание 616 суфиев, причем 34 из них – женщины. Это произведение переводилось на турецкий язык и не раз издавалось на османском языке под авторством Ламии Челеби (Стамбул 1270, 1289). Однако, помимо перевода, произведение дополнено жизнеописанием еще пятнадцати суфиев. «Шейхуль-Ислам», о котором говорится в переводе **«Нафахата»**, есть никто иной, как сам Абдуллах Ансари Харави.

В своем произведении Джами говорит, в основном, о Накшибандийских шейхах. В частности, подробно говорится о шейхе Убейдуллахе Ахраре и Са’деддине Кашгари. Приводя описание досточтимых преемников золотой цепи, он начинает с Йусуфа Хамадани и заканчивает теми Накшибандийскими шейхами, которые жили в его время (см. **«Нафахатуль-унс»,** перевод, Стамбул, 1289, стр. 409-470).

2. «Рашахат Айнуль-Хаят». Написано Али бин Хусейном

аль-Ва'из аль-Кяшифом (ум. 909/1532) на персидском языке. Автор, известный также под псевдонимом «Сафиййуддин», а также Джами, являясь почитателем Убейдуллаха Ахрара, начинает свое произведение с жизнеописания Ахрара. Далее следуют повествования и о других шейхах Накшибандийского тариката. Произведение было переведено на арабский и турецкий языки и, также как **«Нафахат»**, неоднократно издавалось на османском. Также как **«Нафахат», «Рашахат»** начинается с жизнеописания Йусуфа Хамадани, потом следует жизнеописание всех остальных шейхов Накшибандийского тариката, общая численность которых достигает шестидесяти. Особую ценность представляют собой те сведения, которые говорят о мутасаввифах – современниках автора **«Рашахата».**

3. «Макамат Мазхарийя». Написано одним из Накшибандийских шейхов – Шахом Гуламом Али Абдуллахом Дехлеви (ум. 1240/1824). Несмотря на то, что автор посвящает книгу своему шейху Мазхару Джан Джанану, в ней он дает общую информацию и об остальных учителях-шейхах Накшибандийского тариката, рассказывает о преемниках цепи и пути Накшибандийского тариката. Произведение было издано в Индии (1299), после чего переиздавалось в Стамбуле (1990).

4. «Аль-Бахджатус-санийя». Книга о месте адаба (норм поведения) в традициях Накшибандийя, написанная Мухаммадом бин Абдуллахом аль-Хани (у. 1279/1862). Мухаммад аль-Хани, будучи одним из преемников Мавляны Халида Багдади, в своем произведении говорит об адабе приверженцев Накшибандийского тариката, в особенности ветви Халидийя, подробно описывая путь, который проходит вставший на путь духовного воспитания салик. Произведение неоднократно (Стамбул 1303, 1401) издавалось на арабском языке, после чего было переведено и на турецкий язык. В начале своего произведения автор говорит о духовной родословной и ее значимости, после чего подробно говорит о каждом из шейхов Накшибандийской сильсиля (стр. 10-13).

Произведение **«аль-Бахджатус-санийя»** издавалось и на

османском языке, после чего его трижды переводили на турецкий. Османская версия перевода произведения была неполной и содержала лишь основные сведения о шейхах цепи. Первым османскую версию произведения перевел и издал на турецком языке под названием **«Адаб»** мархум Сами Рамазаноглу Эфенди, включив в нее лишь основные сведения о шейхах цепи. Некоторые сведения к этому переводу были добавлены его зятем Омаром Киразоглу (стр. 32-72). Следующая турецкая версия произведения вышла в свет уже на латинице (Стамбул 1976), автором и переводчиком этой версии стал Абдулькадир Акчичек, который привнес в него некоторые дополнения (см. стр. 47-131). Вторично эта книга была переведена Али Хусревоглу (Стамбул 1980) и сохранила те же сведения (стр. 35-117).

5. «Ан-Назмуль-атид», «Иргамуль-марид» и **«ад-Дурарун-Надид».** Все эти три произведения принадлежат Дюзджели М. Захиду аль-Каусари. Первое произведение посвящено ветви Халидийя, к которой автор сам и принадлежит, в частности, подробно говорится обо всех шейхах цепи, служивших в дергах (обители) Гумюшханели. Второе произведение является толкованием первого, и в нем подробно говорится обо всех, чьи имена упоминаются в цепи. Произведение было издано в Стамбуле (1328/1908). В **«ад-Дурарун-Надид»** автор обобщает то, что говорится в **«Иргамуль-марид».** Произведение издано в Каире (1396/1976). Книга **«Иргамуль-марид»** была переведена и издана на турецком языке под названием **Алтын Сильсиле (Золотая Цепь).**

6. «Аль-Хадаикуль-вардийя». Книга Абдульмаджида бин Мухаммада аль-Хани целиком посвящена шейхам Накшибандийской цепи (1306). Автор, будучи сыном Мухаммада аль-Хани, автора **«аль-Бахджатус-сания»,** достаточно сведущ в том, что касается Тасаввуфа и знания шейхов цепи. Он делит свое произведение на три раздела, в каждом из которых подробно говорит о шейхах Накшибандийской ветви. В первых двух разделах он говорит о цепи Хайдарийя, которая восходит к зятю Досточтимого Пророка (саллаллаху ‘алейхи ва саллям)

Али, а в третьем разделе речь идет о шейхах, ведущих свою цепь преемственности от Абу Бакра (радыйаллаху анхума). Произведение было переведено и издано на турецком языке Абдулькадиром Акчичеком (Стамбул 1986).

7. «Хадикатуль-аулия». Не раз издававшаяся книга Ходжазаде Ахмада Хильми (Стамбул 1318). **«Хадикатуль-аулия»** повествует о шейхах тарикатов Накшибандийя, Кадирийя, Сухревердийя, Кубравийя, Рифайя, Мавлявийя, Бадавийя, Десукийя, Шазилийя и Са'дийя и состоит из семи небольших книг. Первые две из этих семи книг посвящены шейхам Накшибандийской цепи. Автор, будучи приверженцем Накшибандийя, посвящает большую часть своего труда именно этой ветви. Он также очень подробно рассказывает о всех шейхах и учениках, начиная от Баязида Бистами и заканчивая Мавляной Халидом Багдади.

8. «Алтын Сильсиля». Произведение, написанное Наджибом Фазылом Кысакюрегом и посвященное всем шейхам Накшибандийской цепи, включая его собственного шейха Абдульхакима Арваси. В произведении, в качестве источников которого послужили **«Рашахат»** и **«аль-Хадаикуль-вардийя»** и некоторые другие, приводятся жизнеописания 33 праведников и рассказывается об их духовных степенях.

9. «Аль-Имамус-Сархинди». Книга, написанная Абу аль-Хасаном Али ан-Надви (Кувейт 1985), повествует обо всех шейхах от Имама Раббани до шейхов ветви Муджаддидийя.

1. НАШ ЛЮБИМЫЙ ПРОРОК МУХАММАД
-саллаллаху алейхи ва саллям-

В сборниках хадисов и книгах о жизнеописании Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) о красоте его внешности и духовного облика сказано:

Наш Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) был чуть выше среднего роста. Когда он находился среди людей, его общительность и дружелюбие, казалось, приподнимали его на голову выше них. Он имел пропорциональное телосложение. Его лоб был высоким и широким, а брови – в форме полумесяца, и их редко можно было видеть нахмуренными. Его черные глаза обрамляли черные длинные ресницы. Временами на его благословенном лице проступали капельки пота, которые пахли подобно росе на лепестках роз. Нос его был немного вытянутым, лицо – чуть округлым, а рост – чуть выше среднего. Зубы его были ровными и белыми, подобно жемчужным бусам. Так, что когда он говорил, можно было видеть блеск его передних зубов.

Он был широк в плечах, кости его ног и рук были крупны и широки, а руки и пальцы были длинными и мясистыми. Живот был подтянут и не выступал за линию груди, а на спине его, между лопатками, было розовое родимое пятно размером с куриное яйцо – «пророческая метка». Тело мягкое. Цвет кожи не белый и не смуглый. Она имела розоватый цвет и, казалось, излучала жизнь.

Волосы его не были вьющимися, но не были и прямыми. Борода его была густой. Длина волос на голове его была чуть длиннее мочек уха или доходила до плеч. Он никогда не отпу-

скал длинную бороду и остригал ее, если она становилась длиннее ширины ладони.

Когда он умирал, у него почти не было седых волос. Их было совсем немного – и на голове, и в бороде его.

Тело его, независимо от того использует он благовония или нет, всегда приятно пахло. И каждый, кто прикасался к нему или здоровался за руку, мог чувствовать этот аромат. Его слух и зрение были на редкость остры, и он мог видеть и слышать с очень дальнего расстояния. Внешность и выражение лица его всегда были приятными и пробуждали симпатию в каждом, кто смотрел на него. Он был прекраснейшим из людей, самым благословенным из них. И тот, кто хоть раз видел его, говорил: «Он был прекрасен, как луна на четырнадцатый день».

Внук Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) Хасан (радыйаллаху анху), на которого после его смерти была возложена священная миссия распространения религии истины, думая о тех, кто не видел при жизни последнего из пророков, говорил, обращаясь к Хинд б. Абу Хале: «Даже я, желая остаться сердцем привязанным к Нему, люблю слышать, когда кто-то рассказывает о его внешней и духовной красоте» (см. Тирмизи, аш-Шамаиль Мухаммадийййя, Бейрут 1985, стр.10). Очевидно, что знание о том, каким был его внешний облик и его жизненный путь, способствует возникновению духовной привязанности к нему, а благословенный образ его невольно возникает в воображении. И именно это приводят мутасаввифы как доказательство действительного существования духовной связи с великими духовными личностями (рабита).

Именно таким был Мухаммад Мустафа (саллаллаху алейхи ва саллям) – прекраснейшим в своем творении и природе, совершеннейшим в своем благонравии, он был причиной самого мироздания, милостью для всех миров, последним пророком, предводителем человечества, источником откровений, воплощением Священного Корана, предвестником Мира Вечности и, конечно, тем, с кого начинается каждая цепь, отправная точка

каждого пути, на пути к истине и духовному совершенствованию. По этой причине, только он является источником всех знаний Корана и его толкования, только он знает истинный смысл хадисов, только он является началом акаида и, конечно, только он является родоначальником Тасаввуфа.

Он был пророком, которого вознес Сам Всевышний Аллах, только его Он сделал руководством для всего человечества, только покорность и послушание ему Он приравнял покорности и послушанию Себе, только любовь к нему Он сделал равной любви к Самому Себе. Его нравом был Коран. Он был последним из пророков, предвестником Судного Дня. Он был сутью мироздания и печатью пророчества. Несмотря на все дарованные превилегии, ему не было равных в вере, нравственности, поклонении, в отношениях с людьми; он был несравненной и выдающейся личностью, **образцом для подражания** всем и каждому. Ведь именно об этом говорит Всевышний Аллах, когда повелевает: **«Посланник Аллаха – образцовый пример для вас, для тех, кто возлагает надежды на Аллаха,** [верит в приход] **Судного дня и поминает Аллаха многократно»** (аль-Ахзаб, 33/21). **«И ты, поистине, человек превосходного нрава»** (аль-Калям, 68/4).

Во главе каравана

То, что он был одарен **«превосходным нравом»** и являлся **«образцом для подражания»** всем и каждому, явилось причиной, что он встал во главе Исламского духовного воспитания и во главе воспитания тасаввуфа, который есть ни что иное, как адаб и аскетизм. Все его поступки, деяния и высказывания легли в основу тасаввуфа. Поэтому мы, признавая свою неспособность выразить это должным образом, попробуем, тем не менее, сказать свое слово о его благонравии, аскетизме и духовности с точки зрения повелений Священного Корана, а также его собственных высказываний.

Наших слов не хватит, если мы будем говорить о его красо-

те и совершенстве. Ведь он сам, признавая, что нрав его сделало совершенным воспитание Господа, говорил: **«Нравом моим был Коран».** И поэтому, все то, с чем он пришел к человечеству, он испытывал, в первую очередь, на себе самом.

О зрелости характера человека наилучшим образом могут судить, прежде всего, члены его семьи, ближайшие люди, которые его окружают. В пословице говорится: «Гора кажется небольшой только издалека». Так и в жизни порой случается, что открыть для себя какого-то человека, а точнее – величие его личности, бывает возможным лишь тогда, когда мы ближе знакомимся с ним самим и его жизнью. И наоборот, порой те, о ком мы иногда бываем высокого мнения, при более близком знакомстве оказываются вовсе не такими уж великими людьми. Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) был иным. Все, кто знал его близко, не смогли полностью описать совершенство его нравственности. Его жена Хадиджа (радыйаллаху анха), благочестивые Айша и Фатыма, его зять досточтимый Али, приемный сын Зейд и слуга Анас (радыйаллаху анхум) говорили о нем и его нраве лишь благое. Он был **«послан, чтобы завершить прекрасную нравственность»** и вызывал восхищение каждого, кто как-то соприкасался с ним, потому что в его благом нраве и деликатном обхождении не было и тени притворства или наигранности, это была сама его жизнь. Его дружелюбие и внимательность становились причиной крепкой привязанности и самозабвенной любви. И разве не это есть суть всякого воспитания? Он был для сахабов и уммы подобно родному отцу. А его жены были подобны их матерям. Все те, кто последовал за ним, стали членами этой семьи, братьями. Ведь он хотел воспитать свою умму подобно тому, как дети воспитываются в тепле семейного очага. Это представление семьи существует и в тасаввуфе. Ведь суть его пророческой миссии «сделать людей совершенными в нравственности, дав им духовное воспитание» и является обязанностью тасаввуфа, то есть «духовное наставничество».

* * *

Духовная жизнь

Духовная жизнь тасаввуфа отражает духовную жизни Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Известно, что еще до призыва к пророческой миссии он любил уединяться далеко в горах, в пещере Хира, и проводить там время в размышлениях, вдали от мирской суеты. Ведь ему предстояло встретиться с ангелом Джибрилем (алейхиссалям) и получить через него божественные откровения, а для этого было необходимо пройти духовную и моральную подготовку. Это был период, на протяжении которого он разумом и сердцем готовил себя к великой миссии. Также в тасаввуфе – появились такие понятия, как «хальвет» – уединение и отдаление от всего мирского с целью духовного очищения и возвышения, «чиле» или «арбагыйн» – сорокадневное уединение, на протяжении которого мюрид воспитывает себя и свою душу, посвящая себя поклонению, избавляясь от того, что отвлекает его от Господа, вырабатывая в себе такие качества как терпение и покорность.

Несмотря на достигнутое им духовное совершенство, на полученное прощение всех прошлых и будущих грехов, на объявление его языком Корана Пророком, он не перестал усердствовать на пути к истине и возвышению духа, продолжая находиться на вершине покорности и послушания, проводя ночи в поклонении и дни в посте.

О том, что, помимо предписанного ему Господом, Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) посвящал себя и другим видам поклонения, как, например, дополнительным намазам и постам, зикру и покаянию, и призывал к этому своих последователей, говорится во многих сборниках хадисов. Часто в ду’а к своему Господу он обращался так: «Я уверовал в Тебя и покорился Тебе, я положился на Тебя, я ищу Твоей защиты и помощи, я прибегаю к Твоей милости», проявляя в своих поклонениях кротость и искренность, а в своем стремлении к Господу – благоговейный трепет и вдохновение.

Уединения, которые были начаты до пророческой миссии и

происходили в пещере Хира, были продолжены и после и охватывали последние дни священного месяца Рамадан, проходя в поклонении и духовном возвышении в обществе Джибриля (алейхиссалям) и атмосфере Священного Корана.

Это время не прошло понапрасну, ведь еще до того, как стало известно, что Всевышний Аллах избрал Мухаммада (саллаллаху алейхи ва саллям) для пророческой миссии, он был преисполнен величайшей любовью к Господу своему, именно поэтому он постоянно искал Его, стремился к Нему, и даже люди говорили: «Мухаммад влюбился в своего Господа». После ниспослания Священного Корана, это чувство еще более укрепилось в нем: *«Если бы я мог выбрать помимо Аллаха себе друга, я бы взял в друзья Абу Бакра», «Я друг Аллаха, и я не говорю это ради похвальбы», «Человек с тем, кого он любит»*, и на протяжении всей своей жизни он оставался преданным лишь Господу своему и достойно сохранял эту верность. И, даже когда ему было предложено выбирать между жизнью земной и жизнью вечной, он без колебаний выбрал ту, где пребывает благоволенье Господа его, сказав: «Аллахумма рафик аль-а'ля (Лишь Ты, о Аллах, мой Высочайший Друг)», вознесясь к Нему душой.

Его духовное совершенство было непревзойденным в такой степени, что любовь к Аллаху всегда удерживала его в рамках дозволенного, установленного Им, делая его, в то же время, и самым богобоязненным из людей. Известно, что он говорил: *«Я самый богобоязненный из всех вас»*. Но самым удивительным было то, что эта любовь и страх совмещались в одном сердце, и одно никогда не преобладало над другим. Чувство, которое в тасаввуфе называется «хайбат», делало Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) непревзойденным человеком. Благодаря этому чувству, он производил на слушающих его и смотрящих на него незабываемое впечатление. Так, в одном из хадисов он сказал: *«В сердце каждого, кто враждует со мной, будь он и на расстоянии месячного пути, будет вселен страх, и сила эта пребывает со мной везде и всюду»*. По словам Али (радыйаллаху анху), те, кто знакомился с ним, питал к

нему симпатию и, чем ближе становилось это знакомство, тем сильнее начинал любить его. Он производил настолько сильное впечатление на окружающих, что многих била дрожь от охватывающих их чувств, а он, успокаивая их, говорил: *«Не бойся, я лишь сын простой женщины из Курайшитов, которая, как и все, питалась вяленым мясом»*.

Тот, кто смотрел на него, не мог насмотреться, нур, исходящий от его лица, та одухотворенность, что была запечатлена на нем, заставляли многих смириться с правдой, принять истину и со словами: **«Человек с таким лицом не может быть лжецом»** принимать Ислам. Тот, кто слушал его, не мог наслушаться его речей, уводящих в иной мир и возвышающих каждого, кто внемлет. Так, однажды один из асхабов по имени Абу Хурейра (радыйаллаху анху) признался ему: *«О Посланник Аллаха!* – сказал он. – *Когда мы слушаем твои проповеди, то забываем про все мирское, духовно возвышаемся. Все мирское перестает для нас существовать. Однако, когда мы уходим от тебя и возвращаемся к семьям своим и делам своим, все меняется»*. На что Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) ответил: *«О Абу Хурейра, если б вы сохраняли это упоение и восторг постоянно, то увидели бы, как с вами разговаривают ангелы»* (Бухари, Нафака).

Находясь под воздействием его одухотворенности, слушающие его сахабы замирали, *«будто на их головах сидели птицы, и они боялись их спугнуть»*.

В заключение хотелось бы привести пример из жизни Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), показывающий каким трепетом и сладостью были наполнены его поклонения, и который поможет понять, откуда пришли в тасаввуф такие понятия, как ваджд (духовное упоение) и джазба (божественное притяжение):

Передается, что однажды Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), уединившись, устремился душой к Господу и пребывал в созерцании иных миров, когда к нему зашла Айша (радыйаллаху анха). «Кто ты?» – спросил он её. «Айша»

– отвечала она. «Кто такая Айша?» – спросил он, будто совсем её не знает. «Дочь Сыддыка» – «Кто такой Сыддык?» – «Тесть Мухаммада» – «А кто Мухаммад?» И тогда Айша (радыйаллаху анха) поняла, что Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) пребывает в иных мирах и лучше его не беспокоить.

Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) желал, чтобы его сахабы жили в атмосфере духовности. Тот духовный подъем, упоение веры, любовь и вдохновение, которые они переживали, пребывая рядом с ним, они смогли передать и тем, кто не имел счастья видеть Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) при жизни, и это духовное знание дошло до наших времен. Хотя невозможно передать состояние сердца и души словами и письмом, но они передавали его, соприкасаясь сердцами и душами. Ведь об этом говорится в хадисе: *«Верующий для другого верующего подобен зеркалу»*, что указывает на то, что наилучшим образом все душевные переживания и чувства верующего могут быть выражены только в обществе ему подобных, где он может видеть таких же, как и он сам, и духовно совершенствоваться. Всевышний Аллах, возвещая о том, что духовные и нравственные качества Его Посланника (саллаллаху алейхи ва саллям) будут и в дальнейшем проявляться в последующих поколениях, повелевал: **«Так знайте же, что среди вас находится Посланник Аллаха»** (аль-Худжурат, 49/7); **«Но Аллах не станет наказывать их, когда ты находишься с ними»** (аль-Анфаль, 8/33). В этом аяте объясняется, что Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) и после эпохи аср-саадат постоянно находится среди нас духовно и метафизически.

Духовность Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) и его сахабов, отраженная в аятах и хадисах, легла в основу тасаввуфа. Эта духовная жизнь, находя проявление в других сердцах и душах, передавалась от сердца к сердцу через общие переживания и состояния. Это жизнь, которую нельзя постичь умом, осмыслить, изучить или увидеть, это невидимая, внутренняя жизнь, постижимая чувствами и душой. И, так как она передается и приобретается с жизнью и опытом, её нередко

называют **«наследуемым знанием».**

Жизнь Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) отличалась простотой, поэтому его образ жизни стал примером для человечества, подходящим каждому человеку во все времена. Он в своих поклонениях был далек от единоличия и разобщенности с уммой, в земных делах был неприхотлив и даже аскетичен, а во взаимоотношениях с людьми предпочитал уважительность и богобоязненность.

И даже, когда созданное им государство вышло за границы Аравийского полуострова, и в казну нескончаемым потоком потекли богатства завоеванных государств, он оставался таким же отстраненным от мирского. Иногда по нескольку дней и даже недель в его доме не было ничего из съестного, кроме воды и сушеных фиников. Не секрет, что не все из членов его семьи могли терпеть такое положение, и вскоре некоторые из его жен пожаловались ему на такую бедную жизнь, потребовав от него свою долю мирского. По этому поводу снизошел следующий аят, который настоятельно рекомендовал каждой из жен Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) остановить свой выбор на том, что дает им Аллах и Его Посланник: **«О Пророк, скажи своим женам: «Если вы хотите этой жизни и ее благ, то придите: я одарю вас и отпущу с добром. А если вы жаждете** [благоволения] **Аллаха, Его Посланника и будущей жизни, то, воистину, Аллах уготовил тем из вас, кто творит добро, великое воздаяние»** (аль-Ахзаб, 33/28-29).

С точки зрения Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), зухд (аскетизм) не означал запрета мирских благ, которые Всевышний Аллах сделал дозволенными, также как не означал он бессмысленную трату имущества, он состоял в отсутствии привязанности к благам земной жизни. Он жил с верой и надеждой на то, что у Аллаха, чем в то, что в его собственных руках. Если его постигала неприятность или утрата, то воздаяние, которое он ожидал получить за это испытание, было для него дороже, чем то, что он потерял.

Дом, в котором он жил, и его быт отличались скромностью

и простотой. Он не любил роскошь и излишества, броскость и пестроту. Когда его дочь Фатыма (радыйаллаху анху) повесила в своем доме яркие шторы с рисунками, Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) не стал входить и ушел, объяснив это так: **«не подобает нам находится в разукрашенном доме».** Таким же образом он отнесся к тому, что Айша (радыйаллаху анха) украсила их дом занавесями с изображениями, велев ей снять их.

Его постелью обычно служили плед или циновка, а вместо подушки он использовал набитый сухими листьями кусок кожи. По преданию от Ибн Мас'уда, когда однажды они навестили Посланника Аллаха (салаллаху алейхи ва саллям), увидели его возлежащим на циновке, следы от которой отпечатались на его благословенном теле. На их предложение устроить для него более комфортную постель, он отвечал: **«Что у меня общего с этой жизнью? Ведь я в этой жизни земной подобен страннику, который, остановившись отдохнуть под сенью дерева, встанет и продолжит свой путь».**

Великие личности, воспитанные им, достигшие истинного довольства и аскетизма, праведники, получившие урок из его жизни, даже став завоевателями государств и их правителями, уже никогда не могли позволить себе больше, чем дирхем в день. Так как они знали, что тот, кто сумел укротить свои желания и страсти, ограничив себя одним дирхемом, всегда легко сможет найти время и желание на великие дела и служение другим. Ведь потребностям и желаниям человека нет конца. И если он сам не сможет ограничить их, никто не сможет сделать это для него. Именно поэтому Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) говорил о том, что достаточно человеку, чтобы поддерживать свое существование в этой бренной жизни: **«Пристанище для ночлега, одежда, которая защитит его от холода и зноя и несколько кусков пищи, что придадут ему сил держаться на ногах».** Возможно, из этого хадиса вытекает представление тасаввуфа о самом необходимом, как «один кусок пищи и одна хырка». Однако нужно понимать, что кри-

терии, приводимые в этих хадисах для применения личностью в духовной жизни, рассчитаны на тех, кто живет обществе, знакомом с истинными ценностями Ислама. К тому же, Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) называет самое необходимое для существования не с точки зрения приобретения, а с точки зрения владения ими.

Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) был наделен такой духовной силой и превосходными качествами, таким аскетизмом, какими до него не обладал никто другой, поэтому он стал непревзойденным примером для подражания каждому. Эти качества оставались неизменными и в первые годы его пророческой миссии, когда ему вместе с первыми мусульманами приходилось претерпевать трудности и гонения, и, когда, переселившись в Медину, он создал государство и стал призывать к вере и спасению всех, кто оказался под его руководством; эти совершенные качества помогли ему остаться у власти и быть непревзойденным и успешным лидером.

2. АБУ БАКР ас-СЫДДЫК

-радыйаллаху анху-

Абу Бакр был среднего роста, кожа его была белой, с чуть желтоватым оттенком, волосы были прямыми, а борода – не густой. Он часто красил её хной. У него был открытый лоб, глубоко посаженные глаза и строгий взгляд. Несмотря на то, что лицо и тело его были худыми, он был широк в плечах. Ноги его были тонкими, бедра вытянутыми, и все телосложение – тонким и стройным. Вместе с тем, он был силен и храбр. В молодости он имел стройную осанку. Но с возрастом стал немного сутулиться. Преисполненный любви и трепета перед Господом, он всегда выглядел печальным. Но любовь к Пророку делала лицо его приветливым и приятным.

Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) говорил: *«Знание и хидайат, которые Аллах ниспослал со мной, подобны проливному дождю, выпавшему на землю. Те плодородные участки земли, которые впитывают эту дождевую воду, взращивают различную зелень и растения. Другие участки земли не впитывают этой воды, а держат её на своей поверхности, чтобы люди, звери, и другие живые существа могли пить и пользоваться ею. Существуют и другие участки земли, которые не держат этой воды и не взращивают ни плодов, ни зелени»* (Бухари, Ильм, 20). Из этого хадиса становится ясным, что люди могут воспользоваться той милостью, с которой пришел Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) лишь в соответствии со своими способностями.

Одним из первых, кто был воспитан в школе пророка Мухаммада (саллаллаху алейхи ва саллям), одним из тех, кто глоток за глотком утолял жажду из его источника хидайат и ма’рифат, одним из тех, кто «накапливал эту воду и поил ею дру-

гих», был Абу Бакр (радыйаллаху анху). Он был первым, кто уверовал в Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), и стал первым после него халифом. Он был первым, кто посвятил Посланнику Аллаха все свое имущество, и был первым, кто принял на себя тот вред, который был обращен на Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям).

Он был тем, о ком Посланник Аллах (саллаллаху алейхи ва саллям) сказал: *«Кроме пророков, под солнцем не было человека лучше, чем Абу Бакр»,* и удостоившимся чести быть любимым другом Посланника.

Пять основ его превосходства

Когда его спросили, как он достиг такого совершенства и превосходства, он дал ответ, в котором заложены основы духовного пути и совершенной нравственности в тасаввуфе. Он ответил так:

«Я достиг этого с помощью пяти вещей:

1. Я относил окружающих меня людей к двум разным группам. Первая – это рабы мирского, которые пребывают в погоне за ним. Другая – это те, которых беспокоит только то, что ожидает их после, то есть в будущей жизни. Я не стал ни последователем этой жизни, ни последователем вечной. Я стал тем, кто желал лишь довольства Господа своего.

2. С первого дня, как я стал мусульманином, я был занят лишь познанием Господа моего, а то счастье и возвышенность чувств, которые я испытывал в этот период моей жизни, заставили меня совсем охладеть к мирскому, и я уже никогда не проявлял интереса к нему и никогда не ел пищи досыта.

3. Наслаждение от любви к Господу моему во имя Него так переполняла и жгла меня, что боязнь затушить этот пыл любви уже никогда не позволяла мне даже напиваться вдоволь воды.

4. Если предо мной вставал выбор между мирским и вечным, я всегда выбирал то, что вело к вечному.

5. Я стал очень обязательным в посещении сохбетов Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), стараясь как можно чаще быть вместе с ним. И тогда я стал его спутником в хиджре, его товарищем в пещере и самым близким его другом по божественным тайнам».

В этих словах Абу Бакра заложена основа воспитания тасаввуфа и его фундаментальные основы. А именно: желание снискать довольство Аллаха, зухд – отстраненность от мирского, умеренный аппетит, короткий сон и нахождение с Посланником Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям).

Сохбеты с Посланником Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) вносили особый дух в жизнь сахабов и вводили их в атмосферу духовности, вдохновения, любви. Сахабы слушали его речь внимательно и смиренно, так, будто на их головах сидели птицы, и они боялись спугнуть их. Поэтому сахабы, Абу Бакр и другие, в сердцах которых зажглась искра той самой любви и духовных переживаний, смогли донести их и до других поколений. Таким образом, духовность Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) не была утрачена, а дошла до нас в виде **«золотой сильсиля».** Но, в силу того, что эту духовную жизнь было невозможно передать только словами, была необходимость воссоздать её в среде тех, кто мог и желал пережить все вновь, и так, путем **«отображения этих духовных переживаний»,** эта искра передавалась по цепи из одного поколения в другое.

Слова Посланника Аллаха: *«То, что вложил Всевышний Аллах в мое сердце, я вложил в сердце Абу Бакра»* подтверждают эту истину. А то, что в Священном Коране говорится: **«Так знайте же, что среди вас находится Посланник Аллаха»** (аль-Худжурат, 49/7), указывает на то, что во все времена в среде верующих мусульман будут такие, которым будут присущи качества их наставника, пророка Мухаммада (саллаллаху алейхи ва саллям).

Пребывание в обществе пророков, а в наши дни – в обществе наследников пророков, арифов (обладателей сокровенных

знаний) и муршидов (духовных наставников) является основным путем, ведущим человека к Господу, сближающим его с Ним. Ведь находясь в постоянной близости или сопровождении кого-либо, в процессе постоянных контактов или бесед, человек приобретает качества и оттенки того, с кем он рядом, в соответствии со своими способностями и возможностями. Личность облачается в качества того, с кем рядом, и отождествляется с ним. В психологии это называется «идентификация»: отождествление и трансформация одной личности в другую.

Зеркало совершенства и красоты

Не оставлявший и ни на миг Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), привязанный к нему всем сердцем и каждый момент готовый отдать ради него свою жизнь, Абу Бакр (радыйаллаху анху) вскоре стал отражением его нравственного совершенства и красоты. Он полностью растворился в Посланнике Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) и, растворившись в нем, обрел вечность в Аллахе, постиг источник божественных знаний. Ведь когда Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) ушел в мир вечный, и все были настолько потрясены этим, что даже ‘Умар (радыйаллаху анху), не сдержавшись, обнажил меч и сказал: «Кто скажет, что Мухаммад умер, тому не сносить головы!», Абу Бакр (радыйаллаху анху) показал всем, что означает раствориться в Аллахе и обрести в Нем вечность. Он приподнял с лица Посланника (саллаллаху алейхи ва саллям) покрывало и произнес: «И смерть твоя также прекрасна, как и жизнь твоя. И не вкусишь ты её (смерти) дважды, эта лишь та, что предписана каждому», затем вышел к людям и обратился к ним: «О люди! Те из вас, кто поклонялся Мухаммаду, пусть знают, что Мухаммад умер. А те из вас, кто поклонялся Аллаху, пусть знают, что Аллах жив и никогда не умрет». Затем он прочитал следующий аят: **«Мухаммад всего лишь Посланник. До него тоже были посланники. Неужели, если он умрет или будет убит, вы обратитесь вспять** [от ислама]**?»** (Али Имран, 3/144). Так досточтимый Абу Бакр еще раз напомнил

таким сахабам, как ‘Умар (радыйаллаху анхума), чьи сердца были наполнены любовью к Посланнику Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), в чем на самом деле заключается Истина.

Постижение Господа и растворение в Нем именуется в тасаввуфе термином «фена», эта ступень духовного воспитания начинается с *«фена филь-ихван»* или *«растворения в братьях»,* продолжается *«фена фиш-шейх»* или *«растворением в шейхе»* и *«фена фир-Расуль»* или *«растворением в Посланнике»*, а заканчивается *«фена фи-ллях»* или *«бека фи-ллях»*, то есть *«растворением в Господе».* Так, салик, только вступивший на путь познания истины, то есть на путь своего духовного совершенствования, проходит через единение, прежде всего, со своими братьями по вере, растворяя свое собственное «я» в служении им, затем он должен суметь раствориться в любви к своему муршиду и служении ему. После этого салик должен прилагать усердие, чтобы суметь облачиться в нравственность самого Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) и пережить все то, что некогда пережил и он, что соединит их с Пророком (саллаллаху алейхи ва саллям). После этого раб обретает способность отражать в себе божественную нравственность. И Аллах становится как бы видящим оком, слышащим ухом, держащей рукой и идущими ногами такого раба, как говорится в хадисекудси (см. Бухари, Рикак, 38).

То, что Абу Бакр (радыйаллаху анху) занимает почетное место в «золотой цепи» преемственности духовного наследия, оставленного Досточтимым Пророком (саллаллаху алейхи ва саллям), обусловлено такими его превосходными качествам, как правдивость, служение ради Аллаха, усердие в поклонении, глубина веры и богобоязненность, высокая нравственность и самоотверженность.

Его правдивость

Абу Бакр (радыйаллаху анху), который с самого начала и до конца оказывал Посланнику Аллаха (саллаллаху алейхи ва сал-

лям) свою поддержку, всегда и во всем предоставляя ему моральную и материальную помощь, был назван Аллахом и Его Посланником (саллаллаху алейхи ва саллям) «Сыддык» (Правдивый). Когда гонения и притеснения со стороны неверных стали для мусульман совсем невыносимыми, чтобы успокоить и духовно укрепить Своего Посланника, Всевышний Аллах удостоил его особой чести ми'раджа – вознесения на небеса. Но, узнав об этом, неверные поспешили опять очернить Посланника (саллаллаху алейхи ва саллям), убеждая людей в том, что все это ложь и вымысел. Когда они пришли к Абу Бакру (радыйаллаху анху) и спросили: «Неужели ты поверишь в то, что говорит твой товарищ на этот раз?», он дал им ответ, который был для них подобен удару: «Если он говорит это, значит, это правда». Тогда снизошел аят, в котором было объявлено всем о правдивости Абу Бакра: **«Но тот, кто явился с истиной, и тот, кто признал ее, – они и есть благочестивые»** (аз-Зумар, 39/33). А степень правдивости стала второй, после пророчества, степенью духовного превосходства.

Его жертвенность и самоотверженность

Пролистав все книги по истории, вряд ли можно найти сведения о другом человеке, который мог бы сравниться с Абу Бакром (радыйаллаху анху) по жертвенности и самоотверженности. Это огромные материальные пожертвования в первые годы Ислама, когда он одного за другим вызволил из рабства несколько десятков мусульман, потратив на это целое состояние в 40000 дирхемов, или его самоотверженность, когда не жалея ни сил, ни жизни, он стоял рядом с Посланником Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), защищая его. Именно он стал тем, кому выпала почетная, но, в то же время, опасная обязанность сопровождать Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) во время хиджры. Он участвовал во всех военных походах и был в первых рядах сражающихся, своей грудью прикрывая Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) от

вражеских атак. Когда же возникла необходимость еще раз материально поддержать Исламское войско, и Посланник Аллаха обратился к сахабам за помощью, именно Абу Бакр пожертвовал всем своим состоянием. Когда Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) спросил его: «Что же ты оставил своей семье?», он ответил: «Аллаха и Его Посланника». Такая щедрость и самоотверженность были присущи ему. Это доказывает и ду'а, с которой он однажды обратился к Аллаху: *«О Аллах, сделай тело мое в жизни будущей таким огромным, чтобы я один мог заполнить собой геенну огненную, и другим в ней не осталось бы места, и чтобы я один вместо рабов Твоих вкусил это наказание».* В последствии такая самоотверженность составит основу многих тасаввуфических взглядов, когда некоторые из шейхов, в частности ветви Баязида, будут высказывать подобные слова.

Его служение Всевышнему Аллаху и народу

Несмотря на два коротких года своего правления, Абу Бакр (радыйаллаху анху) сумел совершить великие дела, равные по значимости которым трудно найти в истории. За это время он подавил все мятежи вероотступников, казнил лжепророрка Мусайлиму, который после смерти Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) объявил себя мессией, собрал воедино весь Коран и вершил государственные дела так блестяще, что на протяжении всего времени его правления не было никого, кто пришел бы с жалобой в суд, и никого, кто бы попал в тюрьму. Он так же самоотверженно служил народу, как и при жизни Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), спеша протянуть руку помощи всем, и пожилым, и молодым.

Однажды Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) спросил: *«Есть ли среди вас те, кто сегодня постятся?»* Из присутствующих только Абу Бакр ответил: «Есть». Потом Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) задал еще несколько вопросов: *«Есть ли среди вас те, кто сегодня участво-*

вал в похоронах? Есть ли среди вас те, кто накормил сегодня бедняка или нуждающегося? Есть ли среди вас те, кто сегодня навестил больного?» Но никто, кроме Абу Бакра, не дал положительного ответа. Тогда Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) сказал: «Тот, кто обладает всеми этими качествами, непременно войдет в рай».

Из этого хадиса, который передает Муслим, становится ясным, что личность Абу Бакра вобрала в себя самые прекрасные качества, проявившиеся не только в индивидуальном, но и общечеловеческом масштабе. Эту высоту духа он обрел при наставничестве своего учителя, Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), который был послан для того, чтобы стать для своей уммы прекраснейшим примером.

Его духовная жизнь и поклонение

Абу Бакр (радыйаллаху анху) испытывал трепет при поклонении Аллаху. Вставая на намаз, он в страхе и смирении дрожал как подрубленное деревце, но сердце его при этом находилось в состоянии хузур (умиротворения). Глаза его всегда были полны слез. Когда он читал Коран, то плакал, не могли сдержать слез и те, кто его слушал. От того, что любовь к Аллаху настоящим пламенем пылала в его сердце, находящиеся рядом с ним нередко могли ощущать запах паленой печени, исходящий из его рта. Он сам говорил: «Мы нашли в богобоязненности щедрость, в твердом убеждении – богатство, а в великодушии – благородство». Он был самым богобоязненным и милосердным, не было никого, кто был бы так милостив и отзывчив, как он. Из-за того, что он часто вздыхал, его прозвали «Аввах» (Воздыхателем). Как упоминается в Коране, так же называли и пророка Ибрахима (алейхиссалям) (см. ат-Тауба, 9/214; Худ, 11/75). Его громкое чтение Корана так сильно воздействовало на сердца слушающих, что многие мекканцы пришли в Ислам именно по этой причине, поэтому неверные запретили ему совершать намаз на виду у людей и читать вслух Коран.

Он был очень умен и проницателен. Поэтому владел искусством толкования снов. Несмотря на то, что он был самым близким человеком к Посланнику Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), он не передал большого количества его хадисов. Но в том, что касалось их общих духовных переживаний, ему не было равных, и это нельзя передать посредством одних только слов.

Его аскетизм, глубина веры и богобоязненность

Он был из тех, кто не испытывал любви ни к богатству, и ни к другим мирским благам. Чтобы постичь истинное единобожие, он избрал самый трудный и тернистый путь, предпочитая остаться в бедности. Это он взывал к Аллаху в ду'а: «О Аллах, открой для меня мирское и сделай меня отстраненным от него». То есть, дай мне сначала много мирского, затем удали из сердца моего любовь к нему, дабы не попасть в ловушки его и пребывать в бедности по собственному желанию своему.

Он никогда не радовался из-за богатства и не печалился при потере его. Были времена, когда на протяжении шести дней он не расстилал постель и встречал рассвет, проводя время в поклонении.

Однажды он увидел на своей дочери Айше красивое платье. Он заметил, что платье очень нравится ей и, чтобы предостеречь её, сказал: «Разве не известно тебе, что тот, кто доволен собой из-за какого-то из благ мирских, навлечет на себя гнев Аллаха и будет пребывать с ним, пока не избавится от того, что вызвало этот гнев». Ведь Абу Бакр изведал вкус познания божественной истины, и ему было известно то, что познавшему этот вкус не спутать уже ни с чем.

Иногда, из-за богобоязненности и глубины веры, он, придерживая кончик языка, говорил: «Все, что произошло со мной, произошло по вине вот этого». Иногда, чтобы совладать со своим языком, он набирал в рот камушки.

Зная, что умение контролировать свой язык и вообще все,

что входит и выходит изо рта, и есть истинная богобоязненность, Абу Бакр был очень внимателен к тому, что касалось дозволенного и запретного. Так, однажды его слуга принес ему сосуд с молоком, и он, ничего не подозревая, отпил из него. Но, узнав потом, что слуга приобрел его как плату за ворожбу, Абу Бакр встал и, вызвав у себя рвоту, очистил свой желудок от запретного.

Приверженец скрытого зикра

Самая значительная роль Абу Бакра в тасаввуфе и «золотой сильсиля» в том, что он первым был обучен скрытому зикру и жил, пребывая в нем. Во всех источниках о нем говорится как о приверженце скрытого поклонения. Если ‘Умар подавал садака открыто, на глазах у людей, Абу Бакр (радыйаллаху анхума) всегда предпочитал делать это скрыто, без свидетелей. Если ‘Умар любил читать по ночам Священный Коран громким голосом, Абу Бакр предпочитал делать это тихо.

Когда его спросили, почему он любит делать это так, он ответил: «Так я могу услышать Того, к Которому взываю. И я понимаю, что Он недалеко от меня. Поэтому нет разницы в том, громок твой голос или тих».

Сказав о своих сахабах: «Мои сахабы подобны звездам на небосводе: за кем бы из них вы ни последовали, непременно выйдете на верный путь», Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) указал на то, что все люди имеют разные характеры, а также на то, что, даже при таком разнообразии, последовав за одним из сахабов, можно выйти на правильный путь. ‘Умар, Абу Бакр и другие великие сахабы (радыйаллаху анхум) являются величайшими личностями, но по складу характера они сильно отличались один от другого. Если первый был открытым, простым и непринужденным в общении, то второй – сдержанным, степенным, несколько замкнутым в себе. Поэтому нет ничего странного в том, что их вкусы и предпочтения были разными, отличалась и их духовная жизнь. Если Абу

Бакру был свойственен «скрытый зикр», то ‘Умар и ‘Али (радыйаллаху анхум) были приверженцами «явного зикра». Ведь Всевышний Аллах повелевает поклоняться Ему и поминать его как скрыто, так и явно (см. аль-Аграф, 7/205; аль-Хадж, 22/36). Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) учил и тому, и другому. Известно, что он научил этому Абу Бакра, когда они укрылись от преследования неверных в пещере Севр, и, хотя в сборниках хадисов об этом не говорится, на это указывает аят Священного Корана: **«Когда они оба были в пещере, и когда Мухаммад сказал своему спутнику: «Не скорби, ибо Аллах – с нами»** (ат-Тауба, 9/40). То есть, то, что требуется, – это пребывать с Аллахом везде и во всех случаях жизни, поминать Его и не предавать забвению. Разве это не есть скрытый зикр? Что же касается того, что в Коране говорится о поминании вообще, то его можно разделить на два вида. Первый – это поминание вообще, а второй – это поминание Имени. Например, есть аяты, в которых повелевается поминать Аллаха напрямую и не забывать о Нем никогда (аль-Ахзаб, 33/41; аль-Кяхф, 18/23), и есть аяты, в которых повелевается поминать Аллаха конкретным образом, то есть, взывая к Нему одним из Его Имен: **«И поминай имя Господа твоего и утром и вечером»** (аль-Инсан, 76/25 и др. подобные аяты). Поэтому зикр вполне может быть скрытым. По этой причине Абу Бакр (радыйаллаху анху), который по складу своего характера был более предрасположен к скрытости в поминаниях, что является выражением состояния души и духовных переживаний, которые не просто передать словами, занял свое почетное и достойное место в цепи преемников духовного наследия, поэтому отражение его духовного пути разумней всего искать в этой цепи через тех, кто перенял от него эту духовность, вобрав ее своим сердцем.

3. САЛЬМАН ФАРИСИ

-радыйаллаху анху-

Сальман был высокого роста, его кожа имела желтоватый оттенок, у него было округлое лицо и густая борода. Он был крепкого телосложения. С людьми был дружелюбен и обходителен, и при этом был очень прост, никогда никого ничем не обременял. Мухаджиры, считая его своим человеком, говорили: «Сальман – из нас», но ансары, в свою очередь, тоже считали его своим человеком и говорили: «Сальман – из нас». Однако Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) сказал то, что для него было дороже всего: «Сальман – один из членов нашей семьи».

Третьим звеном в нашей золотой цепи преемников стал Сальман Фариси, о котором сам Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) сказал: **«он – из нас, один из членов нашей семьи (ахли-бейт)»**. Его настоящим именем было Мабих, но после принятия Ислама Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) дал ему имя **Сальман** или **Сальмануль-Хаир** (Благой Сальман). Он также взял себе прозвище Ибн Ислам. Он был родом из Ирана, провинции Исфахан. Первый мусульманин из персов. Даже Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) говорил об этом: *«Первым из арабов являюсь я, первым из румеев – Сухайб, первым из эфиопов – Биляль, а первым из персов – Сальман»* (Сыфатус-сафва, I, 538 Беззар и Табарани).

Сальман родился в богатой семье, в Исфахане, селении Джей, его семья владела поместьем, а глава её был старейшиной племени. Его отца звали Буд или Будехшан. Они, как и весь их народ, были огнепоклонниками. Поэтому и Сальман был не-

когда из числа тех, кто поклонялись огню. Но вспыхнувший в сердце Сальмана огонь веры и божественной любви побудил его к поискам религии истины. Сначала его внимание привлекло христианство с его обрядами поклонения и церквями. И, чтобы узнать об этой религии, он даже отправился в Сирию. Путь его пролегал через Мосул, Нусайбин и Аммурийю. Там он повстречался с одним монахом, которому стал служить, чтобы узнать от него как можно больше о христианстве. Монах открыл ему такое пророчество: «Приблизилось время пришествия последнего из пророков, который придет с религией Ибрахима, единобожием, и будет он родом из арабов». В это время в Аммурийю прибыл торговый караван, принадлежавший арабам племени Бани Кельб, который держал путь через Сирию в Медину. Сальман с великой радостью примкнул к этим людям, но, несмотря на то, что он был с ними уважителен и услужлив, они, когда караван достиг селения Вади аль-Кура в Аравии, подлым образом продали его в рабство одному иудею.

Однако Сальман помнил последние слова монаха из Аммурийи: «Он выйдет на земле Аравийской, но вскоре будет вынужден совершить переселение и на этот раз поселится в каменистой местности, где будет много финиковых садов. На спине его, между лопатками, будет родимое пятно, знак пророчества. И будет принимать он подарки, но будет запретным для него подаяние».

Когда Сальман находился в рабстве в Медине, он услышал о новом пророке и при первой же представившейся возможности отправился повидать его. Он помнил все, что говорил ему о пророческих признаках Аммурийский монах и после долгих наблюдений убедился, что это был действительно он. С радостью человека, нашедшего, наконец-то, то, что так долго искал, Сальман крепко обнял Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) и стал мусульманином.

Из-за того, что Сальман (радыйаллаху анху) был рабом, он не смог участвовать в сражениях при Бадре и Ухуде. Однако Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), а вслед за

ним и его сахабы, предприняли все возможное, чтобы как можно скорее освободить Сальмана, выкупив его из рабства. Вскоре Сальман обрел, наконец, долгожданную свободу, а вместе с ней и то, ради чего претерпел столько страданий, и чего так долго искал, – нахождение в высоком обществе Пророка. Теперь для него наступило время упоения этим счастьем, время посвящения себя тому, что услышит, увидит, чему научится он, сидя в мечети у ног своего Пророка.

За короткое время Сальман стал любимцем всех сахабов, его любили за искренность и правдивость, а также за успехи, которых он добивался в жизни. Сахабы даже не могли поделить его между собой. Но большую известность он приобрел благодаря плану, который был предложен им и помог мусульманам одержать важнейшую победу в битве Хендек. Ведь именно Сальман предложил тогда выкопать вокруг Медины траншеи, чтобы преградить неприятелю путь в осажденный город. Эта идея была нова и уникальна для того времени. Кроме того, Сальман сам принял активное участие в рытье этих траншей и выкапывал за день внушительные траншеи, имевшие пять метров в глубину и десять в ширину. После этого случая и, конечно же, после одержанной победы в битве Хендек Сальман обрел заслуженную славу среди сахабов. Все хотели заручиться его уважением и расположить его к себе. Мухаджиры говорили: **«Сальман – из нас». «Сальман – из нас»**, – говорили и ансары. Но Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) сказал то, что для него было дороже всего: **«Сальман – из нас, один из членов нашей семьи (ахли-бейт)».**

После того как Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) переселился в Медину, он сделал то, что никто до него не делал. Он заключил братство между мекканцами и мединцами, в результате чего каждый переселившийся из Мекки мухаджир теперь имел в Медине своего брата. Братом Сальмана был объявлен Абу Дарда (радыйаллаху анхума). С этого самого дня эти два сахабы стали близки и во всем помогали друг другу. Оба они были бедны, не испытывали тяги к земным

благам, поэтому всегда были вместе и подсказывали друг другу то, что велит сунна Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Но Сальман, избравший умеренный путь зухда и поклонения, имеющий огромный жизненный опыт, повидавший мир и обладавший тонким мышлением, отличался от Абу Дарда. Однажды Сальман пошел навестить своего товарища Абу Дарда (радыйаллаху анхума). Но дома его не было, и дверь открыла его жена Умму Дарда, которая, как это было видно, была чем-то огорчена. Сальман осмелился поинтересоваться, как у них дела. Немного поворчав, та сказала: **«Какими же могут быть наши дела, если Абу Дарда совсем отрекся от жизни земной. Ночами он молится, а днем постится. А на нас он и вовсе не глядит».** Услышав такое, Сальман расстроился. Он уже хотел уходить, но вернулся Абу Дарда. Увидев Сальмана, он обнял его, усадил и приготовил для него стол. Но на предложение: «Разве ты не станешь обедать со мной?», Абу Дарда ответил: **«Я в посте».** Сальман возразил: «Клянусь Аллахом, я не буду есть, если ты не сядешь за стол». Не осмелившись отказать своему товарищу, Абу Дарда был вынужден прервать пост и есть вместе со своим другом. Наступила ночь, и они легли спать. Когда прошла одна треть ночи, Абу Дарда встал, чтобы совершить намаз. Однако Сальман отговорил его. Когда же прошла большая часть ночи, Сальман встал, разбудил Абу Дарда, и они вместе совершали намаз-тахаджжуд. После намаза Сальман сказал Абу Дарда: **«Слушай меня, друг мой, и твой Господь, и твоя душа, и твоя семья, и твои гости, и даже твои соседи имеют свои права. И ты обязан воздавать каждому из них по праву. А посему, поклоняйся Господу своему, молись и постись ради Него, но не забывай и о душе своей, ешь, пей, отдыхай и помни о той, что является спутницей твоей жизни!»**

Сальман (радыйаллаху анху) был одним из сахабов, приверженных к аскетическому образу жизни. Он взял в жены женщину из племени Кинда. В первую брачную ночь, когда он зашел в ее покои и увидел, что они украшены драгоценными камнями и тканями, сказал: «Дом наш стал похож на дом среди пылаю-

щего адского огня. Ведь слышал я, как Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), друг мой, говорил: **«Пусть мирское ваше будет таким, сколько хватает путнику в пути его».** И он не стал входить к ней в дом, пока вся эта роскошь и сияние не были убраны. Эти слова Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), которые Сальман, подобно серьге, повесил себе на ухо, он приводил еще и Са'ду бин Абу Ваккасу. А было это так. Однажды Сальман (радыйаллаху анху) заболел. Са'д пришел его навестить. Когда он увидел Сальмана плачущим, удивился и спросил, почему он плачет. Сальман ответил: «Я плачу не из страха перед смертью и не из-за любви к жизни. Я плачу оттого, что не выполнил того, что советовал и повелевал Посланник Аллаха. Ведь я помню, что он сказал нам: **«Пусть мирское ваше будет таким, сколько хватает путнику в пути его».** Посмотри на все это вокруг меня. А ведь все мы помним, что у него при жизни не было ничего, кроме самого необходимого: домашней утвари, таза для стирки белья, посуды и сосуда для омовения. А состояние, которое он оставил после смерти, составляло четырнадцать дирхемов».

Во времена правления ‘Умара Сальман (радыйаллаху анхума) был назначен наместником в Мадаин. Но наместничество не внесло никаких изменений в его жизненные принципы. Так как он был убежден в том, что величие и почет состоят не в положении в обществе и высоте чина, а в вере и жизни вечной. Занимая пост наместника, Сальман так и не обзавелся ни подобающим жильем, ни подобающей одеждой. Свою хырку он носил как накидку и использовал как покрывало, когда ночью было холодно. Когда один мусульманин пришел к нему с предложением выстроить для него дом, он распорядился, чтобы «дом этот был не выше меня, когда я встаю, и не длиннее меня, когда я лежу».

Став наместником, Сальман не перестал находиться среди людей и помогать им в делах. Напротив, он вел настолько скромный образ жизни, что по одежде его нельзя было отличить не только от простых людей, а даже от самых бедных из

них. Нередко люди не узнавали его и, обращаясь с ним как с бедняком или невольником, поручали ему физическую работу. А когда кто-то, наконец, узнавал в нем наместника и желал помочь ему, то он отказывался от помощи и завершал дело, за которое взялся.

Следуя принципу, что самым благим для человека является кусок хлеба, который он зарабатывает собственными руками, Сальман также зарабатывал себе на жизнь тем, что плел из финиковых листьев корзины. Он продавал их за три дирхема, один из которых возвращал за сырье, а на оставшиеся два покупал своей семье все необходимое, а то, что оставалось, отдавал на милостыню.

Став наместником и став старше, он очень малое время стал отдавать сну. С наступлением ночи он вставал на намаз, а когда уставал, то садился и предавался зикру и размышлению. Когда же он чувствовал прилив новых сил, то опять вставал на намаз.

Веря, что пища – это не цель, а средство поддержания тела, он был неприхотлив в еде. Однажды, когда Сальмана (радыйаллаху анху) за общим столом стали уговаривать съесть еще угощения, он сказал: «Не настаивайте, этого достаточно. Ведь и Пророк наш говорил: **«Те, кто в этой жизни набивают свои желудки досыта, в следующей жизни окажутся голодными. Мирская жизнь – рай лишь для неверного, а для верующего она – тюрьма»** (см. Хильятуль-аулия, I, 199).

Несмотря на это, Сальман (радыйаллаху анху), знавший, что голод и сокращение количества пищи при воспитании нафса и приучении его к терпению может быть равнозначно попытке спрятать овес подальше от лошади или мясо – подальше от пса, на глазах у людей однажды купил себе большую миску еды. Когда его спросили: «Сальман, что с тобой?», он, желая объяснить, что одним из путей подчинения нафса является частичное удовлетворение его желаний и потребностей в рамках дозволенного, сказал: «Нафс, видящий перед собой то, что же-

лает, успокаивается и не мешает человеку своими наущениями совершать поклонение».

Принцип тасаввуфа **«Прибыль в руке, а душа с возлюбленным»** отражается в его высказывании: «Размышляя, помни о своем Господе; принимая решения, распределяя блага между людьми, в мирских делах постоянно помни о Нем».

Дружба Сальмана и Абу Дарда продлилась на долгие годы. В годы своей службы в Мадаине наместником Сальман получил от Абу Дарда письмо: «…После вас Всевышний даровал нам богатство и детей. И наделил нас счастьем жить на Священной Земле…»

Сальман в ответ написал: «В своем письме ты пишешь, что Всевышний наградил вас богатством и детьми. Так знай, что благо и превосходство не в размере состояния или многочисленности потомства твоего, оно в кротости твоей, и пользе твоих знаний. Ты пишешь, что теперь вы живете на Священной Земле. Знай же, что Священная Земля не возвышает и не освящает тех, кто живет на ней. Истинное же благородство и величие заключается лишь в том, чтобы поклоняться Аллаху, будто видишь Его, достичь уровня «ихсан», осознать, что ты смертен и не вечен».

В своем письме Сальман (радыйаллаху анху) говорит о таких основных понятиях тасаввуфа, как **ихсан (ощущение себя под Взором Аллаха)** и беспомощность перед Всевышним, вводит понятия **факр** (бедность) и **зухд** (аскетизм).

Еще при жизни Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), положив свою руку на плечо Сальмана (радыйаллаху анху), сказал: **«Из них выйдут такие мужи, что, если вера окажется на Созвездии Сурайя (Плеяды), они достигнут ее»** (см. пер. Таджрида XI, 201), указав Сальману на его истинную цель. Наверное, по этой причине во время завоевания Ирана Сальман, находясь в войске мусульман, не начинал воевать против народа, пока не призывал его к Господу, как учил Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям). Поэтому после за-

воевания Ирана Сальман (радыйаллаху анху) стал наместником и духовным наставником именно на землях Ирана, Исфахана и Туркестана. И поэтому Накшибандийский тарикат, в котором Сальман (радыйаллаху анху) занимает место в цепи духовных преемников, распространился, в большей степени, именно на этих территориях.

Источники: Хильятуль-аулия, I, 185-208; Сыфатус-сафва, I, 523-556; Шарани, I, 20-21; аль-Кавакибуд-Дуррийа, I, 59-61; аль-Хадаикуль-вардиййя, 92-96; Таджрид-и Сарих пер. VI, 645-654 ад-Дурарун-надид стр.17-20; Иргамуль-Марид, стр.33-60; Иргамуль-Марид пер. стр.45-49.

4. КАСЫМ БИН МУХАММАД

-радыйаллаху анху-

Он имел длинные волосы и смуглую кожу. Борода его и глаза были черными. Волосы и бороду, как и его дед Абу Бакр, он красил хной, отчего волосы его становились красно-желтого цвета. Он не носил усов, но отпускал длинную бороду. Носил одежду, крашенную шафрановой краской. Чаще всего одеждой его была длинная рубаха и чалма, концы которой, он опускал на плечи. На руке его было кольцо с его именем.

‘Умар бин Абдульазиз сказал о Касыме бин Мухаммаде (радыйаллаху анхума): «Если бы это было в моих руках, то бразды правления я передал бы внуку Абу Бакра».

После Сальмана аль-Фариси «золотая цепь» духовного наследия и преемственности перешла к табиинами. Следующим звеном «золотой цепи» стал внук Абу Бакра, Касым бин Мухаммад. Его называли также Абу Мухаммад. Мать его была дочерью известного иранского полководца и правителя Яздигерда. Поэтому он является двоюродным братом праправнука Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) Имама Зайналь-Абидина. Касым родился в 30 году по хиджре (650 г. р.х.). Его взросление пришлось на пору правления Омеядов, когда в обществе продолжались политические и социальные волнения. Он помнил опеку и ласку своей тети Айши (радыйаллаху анха). В преданиях говорится, что она даже обривала его голову, что свидетельствует о близости их родственных отношений.

Касым получал образование у таких известных сахабов, как Абу Хурейра и Ибн Аббас (радыйаллаху анхума), которые научили его хадисам и другим знаниям по Исламу, однако первым его учителем была именно Айша (радыйаллаху анха). Когда он достиг совершеннолетия, то был уже одним из семи величайших Исламских правоведов Медины. Его знания в области ха-

дисов и сунны превосходили знания по тафсиру Священного Корана. В Фикхе и Тасаввуфе ему не было равных. Время, в которое он жил, отличалось политической нестабильностью, когда правители и богачи более заботились о собственном богатстве и процветании. Поэтому алимы-захиды ощущали тоску по аскетическому образу жизни Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) и его сахабов. Среди этих благочестивых му'минов, которые пребывали в слезах от скорби и печали, был и Касым. Он, сын Мухаммада бин Абу Бакра, принявшего участие в восстании, в котором был убит 'Усман (радыйаллаху анху), чем было положено начало той смуте, которая продлилась на долгие годы, всегда молил о его прощении.

«Тасаввуф – это не разъединение, а соединение», и Касым, используя свое дружелюбие и обаяние, всегда стремился к этому. Этим он и прославился среди своих современников, именно за это его и любили. Так, говоря о его превосходстве, Йахья бин Саид сказал: «Мы в свое время не знали человека более добродетельного, чем Касым бин Мухаммад».

Умер Касым в 102/720 или 108/726 году, в возрасте примерно семидесяти лет, и был похоронен в местечке Кудайд, что между Меккой и Мединой. Незадолго до смерти он ослеп. Почувствовав скорую смерть, он завещал своему сыну, чтобы его похоронили в кяфане, состоящем из рубахи, изара и рида. Когда сын спросил: «Не лучше ли будет, батюшка, увеличить это вдвое?», он ответил: «И дед мой Абу Бакр был похоронен в кяфане, состоящем из трех кусков ткани, и примером для нас являются они. Этого достаточно, потому что те, кто остаются жить после нас, нуждаются в одежде больше, чем мертвые». Потом он велел сыну, чтобы его могилу после погребения сровняли с поверхностью земли, и чтобы он потом показал родственникам место его захоронения.

'Умар бин Абдульазиз сказал о нем: «Если бы это было в моих руках, то бразды правления я передал бы внуку Абу Бакра», имам Малик сказал: «Касым – выдающийся правовед этой уммы», и это свидетельствовало о том, насколько он был

благороден и, в то же время, всеми любим. Он постоянно пребывал в размышлении и смирении. Лицо его было печальным и хранило отпечаток частых земных поклонов.

Их знакомство с ‘Умаром бин Абдульазизом, переросшее в дружбу, произошло следующим образом. Когда умер Абдульмалик бин Марван, ‘Умар бин Абдульазиз был очень расстроен и находился, по этой причине, в семидесятидневном трауре . Узнавший об этом Касым пришел к халифу и сказал: «Разве не известно тебе, что к радостям и невзгодам наши предки относились одинаково. Они встречали их с одинаковыми чувствами, считая себя не достойными тех благ, которые ниспосылались им, и с терпением переносили всякое горе, ожидая от него лучшего воздаяния и духовного прозрения». Эти слова очень понравились ‘Умару бин Абдульазизу, после чего он стал оказывать Касыму особое внимание. Ибо тот наполнил сосуд его сердца сладким шербетом зухда.

Касым был факихом. Каждое утро он приходил в мечеть, совершал два раката намаза и, поворачиваясь к присутствующим, отвечал на их вопросы. Вечером, после ночного намаза, они с товарищами подолгу беседовали на религиозные темы, думая о жизни будущей, и присутствующие, благодаря знанию Касыма, обретали в этих беседах глубину веры и таква.

В те времена, чтобы иметь право отвечать на вопросы, касающиеся фикха, необходимо было «обладать хорошими знаниями по сунне». И в этом ему не было равных. Поэтому хадисы, которые были переданы им, касались, в основном, религиозных предписаний вообще и предписаний хаджа, в частности.

Если его спрашивали о том, чего он не знал, он не стеснялся говорить: «Не знаю». А когда говорил о том, что знал, добавлял: «Не пристало мне скрывать знание о том, что мне известно». Тем же, кто пытались препираться с ним, он говорил: «Человеку лучше продолжать жить как невежда, даже узнав об обязательных для него предписаниях Аллаха, чем говорить и рассуждать о том, чего он не знает».

Он был очень строг к тем, кто следовал за сомнительным

в вероубеждении или находился в отношении этого в неопределенности, не жаловал тех, кто придерживался заблуждений кадиритов, предостерегая их о том, что тот, кто упорно и настойчиво следует заблуждениям, навлекает на себя гнев и проклятие Аллаха.

Он был истинным захидом, отстраненным от мирских благ, раздавшим беднякам 100000 дирхемов, которые полагались ему как часть от военных трофеев, не взяв себе ничего. Даже когда он сам находился в тяжелом материальном положении, то не переставал помогать беднякам, отдавая свою долю от положенного ему закята им. Когда ему в очередной раз принесли его долю закята, он, велев раздать все беднякам, встал на намаз. Присутствовавшие же стали высказываться по этому поводу, выражая свое мнение. Сын Касыма сказал: «Вы между собой решили выделить закят человеку, который, клянусь Аллахом, не оставил бы себе ни копейки». Услышав его слова, Касым довел до конца намаз и, отдав салям, сказал: «Дитя мое, говори только то, что знаешь, промолчи тогда, когда не знаешь». Касым так хотел научить сына тому, что «не всякую правду можно говорить везде». Хотя то, что говорил его сын, было правдой. Однако рядом с ним находились люди, которым эти слова могли быть неприятны.

Однажды он, желая составить завещание, позвал к себе писаря и, повелев ему: «Пиши», начал: «Сие завещание Касыма бин Мухаммада. Касым свидетельствует, что нет бога кроме Аллаха. Если б он не был из числа свидетельствующих это, то оказался бы в числе тех, кто пропал и сбился с пути». Этим Касым желал сказать, что лишь вера приведет человека к благу, не даст пропасть, спасет от заблуждения. Поистине, сутью таких поклонений, как зикруллах, намаз, является укрепление веры, которая, обретя силу поведет нас по этой жизни.

Как уже было сказано, он не надеялся лишь на свои знания и не хвалился тем, что знает. Так, однажды к нему пришел бедуин и спросил: «Ты ли более знающ или Салим?» Салим, о котором шла речь, по всей видимости, был внук ‘Умара. Касым

был поставлен в затруднительное положение. Ибо, если бы он сказал, что более знающ, чем Салим, то превознес бы самого себя. Но, если б сказал, что Салим более знающ, то это было бы неправдой, ибо Салим знал гораздо меньше него. Лучше всего было сказать что-то, что не было бы хвастовством и, в то же время, не обижало Салима. Тогда Касым сказал: «Салим действительно достойный уважения человек».

Сильсиля Сыддыкийя, начавшись с Абу Бакра ас-Сыддыка, продолжилась Сальманом и, перейдя к Касыму, вновь вернулась в семью Сыддыка. Касым, будучи непревзойденным духовным наставником и проповедником своего времени, служил всей умме, состоящей как из арабов, так и му'минов других национальностей. В силу того, что мать его была родом из Ирана, а сам он знал персидский язык, круг возможностей для его духовной деятельности был достаточно широким. Однако в его время Исламские знания еще не были подразделены на науки. Поэтому, обучая хадисам и сунне, алим также давал знания по Фикху и Тасаввуфу. Таким было положение почти всех алимов того времени. А мутасаввифы, кроме Тасаввуфа, разъясняли своим ученикам Хадисы или обучали Фикху.

По этой же причине даже акаид входил в фикх. Исходя из этого, **«аль-Фикхуль-Акбар»** означает основы вероубеждения. Поэтому одноименная книга Имама аль-А'зама охватывает вопросы вероубеждения.

После досточтимого Касыма цепь перейдет к прямому потомку Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) – Джа'фару Садыку.

* * *

Источники: Ибн Са'д, ат-Табакатуль-кубра, V, 187-194; Хильятуль-аулия, II, 183-187; Сыфатус-сафва, II, 88-90; Вефайатуль-а'йан, IV, 59-60; аль-Кавакибуд-дурриййа, I, 151; аль-Хадаикуль-вардийя, 96-97; Джамхаратуль-аулия, II, 91-92. , ад-Дурарун-надид стр. 20-21; Иргамуль-марид, стр.36-40; Иргамуль-марид пер. стр.49-53.

5. ДЖА'ФАР САДЫК

-радыйаллаху анху-

Джа'фар, которого называли еще Абу Абдуллахом, имел прозвище Садык. Его прозвали так из-за того, что он никогда в жизни не говорил неправды. На его лице всегда была улыбка, а речь всегда была простой и приятной. Кожа имела розовато-белый оттенок и, казалось, излучает свет. У него была большая голова. И во всем он был похож на своего прадеда 'Али (радыйаллаху анху).

«Единственное, чего я опасаюсь, – это, что в Судный день мой дед, взяв меня за ворот, скажет: «Почему ты должным образом не следовал за мной? Ведь это следование не является привилегией рода или происхождения, а есть деяние».

Джа'фар Садык, который стал пятым в золотой цепи преемников духовного наследия Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), был из рода самого Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) и из рода Абу Бакра (радыйаллаху анху). Его отцом был Мухаммад Бакр, внук досточтимого Хусейна, а матерью – Умму Ферва, правнучка Абу Бакра, дочь Касыма, четвертого в золотой цепи преемников. Родился он в 83/702 году в Медине. И слышал хадисы из уст многих табиитабиинов. Его отец Мухаммад Бакр передал ему множество хадисов, услышанных от Аты, Урвы и Зухри. От самого Джа'фара передали хадисы Шу'ба, его сын Муса Казым, Йахья бин Саид, Абу Ханифа и другие очень известные передатчики хадисов. Во всех шести основных сборниках хадисов, кроме сборника аль-Бухари, имеются хадисы, переданные Джа'фаром Садыком. Его увлекали духовные знания и все естественные науки. Передается, что он обладал способностью силой мысли воздей-

ствовать на материальные предметы. Он был выдающимся химиком, физиком и математиком. Он показал, что Ислам занят не только духовным воспитанием и преображением человека, но и побуждает его к открытиям посредством разума тайн материального мира. Передается, что основоположник алгебры Джабир бин Хаййам был его учеником и многому научился у Джа'фара. Джа'фар был первым в тасаввуфическом толковании Священного Корана. Его тафсир сохранился до наших дней. Он жил в одно время с великим ученым Имамом Абу Ханифой и был примерно одного возраста с ним, исходя из чего, некоторые источники пытаются предполагать, что Джа'фар был увейси-наставником великого Имама, но с определенной долей уверенности можно допустить лишь, что они были знакомы и близки. Известно, что, имея в виду те духовные изменения, которые произошли в последние два года его жизни, Абу Ханифа сказал: **«Если бы не последние два года моей жизни, Ну'ман пропал бы»**.

Джа'фар Садык умер в 148/765 году и был похоронен на кладбище Джаннат аль-Баки' рядом со своим отцом Мухаммадом Бакром, дедом 'Али Зайнальабидином и дядей его деда досточтимым Хасаном бин 'Али. До того, как со всех могил этого кладбища были убраны надгробия, и они были сравнены с землей, могила Джа'фара была очень почитаема, особенно иранцами. И по сей день у шиитов существует целое религиозное течение Джа'фарийя, берущее начало от него.

Часть жизни Джа'фара Садыка прошла при правлении Омеядов, но он застал и правление Аббасидов. Известно, что Абу Муслим Хорасани, который выступал против Омеядских халифов, написал письмо, в котором просил его стать халифом. Джа'фар отказался, сказав: «Я не возьму на себя правление», и сжег письмо. Ведь если он и являлся халифом, то только мира духовного. И, если бы он вступил в эти политические баталии, то скоро утратил бы свой авторитет духовного лидера. Когда к власти пришли Аббасиды, некоторые из халифов также продолжали побаиваться его духовного влияния, но скоро он су-

мел расположить их к себе своим дружелюбием, заставив любить и почитать. Известно, что второй Аббасидский халиф Абу Джа'фар Мансур часто навещал его и спрашивал его мнения по многим вопросам.

Есть предание, что однажды на лицо халифа Мансура села муха. И сколько бы он не старался отогнать назойливое насекомое, она не переставала досаждать ему. Когда в дверях появился Джа'фар Садык, халиф спросил его:

«В чем мудрость сотворения такого насекомого, как муха?».

«В том, чтобы показать угнетателям, и тем, кто полается лишь на себя, что они бессильны даже перед мухой», – ответил Джа'фар.

Известно, что Джа'фар поддерживал связи со многими мутасаввифами своего времени. Он часто приходил и проводил с ними сохбеты. Одним из почитателей Джа'фара был такой известный мутасаввиф, как Дауд Таи. Передается, что однажды Дауд Таи пришел к Джа'фару Садыку и, пожаловавшись на то, что сердце его очерствело, попросил наставления. Джа'фар Садык отвечал:

«Ведь ты самый известный захид нашего времени, зачем тебе понадобились мои советы и наставления?» Дауд Таи сказал:

«О потомок Досточтимого Пророка, ты имеешь превосходство над другими людьми, поэтому можешь давать наставление любому из них». На это Джа'фар Садык ответил:

«Дауд, единственное, чего я опасаюсь, – это, что в Судный день мой дед, взяв меня за ворот, скажет: «Почему ты должным образом не следовал за мной? Ведь это следование не является привилегией рода или происхождения, а есть деяние».

Как об этом говорил Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям): **«Если Всевышний Аллах пожелает одному из рабов Своих блага, Он покажет ему недостатки души его»**, Джа'фар Садык был одним из тех, кто удостоился счастья

знать о своих недостатках. Передается, что однажды, собрав своих слуг, он сказал: «Давайте дадим друг другу слово, что тот из нас, кто спасется в День суда, будет ходатайствовать за других». На что те возразили: «Ведь ты потомок самого Посланника Аллаха. А дед твой – заступник всего человечества. Зачем же тебе наше ходатайство?» Он ответил: «Я в День суда буду стесняться смотреть в лицо моего деда, оттого что я сегодня такой и так поступаю».

Его скромность и аскетизм

Он не любил тех, кто превозносился над другими. Однажды, проходя мимо небольшой группы людей, он спросил: «Кто у вас главный?» Один из них встал и сказал: «Я». Но Джа'фар возразил: «Если бы ты действительно был у них главным, ты бы не сказал «я»». Так как «самомнение» и авторитет несовместимы». Известны и другие его слова о высокомерии: «Каждый грех, в начале которого присутствует страх, а в конце – раскаяние, приводит раба к Аллаху. Каждое поклонение, в начале которого присутствует самонадеянность, а в конце – высокомерие, отдаляет от Аллаха. Высокомерный раб – мятежник; мятежник, просящий помилования и прощения – настоящий раб».

Джа'фар Садык был аскетом, но это не выражалось лишь в ношении им шерстяной хырки. Напротив, передается, что однажды к нему пришел один из его современников, Суфьян Саури. Он увидел на Джа'фаре очень дорогую одежду и, смутившись, поспешил сказать ему: «Ведь вы из рода Досточтимого Пророка. Подобает ли вам носить такие дорогие одежды?» На что тот ответил: «Как ты мог подумать такое? Подойди, посмотри, что под ними». Когда Суфьян просунул руку под кафтан, он нащупал под ним одежду из грубой шерсти. А Джа'фар сказал ему: «В наши одежды мы облачаемся лишь ради людей и не скрываем их. То, что мы носим изнутри, носим лишь ради Аллаха, не желая, чтобы об этом знал еще кто-то. Так как следует скрывать то, что предназначено Аллаху».

Он был из тех, кто предпочитал бедность и терпение богатству и благодарности. И когда его спросили:

«Кто, на ваш взгляд, лучше: благодарный богач или терпеливый бедняк», – он ответил:

«Несомненно, терпеливый бедняк лучше. Ведь тогда, когда сердце богатого занято вещами и имуществом, сердце бедняка пребывает с Аллахом».

✵

Сохранились и его не менее прекрасные высказывания о братстве и дружбе. Он говорил: «Для того чтобы стать истинным верующим, следует быть с людьми настолько дружелюбным, настолько ты желал бы видеть дружелюбными их. И не будь другом плохим людям, ибо они научат плохому и тебя. И не закончатся беды твои и невзгоды, если заведешь ты себе друга из таких. Тот, кто вхож туда, куда ходят плохие люди, и сам не спасется от упреков и порицаний. И тот, кто не может держать язык свой за зубами, всегда будет об этом сожалеть».

✵

Он был из тех, кто твердо верил, что всегда и во всем следует уповать на помощь Аллаха, а не людей. В предании рассказывается, как однажды он вышел вместе с несколькими своими учениками на прогулку. Когда они находились у берега реки, один из учеников поскользнулся и упал в воду. Привязанный крепкими духовными узами к своему учителю, он, захлебываясь, стал звать его: «О Джа’фар! О Джа’фар!» Но вскоре ушел с головой под воду. Затем он опять показался на поверхности воды, и Джа’фар спросил:

– Что случилось? Как ты утонул? И как ты спасся?

– Позвал Джа’фара – ушел на дно. Упав на дно реки, призвал на помощь Аллаха – и спасся.

– Будь таким всегда. Это истинный истимдат (взывание о

помощи).

❁

Он говорил:

«Давайте друг друга наставлять. Придем к Господу, присягнем Ему. Ведь если покорный станет гордиться собой, то станет бунтовщиком. А бунтовщик, покаявшись, станет покорным. И тауба должна предшествовать всякому поклонению. Ведь любое поклонение без тауба является несовершенным. Всевышний сказал: **«**[Верующие – это] **кающиеся** [перед Аллахом], **поклоняющиеся** [Аллаху]**»** (ат-Тауба, 9/112)**,** упоминая тауба прежде поклонения.

«Совершив грех, спешите просить у Аллаха прощения, так как величайшим заблуждением является упорство в грехе». Он советовал прибегать к покаянию также и тем, кто находится в затруднении в отношении своего пропитания. Является беспечным говорить о тауба без упоминания Аллаха. А истинный зикр – это забыть о мирском, поминая Аллаха. Ведь именно тогда рабу достаточно одного Аллаха. «Познавший Аллаха отвернет лицо свое от всего иного», – говорил он. Познание Аллаха есть отказ от всего созданного. Только тот достигнет Господа, кто порвет связь с земным.

❁

Критерий между караматом и истикаматом он объяснял следующим образом: «Борющийся с нафсом ради себя достигнет карамата, борющийся с нафсом ради Аллаха будет на истинном пути (истикамат), приблизится к Господу».

❁

По его мнению, благородного человека можно узнать по этим четырем поступкам:

1. Встает при появлении отца.

2. Совершает служение для мусафиров.

3. Если имеет даже сто слуг, сам взбирается на свое верховое животное.

4. Не проявляет небрежности в служении учителю, который дал ему знания.

❅

Добродетель, по его мнению, достигает совершенства, если:

1. Видишь ее малой.

2. Скрываешь ее.

3. Совершаешь, не откладывая ее выполнения.

❅

Он считал истинными наследниками Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) тех ученых и факихов, которые не увивались у порогов дворцов султанов и вельмож ради земных выгод. Он верил в то, что нет ничего дороже разума, и в то, что нет беды хуже, чем невежество. Он был уверен в том, что нет советчика лучше, чем коллегиальное решение, что лишь истинно сильный человек сумеет справиться со своим гневом, и что всегда следует сторониться компании пятерых:

1 - компании лжеца, ибо ты всегда будешь обманут;

2 - компании глупца, ибо навредит он, даже тогда, когда захочет помочь тебе;

3 - компании скупца, ибо потратит он самое дорогое твое время попусту;

4 - компании нечестивца, ибо он не поможет тебе, когда тебе будет нужно;

5 - компании грешника, ибо тянет такого всегда на чужое, а тебя он продаст за кроху малую.

Его завещание сыну

Завещание Джа'фара Садыка сыну Мусе Казыму является также очень поучительным: «Сын мой, хорошо слушай то, что я завещаю тебе, будь внимателен к тому, что я тебе говорю! Если хорошо запомнишь то, что я говорю тебе, будешь жить счастливо, а умирая, будешь воздавать хвалу своему Господу. Сын мой, знай, что тех, кто доволен тем, чем наделяет их Аллах, Он сделает не зависимыми от людей. А те, кто постоянно смотрят на то, что в руках у других людей, так и умрут в бедности.

Недовольный божественным уделом выступает против божественного предопределения. Видящие чужие малые грехи большими будут видеть свои грехи малыми. Считающие же малыми грехи других будут видеть свои собственные грехи великими. Заносящий над кем-то без права меч свой от того же меча и погибнет. Роющий для кого-то яму сам в ту же яму и упадет. Тот, кто пребывает в обществе глупых и невежественных людей, потеряет честь и достоинство. Пребывающий в обществе ученых и знающих найдет почет и уважение. Вхожий в места, пользующиеся дурной славою, найдет упрек и порицание. Всегда говори только правду, приятно тебе это или нет. И никогда не следи за людьми и не упрекай их, ибо всякий упрек поселяет в сердцах вражду и злобу».

Золотая сильсиля обрела новый облик, когда на Джа'фаре Садыке соединились род Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) и род Абу Бакра (радыйаллаху анху).

Источники: Хильятуль-аулия, III, 192-207; Сыфатус-сафва, II, 168-174; Вефайатуль-айан, I, 327-328; Тазкиратуль-аулия, стр. 53-59; аль-Кавакибуд-дурриййа, I, 94-95; Кяшфуль-махджуб, I, 283-284; Ша'рани, I, 28-29; Д-р. Али Зей'ур, ат-Тафсирус-суфи лиль-Кур'ан индас-Садык, Бейрут 1979; Джеляль Кырджа, Тафсир Джа'фара Садыка, Э.У. Журнал Дух. Фак. Кайсери, 1989, VI, 95-112, аль-Хадаикуль-вардийя, стр. 37-40; ад-Дурарун-надид стр. 22; Иргамуль-Марид, 40-41; Иргамуль-Марид Пер. стр. 53-55.

6. БАЯЗИД БИСТАМИ

-куддиса сирруху-

Баязид Бистами внешне был похож на Абу Бакра (радыйаллаху анху). Высокого роста, худощавый и светлокожий. У него была белая редкая борода и глубоко посаженные глаза. Его называли «Султаном арифов». Он был из Ирана, откуда был родом и Сальман Фариси.

Золотая сильсиля, дойдя до Джа'фара Садыка, соединив род и путь Абу Бакра и род и характер Али (радыйаллаху анхума), перешла затем к Баязиду Бистами. Баязид Бистами происходил из селения Бистам, находящегося в Иране, откуда был родом и Сальман Фариси, о котором Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) сказал: *«Из них выйдут такие мужи, что, если вера окажется на Созвездии Сурайя (Плеяды), они достигнут ее»* (см. пер. Таджрида XI, 201)**,**.

Его настоящее имя Тайфур бин Иса, его называли также Абу Йазид, а по месту рождения – Бистами. Но больше всего он был известен, как «Баязид Бистами». Говорится, что его дед, которого звали Серушан, был язычником. Его отцом был человек, принадлежавший к знати селения Бистам провинции Нишабур, праведный и богобоязненный мусульманин. Мать его тоже была благочестивой и верующей женщиной. Всего в их семье было трое сыновей: Адам, Тайфур и Али, и все трое были набожны и аскетичны. Однако более других выделялся своей благочестивостью Баязид.

Баязид Бистами был современником таких великих людей, как Абу Хафс Хаддад, Ахмад Хадравейх и Йахья бин Муаз, и близким другом Шакика Бельхи и Зуннуна Мисри. Он был при-

верженцем Ханафитского мазхаба и тариката Сыддыкийя.

После того как Баязид покинул родной Бистам, он около тридцати лет жил потом в разных районах Сирии. Там он получал знания и занимался воспитанием своего нафса. Умер он в 324/848 или 262/875 году, был похоронен в Бистаме.

Баязид прошел через духовное воспитание «увейси» Джа'фара Садыка.

Единобожие и джазба (божественное притяжение)

Баязид был тем, чья джазба доходила до истиграк (духовного опьянения), а любовь – до ашк (растворения в любви), и кому было свойственно говорить вслух о таухиде. Говоря об ильм-таухид и ильм-хакикат, он не всегда был понятен современникам, и, как свидетельствует Мунави, автор **Кавакиб,** из-за этого его семь раз изгоняли из родных мест. Но всякий раз это оборачивалось неудачами и бедами для гонителей, и они, вынужденные признать свою неправоту, проникались уважением к Баязиду.

Его спрашивали: «Что есть таухид?» Он отвечал:

«*Таухид – это непоколебимая вера. Вера – это ясное понимание того, что любое из деяний – это деяние Аллаха, что требует видеть во всем первопричиной только Его одного. Если человек, познав в этом Господа своего, останется верен этому своему чувству и непоколебим в нем, он достигнет таухида. А это означает, что ни в одном из Его деяний Ему нет равных».*

Это его понимание выражалось в нередком обращении к Господу с такими словами: *«О Господь, сделай, чтобы между нами не было моего «я», и когда я буду с Тобой, я буду самым великим, а когда между нами будет мое «я», я буду самым ничтожным».*

* * *

Он – муршид

Он выдвинул критерий оценки муршида: «*Если вы услышите, что о ком-то говорят, что он летает или парит в воздухе, не следует сразу этому верить. Прежде всего, следует узнать, насколько человек этот обязателен в том, что касается дозволенного и запретного, насколько он следует тому, что установлено шариатом*».

Он всегда сторонился всяких титулов, особенно не желал, чтобы о нем говорили как о праведнике или обладателе карамата, считая, что это приводит к духовному падению. Об этом он рассказывал так: *«Однажды я подошел к берегу Тигра и увидел, что два берега сошлись передо мной, будто открывая мне дорогу. Но я поклялся: «Меня этим не проведешь». Так как я не хотел променять то, чего достиг за эти тридцать лет, на какие-то полкопейки, которые лодочники брали в оплату за перевозку на другой берег. Мне же нужен аль-Карим, а не карамат»*.

Разницу между состоянием простых людей и состоянием арифов он разъяснял так: *«Простые люди пребывают в различных состояниях, но у арифов нет никаких состояний. Так как арифы утратили свой образ, устремились в вечность, и их сущность растворилась в Сущности Творца. Самые близкие к Аллаху те, кто более добр к людям»*.

Желание захидов в этом мире – карамат, в вечной жизни – макамат (степени рая), желание арифов в этом мире – прожить с иманом, а в вечной жизни – заслужить божественное прощение.

Когда его спросили: «Как ты совершаешь намаз?», он ответил:

«Начинаю намаз со слов: «Повелевай мне, о Господь мой! Совершил я такбир, чтобы исполнить твое повеление». Затем читаю суру Фатиха и другую суру, после чего с благоговением совершаю поясной поклон и со смирением совершаю Тебе зем-

ной поклон. Завершаю намаз, в трепетном страхе давая салям по обе стороны, будто прощаясь с этой жизнью навсегда».

Передано, что однажды Баязид Бистами присоединился к уроку по фикху, который давал в мечети один ученый. Один из присутствующих спросил ученого про наследство: «Умер человек, после него осталось то-то и то-то. Как следует делить наследство?» Когда учитель собрался дать ответ на этот вопрос, Баязид опередил его, обратившись к нему: «О учитель! Что вы скажете о том, кто умер, и у него не осталось никого кроме Аллаха?»

Все присутствующие перевели взгляд на Баязида и с удивлением стали слушать его: «На самом деле человеку в этой жизни не принадлежит ничего. Он не является в ней хозяином ни одной вещи. Когда он умирает, у него не остается никого и ничего, кроме его Господа. Точно также как и до этого, ведь до прихода в эту жизнь у него никого не было. В этой жизни он одинок, но в большинстве случаев просто не догадывается об этом. И только тогда, когда попадает в могилу, понимает это».

Удивленный таким ответом, учитель спросил:

«У кого, где и каким образом ты научился этому?» Баязид отвечал:

«Эти знания у меня от Аллаха. Ведь Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) говорил: **«Тот, кто поступает в соответствии с тем, что знает, того Аллах научит тому, чего он не знает».**

Когда его спросили: «Когда человек считается «постигшим» истину?», он ответил:

«Когда он, увидев свои собственные недостатки, встает на путь их преодоления».

Баязид был аскетом. Считал, что аскетизм (зухд) достигается через три ступени. Первая – отречение от земной жизни и ее благ. Вторая – очищение сердца и души от любви ко всему, что касается вечной жизни и ее благ. Третья – прерывание духовной связи со всем, кроме Аллаха.

Он указывал на недопущение ошибок в поклонениях, и первым условием поклонения считал ихляс. Указывал, что тот, кто считает, что среди мусульман есть кто-то хуже него, лишен скромности и страдает высокомерием. Он считал, что истинная скромность – это не придавать себе никаких степеней и положений и не думать, что кто-то из людей грешнее, чем ты сам.

Говоря о том, что разум и душа тех, кто имеет множество интересов и проблем, постоянно заняты, подразумевал, что «у того, кто думает лишь об одном (вечном), глаза видят и уши слышат».

Он проводил прямую параллель между голодом и мудростью, называя одним из истинных источников мудрости «голод»: «Голод подобен тучам. Насколько человек голоден, настолько на его сердце прольется дождь мудрости».

Его как-то спросили: «Как ты достиг познания?», он отвечал:

«С голодным желудком и голым телом».

«Почему же ты так превозносишь голод?» – спросили его.

«Если бы фараон голодал, он никогда бы не возомнил себя богом», – отвечал он.

О том, как надо видеть простых людей, он говорил:

«Тот, кто смотрит на людей глазами созданного, очень скоро возненавидит их. Но тот, кто смотрит на людей через взор их Господа, возлюбит их. Ведь и Йунус в своих стихах говорил:

Всего лишь букве одной научившись,

Сколько благ мы смогли приобресть.

Все сущее объемлем любовью

Во имя Создателя Сущего.

Кто смотрит на все лишь как на сотворенное, увидит в нем лишь ошибки и недостатки. Тот, кто смотрит на все глазами самого Творца, увидит все таким, какое оно есть, а ошибки и недостатки будут ему неинтересны.

Хадис: **«Слова «Ля иляха илляллах** (Нет божества кроме

Аллаха**) – ключ от рая»** он толковал следующим образом:

«У ключа от рая есть зубцы, и это:

1. Язык, далекий от сплетен и лжи.
2. Сердце, далекое от обмана и предательства.
3. Желудок, чистый от запретного и сомнительного.
4. Деяния, чистые от корыстных побуждений и показухи.

Риязат (ограничение земных потребностей) и ашк (любовь)

Он испил чашу любви, поэтому лишился ума. И поэтому, когда кто-то спрашивал о Баязиде, он говорил: «И я вот уже тридцать лет ищу его, но не смог найти ничего, что поведало бы мне о нем». Когда эти слова передали Зуннуну аль-Мисри, он сказал: «Брат мой Баязид отправился в путь вместе с теми, кто направлялся к Истине, и от него не осталось и следа». Так как он достиг **«Фена филлях»**.

Будучи из тех, кто достиг совершенства в риязат и муджахада, ашк и джазба, он дал такое определение:

«*Тасаввуф – это умение запереть дверь, ведущую к удобствам, и открыть дверь к тяготам и борьбе с нафсом».*

Баязид Бистами, который был известен как обладатель ашк и джазба, привлек к себе внимание Ибн Араби. В своих произведениях Ибн Араби часто говорил о нем. Именно благодаря любви Ибн Араби к Баязиду многие из накшибандийских шейхов интересовались личностью Ибн Араби и писали толкования к его произведениям. Можно даже сказать, что любовь к Ибн Араби являлась особенностью накшибандийской цепи, вплоть до появления в цепи Имама Раббани. Но в силу того, что после Имама Раббани в этом тарикате было принято понятие «таухид шухуд» вместо «таухид вуджуд», влияние Ибн Араби заметно ослабло.

Источники: Сулеми, Табакатус-Суфиййа, 65-74; Хильятуль-аулия, X, 33-42; Кушайри, I, 88-92; Сыфатус-Сафва, IV, 107-114; Кяшфуль-Махджуб, I, 317-319; Ибн аль-Мулаккин, 398-402; Нафахатуль-унс (пер. Ламии Челеби) стр. 103; Тазкиратуль-аулия, (пер. С.Улудаг) стр. 198-245; Ша'рани I, 65; аль-Кавакибуд-дурриййя, I, 121; А'лямун-нубала, XIII, 86-89; аль-Хадаикуль-вардийя, стр. 97-105. Д-р. Абдульхалим Махмуд, Абу Йазид аль-Бистами, Каир, 1979. ад-Дурарун-Надид стр. 22-23; Иргамуль-Марид, 41-44; Хадикатуль-Аулия, II, 4-8; Иргамуль-Марид Пер. стр. 56-58.

7. АБУ АЛЬ ХАСАН ХАРАКАНИ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста, светлокожий, широколобый, с немного округлым лицом и большими глазами, его речь была доходчивой и ясной, словом, он во всем походил на ‘Умара аль-Фарука (радыйаллаху анху). По своим явным и скрытым знаниям он был правителем душ, получившим степень кутуб и гаус.

Седьмым в золотой цепи преемников стал опять выходец из Ирана, из Харакана, расположенного недалеко от Бистама. Он был земляком Баязида Бистами и хранителем его могилы. Человек, который, вобрав фейз от духовности Баязида Бистами, получил от него «увейси» воспитание. Его имя **Али бин Джа’фар,** еще его называли Абу аль-Хасан, а по месту рождения, как об этом говорит автор «**Му’джамуль-бульдан»** Йакут аль-Хамеви, – не Харкани, а аль-Харакани (см. III, 360). Тот же автор говорит, что умер аль-Харакани в 425 году, 10 числа месяца Мухаррама, в день Ашура (декабрь 1034 г.), в возрасте 73 лет. Следовательно, родился он в 352/963 году, т.е. 91 год спустя после смерти Баязида.

Он был современником таких великих мутасаввифов, как Абу аль-Касым Кушайри, Абу аль-Аббас Кассаб и Абу Саид аль-Михани, был знаком с таким видным правителем государства, как Султан Махмуд Газнели, и таким знаменитым философом и врачом, как Ибн Сина. О том, что он был знаком с Кушайри, известно со слов Худжвири, автора «**Кяшфуль-махджуб»**. Худжвири передает, что сам Кушайри сказал о Харакани следующее: «Когда я отправился в Харакан, чтобы повидать шейха Абу аль-Хасана, его величественность и суровый облик произвели на меня такое сильное впечатление, что я на некото-

рое время потерял дар речи. Я даже подумал, что чем-то разгневал высшие силы».

Абу аль-Аббас Кассаб сказал о нем: «Харакани – тот, кто привнес в тасаввуф путешествия и зийараты (посещения)».

Харакани и Махмуд Газнели

Махмуд Газнели, основатель первого исламского Турецкого государства, также был одним из тех, кто посещал Харакани и черпал от его духовности. Ведь не зря сфера деятельности и влияния ветви Сыддыкийя, или Бакрийя, «Золотой Сильсиля» распространилась в основном на территории Ирана и Великого Турана, в особенности в тюркском мире. Согласно сведениям, которые приводит Фаридуддин Аттар в своем «**Тазкиратуль-аулия»**, Махмуд Султан Газнели встречался с шейхом Харакани несколько раз.

Наслышанный о славе шейха Харакани, Махмуд Газнели, с целью повидать, а точнее – испытать его, вместе со своими людьми приехал в Харакан. Когда они вошли к шейху Харакани, он не оказал им особого внимания и даже не встал, чтобы поприветствовать их. Султан же, в свою очередь, задал шейху множество вопросов, чтобы испытать его. Но, получив удовлетворительные ответы и почувствовав дружелюбие со стороны шейха, он смягчился, и беспокойство его сменилось любовью и уважением. В знак уважения султан хотел преподнести ему мешок золотых монет, но шейх не принял его. Тогда султан попросил его подарить им «на память» что-нибудь из своих вещей. И Харакани подарил им одну из своих рубах. Когда их встреча подошла к концу, и они стали прощаться, шейх Харакани поднялся. Увидев, что шейх провожает его стоя, султан спросил:

«Вы не встали, встречая нас, почтеннейший и уважаемый шейх, а теперь провожаете нас стоя. Могу ли я узнать, в чем причина этого?» Шейх Харакани ответил ему так:

«Когда вы пришли, вами руководили надменность прави-

теля и намерение испытать меня. А уходите, вобрав в себя духовное состояние дервишей. Знайте, что обитель дервишей и их смиренность требуют к себе уважения».

Когда Султан Махмуд Газнели приехал к шейху Харакани в следующий раз, он попросил его наставления. На что шейх сказал ему:

«Всегда будь внимателен к четырем вещам:

1. Остерегайся грехов.
2. Совершай намаз вместе с джамаатом.
3. Будь щедрым.
4. Будь сострадательным ко всем созданиям!»

Ибн Сина и Харакани

В **«Тазкиратуль-аулия»** и **«аль-Хадаикуль-вардийя»** приводятся сведения, что Харакани был знаком и встречался с известнейшим философом и врачевателем того времени Ибн Синой, авторитет которого был настолько высок, что его произведения на протяжении четырех веков служили учебными пособиями в Западных университетах.

Философ Ибн Сина, который очень интересовался тасаввуфом и жизнью мутасаввифов, лично приезжал навестить Харакани. Когда он вошел в их дом и спросил шейха, жена шейха, нелестно отозвавшись о супруге, сказала, что пусть ищет его в лесу, куда та отправила его за дровами. Ибн Сина пошел искать шейха в лес и вскоре встретил его там в сопровождении льва, на спину которого были навьючены дрова. В изумлении он спросил:

«О почтеннейший, как это может быть?!» На что шейх отвечал:

«Если бы мы не сносили тяготы от чудовища, которое у нас дома, Аллах не подчинил бы нам этого царя зверей», подраз-

умевая свою вспыльчивую и капризную жену. Однако Аллах облегчил шейху пропитание за его терпение ради Всевышнего.

Абдуллах Ансари и Харакани

Одним из мюридов шейха Харакани был Абдуллах аль-Ансари аль-Харави, который заслужил достойное место в нашей истории благодаря своему произведению «**Маназилус-Саирин»**, в котором он объясняет такие понятия Тасаввуфа, как халь и макам. Известно, что сам он говорил: «Я учился Хадису, Фикху и другим исламским наукам у многих учителей. Моим же учителем в Тасаввуфе является Абу аль-Хасан Харакани. Если бы я не встретил его, то не достиг бы ма'рифат».

Нрав Харакани

Харакани, по единодушному мнению многих источников, был того же нрава, что Баязид Бистами. Он был таким же страстным, опьяненным любовью и, в то же время, таким же трезвым в своих суждениях, как Баязид. Ему принадлежит множество высказываний о фена и бака, сакр и сахв, таухид и вахдат и др., подобных словам Халладжа, говорившего: «Ана-ль-Хак (Я есть Истина)». Очень подробно о подобных его суждениях рассказывается в книге Аттара «**Тазкиратуль-аулия».**

Харакани, который был знаком со многими учеными и шейхами своего времени и обучался у них, наконец, поселился в родных краях Баязида Бистами, сблизился с его мюридами, продолжившими путь великого шейха, и двенадцать лет посвятил служению его могиле. Эта дверь к истинной любви стала для него дверью и в храм собственного сердца. Любовь к Баязиду, которая с годами только усиливалась, всецело овладела им и вела к Истине.

Будучи из последователей духовного опьянения (сакр) и притяжения к Господу (джазба), он даже понятия сахв (трез-

вость рассудка) и пробужденность разъяснял с позиции духовного упоения (ваджд). Он говорил: «Трезвостью рассудка можно назвать лишь то, что раб всем телом, с головы до ног, чувствует, что Аллах поминает раба, когда раб поминает Аллаха». Таким образом, говоря об Аллахе, нельзя вести речь с теми, кто говорит о ком-то кроме Него.

Харакани обладал отзывчивым и сострадательным сердцем, он всегда был готов помочь тем, у кого были заботы и трудности. Он говорил: «Если на просторах между Туркестаном и Сирией кому-то в ногу вонзится колючка – она вонзается в мою ногу, если кто-то ударит ногу о камень – это я ударю ногу. И я чувствую его боль. Если в чьем-то сердце печаль, то это – мое сердце».

Он был из тех, кто знал, что истинное служение есть служение созданным Аллаха. Поэтому он говорил: «Ученый, просыпаясь утром, желает, чтобы сегодня увеличились его знания. Аскет – чтобы увеличилась его богобоязненность. Я же озабочен тем, чтобы наполнить сердце хотя бы одного мусульманина счастьем, чтобы обрадовать его».

Он, подобно Рабии Адавийи и другим мутасаввифам, превзошел мысли о рае и страх перед адом. Об этом он говорил: «Я не говорю, что рая и ада не существует. Я имею в виду то, что их, как таковых, не существует для меня, так как оба они являются творениями. Я же стремлюсь не к тому, что создано, а к их Создателю».

О бессмысленности хвастовства знаниями он говорил так: «Каждый до тех пор, пока не узнает, что ничего не знает, хвалится своими знаниями. Узнав же о том, что фактически ничего не знает, человек начинает стыдиться, что является тем самым моментом истины и истинного познания. Ведь истинным знанием является знание того, что ты ничего не знаешь».

О том, где и когда место миру и вражде, он говорил следующее: «Мир следует заключать с людьми, враждовать нужно с нафсом».

Мирскую жизнь он сравнивал с тенью: «Когда ты преследу-

ешь ее – она твой повелитель, когда ты удаляешься от нее, ты становишься ее повелителем».

Условия Великодушия

По его мнению, условиями великодушие являются:

1. щедрость, 2. милосердие, 3. независимость от людей.

Сердце же, в котором есть что-либо помимо Аллаха, даже будучи целиком послушным и полностью занятым поклонением, остается мертвым. Так как самой светлой душой останется лишь та, в которой нет никого из созданных, а самым прекрасным из всех деяний будет лишь то, которое совершается не ради них.

Его критерием благодеяния и поклонения было следующее: «Делая с утра и до вечера то, что угодно людям, совершай всю ночь до утра то, что угодно Всевышнему».

Он говорил, что кроме совершающих такие тяжкие грехи, как убийство людей, в обществе всегда есть две группы людей, от которых исходит угроза: «Ученый, глаза которого застилает страсть к мирскому, и невежественный суфий, обделенный знаниями».

Считал лучшим для себя честный заработок, всегда говорил, что разрешенным (халаль) и самым чистым является пропитание, заработанное своими руками.

Когда его спрашивали: «Кто такой суфий?», он отвечал:

«Суфий – не тот, кто в шерстяной хырке сидит на молитвенном коврике, ибо тасаввуф не постичь через церемонии и обряды. Суфий – тот, кто через махв и фена преодолел свое «я». Ведь у многих есть молитвенный коврик и хырка. Главное – чистота сердца. А от одежды какой прок? Если бы можно было стать человеком, лишь надев на себя шерстяную накидку и пи-

таясь ячменем, то ишаки тоже смогли бы стать людьми. Ведь и на них надевают шерстяную накидку и кормят ячменем».

Однажды к шейху пришел человек и попросил подарить ему хырку. На это шейх ответил: «Как мужчина не становится женщиной, надев на себя платок, так и ты не постигнешь этого пути, надев на себя эту хырку. Займись, прежде всего, очищением души своей!»

Мутасаввифом, по его мнению, является тот, кто не нуждается в солнце днем и в звездах и луне ночью, так как тасаввуф – небытие, не нуждающееся в бренном.

Спросив однажды своих мюридов «что есть самое прекрасное», он сам дал ответ: «Самое прекрасное – это сердце, пребывающее в постоянном зикре. Так как тот, кто полностью отдался поминанию Аллаха, всей своей сущностью будет говорить о Нем».

❋

Правдивостью он называл высказывание того, что в душе, **искренностью -** совершение всего только ради Аллаха, а **показухой –** совершение деяний и поступков ради людей.

Достойными называться «**Наследниками Пророка»** он считал тех, кто, следуя его поступкам и словам, идет по его стопам. А не тех, кто, изводя бумагу и чернила, пишет книги.

Он говорил, что для того чтобы постичь бессмертие, следует хотя бы один раз в день умирать и воскрешаться вновь.

Об обиде и обижающих он говорил следующее:

«Люди бывают трех видов:

1. Тот, который обижает тебя, даже если ты не обижаешь его.

2. Тот, который обижает тебя только в ответ на то, что ты обижаешь его.

3. Тот, который не обижает тебя, даже если ты обижаешь его.

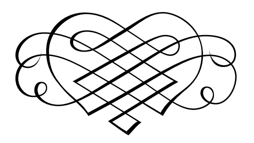
И если верующий с утра до вечера за весь день не обидел ни одного му'мина, значит, он этот день провел в обществе Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Но если обидит за день хотя бы одного му'мина, Аллах все его поклонения, совершенные в этот день, сделает напрасными».

Перечисляя основы тасаввуфа, так как делал это Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям), он говорил:

«Много плачьте, смейтесь мало, больше молчите, меньше говорите, отдавайте много, ешьте мало, и старайтесь держать голову подальше от подушки».

Харакани, имея натуру, обладающую страстностью и джазб, перенял Сыддыкийскую традицию тасаввуфа и передал вверенную ему сильсиля Абу Али Фармади – шейху самого Газали.

Имам-хатыб Мечети Хафызпаша (город Карс, Турция), о которой имеется упоминание в произведениях самого Харакани «**Башаретнаме**» и «**Асрарус-сулюк**», Ибрахим Аланка в своей книге под названием «**Абу аль-Хасан Харакани**» приводит свое мнение, что могила шейха находится в Карсе.



Источники: Нафахатуль-унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 337-339; Кяшфуль-махджуб, I, 377-378; Тазкиратуль-аулия, (пер. С.Улудаг), стр. 694-747; аль-Хадаикуль-вардийя, стр. 105-106; ад-Дурарун-Надид стр. 23-24; Иргамуль-Марид, 44-48; Хадикатуль-Аулия, стр. 8-12; Каусари, 59-62.

8. АБУ АЛИ ФАРМАДИ

-куддиса сирруху-

Абу Али был среднего роста, темнокожим, серьезным и степенным человеком. Его брови были насуплены. Несмотря на это, его обаяние затмевало его суровость и, кроме того, он был очень отзывчивым и сострадательным. Суровым его облик становился только тогда, когда наступало время отстаивать правду. Глаза и ресницы его были черными, а рот чуть большеватым. И, несмотря на то, что он не придавал большого значения красноречию, речь его всегда была правильной и оказывала сильное впечатление на слушающих.

Восьмым в золотой цепи преемников духовного наследия досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) стал Абу Али Фармади, ученик выдающегося человека своего времени и известнейшего мутасаввифа Абу аль-Касыма Кушайри, а также шейх и учитель самого Имама Газзали.

Абу Али Фармади был родом из Иранской провинции Хорасан, города Фермеза, что близ Туса. Его настоящее имя – **Фазл бин Мухаммад**, еще его называли **Абу Али**, а также – Фармади, потому что, как об этом говорится в турецких источниках, он был родом из Фермеза. Он родился в 407/1016 году. Был учеником таких известных ученых, как Абу Абдуллах Ширази, Абу Мансур Багдади и Абу аль-Хасан аль-Музакки. В молодости он брал уроки в Найсабуре у Абу Саида Абу аль-Хайра. И, как говорит об этом автор **«Нафахатуль-Унс»** Джами, все время пока Абу Саид Абу аль-Хайр находился в Найсабуре, давая уроки и собирая кружки зикра, Фармади не прекращал посещать их. А после того, как Абу Саид покинул Найсабур, он стал посещать

уроки Абу аль-Касыма Кушайри.

Кушайри учил его тафсиру и хадисам, искусству проповеди и давал ему некоторые духовные наставления. Он, видя, какой огонь желания к познанию и постижению Истины зажег в сердце Абу Али Фармади Абу Саид Абу аль-Хайр, видя его большой интерес к тасаввуфу, со своей стороны всячески старался пробудить в своем ученике интерес и к другим знаниям. Поэтому знания Абу Али увеличивались и становились все глубже день ото дня. Вскоре с ним стали происходить странные вещи. Однажды, когда он занимался науками и пожелал сделать записи, то был поражен тем, что, когда он макал перо в чернила, оно оставалось сухим. И, как бы он ни старался взять чернила на перо, все было тщетно. Взволнованный, он побежал к своему учителю Кушайри. Выслушав внимательно своего ученика, великий мутасаввиф сказал: «Ты более не в моей компетенции. Ведь раз уже и знание не желает больше иметь с тобой дела, так уж лучше ступай дальше и займись успокоением и преображением души своей». Тогда Абу Али, собрав свои вещи, покинул медресе, перебравшись в текке, которое также принадлежало Кушайри.

Абу Али провел там некоторое время, но из-за произошедших с ним духовных перемен решает покинуть родные края и направляется в сторону Найсабура и Туса. В Тусе он находит Абу аль-Касыма Гургани и примыкает к нему. Под руководством Гургани он проходит духовное воспитание (риязат и муджахада) и завершает сейру-сулюк (путь духовного воспитания). После этого шейх поручает ему создать собственное окружение мюридов, проповедовать им и наставлять их, учить зикру, и выдает за него замуж свою дочь.

Фармади, который принял у Абу аль-Касыма Гургани Хайдарийскую ветвь Накшибандийского тариката, позже, примкнув к Абу аль-Хасану Харакани, присоединился и к Сыддыкийской цепи, объединив, таким образом, обе эти две цепи. Умер он в месяце Раби'уль-Авваль 477 года/Июле 1084.

Благодаря тонкой манере, с которой Абу Али Фармади на-

ставлял людей, и своему духовному совешенству, он удостоился всеобщей любви современников. Еще при жизни в Хорасане его называли **«шейхом всех шейхов»** и **«языком всего Хорасана».** И даже известный сельджукский везирь того времени Низам аль-Мульк, который прославился тем, что проявлял необыкновенную почтительность ко всем, кто учил знаниям или проповедовал религию истины, почитал Фармади больше всех.

У Низама аль-Мулька были в почете такие известные ученые эпохи, как Джувейни и Кушайри, которых он любил и уважал и всегда вставал, когда они входили. Однако когда к нему приходил Абу Али Фармади, он не только вставал, чтобы поприветствовать его, но и усаживал его на свое место. Когда Низама аль-Мулька спросили, в чем причина такой сильной любви и привязанности к Фармади, он ответил:

«Все другие ученые и шейхи хвалят меня в лицо. И это, не скрою, нравится мне. Фармади никогда не хвалит меня в лицо и даже не стесняется поправлять меня, указывать на мои ошибки и недостатки и давать мне некоторые наставления. И я, в свою очередь, видя в этом лишь благо, стараюсь выразить ему свое уважение».

Переняв у своего учителя по тафсиру Кушайри превосходную манеру речи и толкования, Абу Али стал прекрасным оратором и проповедником. Слушающие его проповеди и сохбеты говорили, что чувствуют себя подобно цветам в прекрасном саду.

❋

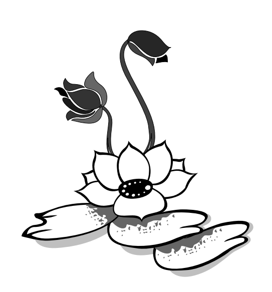
Абу Али был одним из тех, кто искал благо в служении. Поэтому он всегда был первым во всем, что касалось служения шейху или духовным братьям. Мудрость и проницательность он ставил во главе всякого служения. Так, чтобы обрести благо в служении, необходимо правильно выбрать время и место. Благодаря именно своей проницательности, он заслужил особых похвал и дуа своего шейха. Так, передано, что однажды,

когда его шейх был в отхожем месте, и ему понадобилось еще воды, тот, не заставив учителя просить об этом, сам принес сосуд с водой и поставил его у дверей. На такую внимательность учитель сказал: «Благодаря твоему пониманию служения и твоей проницательности, за один раз ты сумел приобрести то, что мы приобрели за долгие семьдесят лет служения. Пусть же Аллах возвысит тебя», тем самым совершив ду'а за Фармади.

Помимо хадисов и тасаввуфа, Абу Али Фармади был очень увлечен фикхом, особенно мазхаба Имама Шафи'. Поэтому он был не только духовным наставником Газзали, но и его учителем по фикху. В сущности, Абу Али Фармади стал мостом между Кушайри и Газзали. Он не оставил после себя ни одного произведения, однако, воспитав такого великого ученого и мутасаввифа как Газзали, объединил знания и способности этих двух людей, после чего суннитский тасаввуф не только получил широкое развитие, но и был систематизирован.

Сам Газзали в своем произведении «**Ихья**» упоминает о своем шейхе лишь несколько раз. В основном, это трактаты о том, как муршид должен наставлять мюрида, и каким должен быть адаб и уважение мюрида к его шейху. Как доказательство того, что состояние мюрида в дневное время отражается в его сне, Газзали приводит следующие слова Фармади: «*Также как мюрид должен словами выражать свое уважение к шейху, также он не должен в душе чувствовать неуважение к шейху. Я, увидев как-то шейха своего Абу аль-Касыма Гургани во сне и услышав от него то, что мне не понравилось, во сне спросил его: «Почему вы так говорите?» Потом я рассказал ему про это, и он целый месяц был мной не доволен. Когда же я спросил его о причине этого, он сказал: «Если бы в твоем сердце не было несогласия с тем, что я сказал, если бы ты был полностью покорен мне, то ты не вел бы себя так и во сне».*

Благую весть о том, что вскоре Абу Али откроются духовные миры, и он сможет разговаривать языком великих людей ислама, он получил от приехавшего в Тус первого своего учителя Абу Саида Абу аль-Хайра до того, как был назначен духовным преемником шейха Абу аль-Касыма Гургани. Затем Фармади познакомился с Абу аль-Хасаном Харакани и стал его преемником по Сыддыкийской линии Накшибандийского тариката, а, уходя из этой жизни, передал аманат Йусуфу Хамадани.



Источники: Му'джамуль-бульдан, IV, 228-229; Нафахатуль-унс (пер. Лами Челеби) стр. 402-404; Газзали, Ихйа, IV, 328; Сийару А'лямин-Нубаля, XVIII, стр. 565-566; Ибн аль-Асир, аль-Любаб, II, 405; аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 71-72; ад-Дурарун-надид стр. 24-25; Иргамуль-Марид, 48-49; Хадикатуль-Аулия, II, 12-14; Иргамуль-Марид Пер. стр. 62-64.

9. ЙУСУФ ХАМАДАНИ

-куддиса сирруху-

Он был выше среднего роста, худощавый, светлокожий и светловолосый. Он всегда улыбался. Борода его была с небольшой проседью. Внешним видом и судьбой, аскетичностью и богобоязненностью он был похож на Имама А’зама Абу Ханифу. Он был обладателем прекрасной речи и нравственности, знаний и мудрости. Он был из приближенных к Всевышнему и одним из великих людей тасаввуфа. Он был всегда одет в штопанную шерстяную одежду. Он был кроток и сострадателен. Он очень любил читать Коран.

Девятым в золотой цепи преемников стал Йусуф Хамадани, который сыграл важную роль в исламизации тюрков, стал родоначальником Йасавийского и Накшибандийского тарикатов, которые стали причиной исламизации и тюркизации Анатолийского полуострова. Его настоящее имя Абу Йусуф бин Аййуб, еще его называли Абу Йакуб, а по месту происхождения – Хамадани.

Родился он в 440/1048 году в селении Бузенджирд, что между Райом и Хамаданом. Детство он провел в родных краях. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, у него появилась тяга к знаниям и мудрости, в поисках которых он отправился в Багдад, тогдашнюю столицу Исламского халифата и центр знаний. Там он стал учеником Абу Исхака аш-Ширази, у которого учился фикху, каляму и усуль-тахсилю. Несмотря на его юный возраст, Ширази любил Хамадани больше всех других своих учеников, ставя его старательность и благовоспитанность в пример его сверстникам.

Хамадани учился у таких мухаддисов, как Кады Абу аль-Хусейн Мухаммад, Абу аль-Ганаим Абдуссамад и Абу Джа'фар Мухаммад, в городах Багдаде, Самарканде и Исфахане. Он присутствовал на сохбетах шейхов Абдуллаха Джувейни и Хасана Симнани. Большую часть хадисов, которые ему приходилось слышать, он старался записывать. Однако вскоре он оставил учебу и посвятил себя аскетизму и тасаввуфу, занимаясь духовным совершенствованием. В этот период он знакомится с Абу Али Фармади, духовным наставником Газзали, и становится его мюридом. Вскоре, благодаря своей молодости и служению, он удостоился признания и одобрения своего шейха.

После смерти шейха в 477/1084 году он поселился в Герате, что между Мервом и Райом, где занялся ткацким делом. Очень скоро он заслужил любовь и уважение многих местных жителей. Еще позже он смог организовать почти в каждом из этих селений свои кружки зикра и сохбетов. Особой славой пользовалась текке, которая была основана им в Райе и которая всегда была заполнена людьми.

В 515/1121 году он опять приезжает в Багдад. Там он стал преподавать фикх в медресе Низамиййя, а в оставшееся время обучал людей хадисам. И все уроки, даваемые Хамадани, будь то уроки хадисов, уроки фикха или даже простые проповеди, они вызывали у людей большой интерес. В источниках, в частности, говорится, что слушать его уроки и лекции нередко съезжались и другие известные ученые и шейхи того времени. В период жизни в Багдаде Хамадани совершил хадж и некоторое время оставался в Медине. По возвращении в Багдад он вернулся в места своего раннего служения – Герат, Мерв и Рай. Там, посвятив себя служению духовного наставничества, он оставался до самой своей кончины. Умер Хамадани в местечке под названием Бамейан, что на пути из Герата в Мерв (535/1141). Однако прах его после смерти был перезахоронен в Мерве, что на территории сегодняшнего Туркменистана.

Рассказывает Абу Фадл Сафи бин Абдуллах:

«Я был одним из учеников нашего шейха Йусуфа Хамадани в Багдаде, где он давал уроки в медресе Низамиййя. Однажды, когда мы все сидели и слушали его лекцию, из нас поднялся один факих по имени Ибн ас-Сакка и начал задавать вопросы. Однако ни один из заданных им вопросов не содержал в себе никакого смысла, из-за чего шейх немного рассердился и сказал: «Сядь на свое место, я не стану отвечать тебе. Так как ничего, кроме неверия в твоих вопросах я не чувствую. И боюсь, что ты умрешь, будучи далеко не правоверным мусульманином». Ошарашенный таким ответом, Ибн ас-Сакка замолчал и сел на место.

Прошло некоторое время, и в Багдад прибыл посол Византии. Встретившись с этим послом, этот самый Ибн ас-Сакка провел долгое время в разговоре с ним. В завершении он сказал: «Я хочу перейти в вашу религию». После чего посол пригласил его с собой в Константинополь, где Ибн ас-Сакка, познакомившись позже и с императором, принял христианство. После этого Ибн ас-Сакка до конца своих дней прожил в чужих краях, в среде христиан. Когда он был уже при смерти, случилось так, что в Константинополь приехали торговцы из Багдада. Войдя к нему и узнав в нем того самого Ибн ас-Сакку, который некогда был хафизом Корана, они не нашли ничего, кроме как спросить его: «Осталось ли у тебя в памяти хоть что-нибудь из Корана?» Он ответил: «Нет, кроме этого аята: **«Быть может, неверные хотели бы стать муслимами»** (см. «аль-Хиджр», 15/2). Могло ли быть для вероотступника увещевание лучшее, чем это? И, если это не является доказательством чуда Корана – и в словах, и в содержании, то что же это тогда?

О сэма (слушании песнопений)

Как и его предшественники, Хамадани интересовался сэма

и высказывал об этом собственное мнение. Сэма, по его словам, было путешествием и посланием к Творцу, благом от Всевышнего, средством, которое приносило пользу из духовного мира. Оно усиливало дух, давало пищу и оживление сердцам и укрепляло духовную тайну.

С другой стороны, сэма помогало приподнять завесы над тайной. Сэма было подобно солнцу, подобно блеснувшей молнии. Ведь только во время сэма дух и сердце начинают слышать, не оставляя места нафсу. Когда в сэма вмешивается нафс, оно становится обычной песней.

Его влияние и авторитет

Хамадани был тем, кто довел до земель Туркестана голос ислама и дух тасаввуфа. Те, кто после него стали его преемниками, на протяжении многих лет несли на себе ту же ответственность и, также как их предшественники, довели этот свет до следующих поколений, то есть и до нас. А его преемниками были Абдуллах Барки, Хасан Эндаки, Ахмад Йасави и Абдульхалик Гудждувани. Ахмад Йасави стал основателем Йасавийского тариката, а Абдульхалик Гудждувани – ветви **«Хаджеган»** Накшибандийского тариката.

Шейхуль-Акбар Мухйиддин Ибн аль-Араби, который жил век спустя после Хамадани, говорит о нем в своих произведениях. И приводит слова Авхадуддина Кирмани о его славе:

«В 602/1205 году в Конью приехал Авхадуддин Кирмани и рассказал нам о том, что он слышал о Йусуфе Хамадани. Йусуф Хамадани является шейхом вот уже шестьдесят лет. С возрастом он перестал выходить из своей текке, за исключением только пятничного намаза. Но однажды какая-то внутренняя сила заставила его выйти и уйти далеко от текке и жилых мест. Он даже не принуждал свое верховое животное идти в определенном направлении и, отпустив поводья, следовал туда, куда ведет его случай. Так он ехал и ехал, пока не достиг развалин старой мечети, стоявшей на окраине города. Хамадани остановился и

вошел в двери мечети. Внутри он увидел находящегося в смятении юношу, сидевшего со склоненной головой. Почувствовав чье-то присутствие, он поднял голову и, увидев шейха, обратился к нему: «О шейх, у меня есть проблема. Не могли бы вы помочь мне?» Разрешив его проблему, Йусуф Хамадани сказал: «Впредь, столкнувшись с подобными трудностями, приходите к нам в текке, молодой человек, не вынуждайте таких шейхов как я переносить тяжести пути». В довершение этих слов Ибн Араби добавил: «Из этого я понял, что, если мюрид во внешнем и внутреннем правдив, то его правдивость и преданность могут притянуть к нему шейха». Ведь больше всего люди влияют друг на друга тогда, когда сердца их встречаются.

Хамадани, который посвятил свою жизнь духовному воспитанию людей, был не только превосходным муршидом, но и автором некоторых произведений. Но, к сожалению, ни одно из них до наших дней не дошло (см. **Му'джамуль-муаллифин**, XIII, 279).

Источники: Ибн Халликан, Вафайат, VIII, 78-81; Нафахатуль-унс, (пер. Лами Челеби), стр. 409-411; Миратуль-джинан, III, 264; Захаби, Ибер, IV, 97; Шаджаратуз-захаб, III, 110; Ша'рани, 1, 159; аль-Хадаикуль-вардийа, стр. 106-110; ад-Дурарун-Надид стр. 25-26; Иргамуль-Марид, стр. 50-51; Иргамуль-Марид Пер. стр. 64-65; Хадикатуль-Аулия, II, 14-17.

10. АБДУЛЬХАЛИК ГУДЖДУВАНИ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста, белокож, прекрасен лицом, чернобров. Его голова была большой. Грудь и плечи были широки, и сам он был крупного телосложения. Он обладал приятной наружностью, а душой был человеком чутким, проницательным и сердечным. Он был другом и спутником Хыдра. Был первым на пути Хаджеган.

Гуджувани стал десятым в золотой цепи преемников. Он стал известен благодаря своему прозвищу, которое происходило от персидского слова «Хадже» и тюркского «Ходжа», что означает «шейх». Тарикат Накшибандийя, который до прихода в него Баязида Бистами назывался «Бистамийя» или «Тайфурийя», с приходом Гуджувани и вплоть до Мухаммада Бахауддина Накшибанда назывался «Тарик хаджеган» (Хаджеганийя).

Несмотря на то, что Хадже Абдульхалик Гуджувани принял духовное посвящение от Йусуфа Хамадани, который также был шейхом Ахмада Йасави, он, в отличие от него, сделал **скрытый зикр** основой духовного преобразования вступившего на этот путь, и выдвинул одиннадцать принципов тариката. Ахмад Йасави, который остался приверженцем громкого зикра, стал распространять свой путь в Междуречье Амударьи и Сырдарьи. Гуджувани же распространял свой путь в Хорезме и Хорасане. Спустя века оба этих тариката распространились по всей Средней Азии, Анатолии и Балканам.

То, что мы знаем о Гуджувани, – это лишь то немногое, что, спустя несколько веков после его смерти, было написано в таких книгах, как **Нафахатуль-Унс** и **Рашахат ‘Айнуль-Хай-**

ат и некоторых произведениях по тасаввуфу.

По преданию, Абдульхалик Гуждувани был потомком Имама Малика. Его семья во времена правления Великих Сельджуков, перебравшись из Анатолийской Малатьи, поселилась в селении Гудждуван в 35 километрах от Бухары. Хадже Абдульхалик родился в этом селе. Поэтому он стал известен как Гудждувани. Отцом его был Имам Абдульджамиль, который, благодаря своим явным и тайным знаниям, часто присутствовал на сохбетах Хыдра. Говорится даже, что сам Хыдр (алейхиссалям) принес ему благую весть о рождении сына и велел назвать его Абдульхаликом. Также говорится, что его мать происходила из благородного и знатного рода.

Религиозные знания Гудждувани получил в Бухаре. Он был учеником известнейшего в те времена ученого Аллямы Садреддина.

Абдульхалик, достигнув вершин явных знаний, встал на путь духовного совершенствования. От рождения ему была дана широкая и чуткая душа. Говорится, что однажды, когда они с учителем Аллямой Садреддином читали тафсир Корана и дошли до аята: **«Обращайтесь с ду'а к Господу своему в тайне»** (аль-А'раф, 7/55), Гудждувани спросил:

«В чем суть этой тайны и что значит скрытый зикр? Во время зикра вслух органы активны, а зикр слышен. Скрытый зикр люди не слышат, однако слышит шайтан, который внутри человека. Ведь Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) говорил: *«Шайтан перемещается в кровеносных сосудах человека»*. Так как же следует совершать зикр, чтобы его никто не слышал и не чувствовал шайтан?

Затрудняясь дать ответ на этот вопрос, Алляма Садреддин вышел из положения, сказав:

«Ответ на этот вопрос можно получить, лишь обладая скрытыми знаниями. Мы же ими не располагаем. Так как это осо-

бые знания, которыми Аллах одаряет лишь избранных из рабов Своих. Но следует верить и надеяться на то, что Аллах сведет тебя с одним из праведников Своих, который сможет дать тебе ответ на этот вопрос».

Его дружба с Хыдром.

После этих слов учителя Хадже Абдульхалик стал ждать, чтобы Аллах свел его с тем, кто сможет показать ему путь. И вскоре он встретился с Хыдром (алейхиссалям). Ранее мы рассказывали, что Хыдр был наставником его отца. Хыдр, приняв Абдульхалика духовным сыном, научил его **«вукуф адеди»** (необходимости вести счет зикра) и **«скрытому зикру».** Такой вид зикра, которому Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) впервые научил Абу Бакра (радыйаллаху анху) в пещере Севр, вновь обрел с приобщением к нему Абдульхалика Гудждувани свою значимость. После смерти Хадже Абдульхалика этот вид зикра опять был предан забвению последователями тариката **Хаджеган**, но **Шах Накшибанд** (у. 791/1389), ставший увейси (заочным) мюридом Абдульхалика, окончательно возродил скрытый зикр.

Говорится также, что, кроме скрытого зикра, Хыдр научил Гудждувани зикру Таухида – «нафи и исбат» (отрицание и утверждение), опуская его головой под воду и не давая дышать. Настоящим муршидом Гудждувани был Йусуф Хамадани. Однако и знакомство с ним произошло благодаря Хыдру. Хадже Абдульхалик, обретший себе наставника примерно в возрасте двадцати лет, за короткое время перенял его знания.

Абдульхалик побывал в ряде мусульманских стран и некоторое время жил в Сирии. Еще при жизни добрая слава о нем распространилась во все концы Исламского халифата. Приезжали тысячи людей, чтобы лишь увидеть и услышать его.

Однажды один дервиш спросил его:

– Что мне следует делать: то, чего желает душа моя, или то, чего она не хочет?

На что тот отвечал:

– Что касается следования желаниям и не следования за ними, разум нередко ошибается. Мерилом же в этом деле должно быть выполнение того, что предписано Господом и отказ от того, что Он запретил, т.е. следование нормам шариата.

Тогда дервиш спросил опять:

– Может ли шайтан сбить дервиша с его пути?

Хадже Абдульхалик ответил:

– Да, шайтан может сбить не достигшего единения с Творцом дервиша в момент его гнева и сделает тщетными все его старания. Однако те, кто, обретя единение с Творцом, растворил себя в Нем, не подвластны гневу. Они берут его под свой контроль. Однако нельзя допускать и того, чтобы усердие и гнев смешивались друг с другом. Так как гнев – от побуждений нафса. А усердие – от Господа; поэтому любовь к Аллаху и Его посланнику дает терпение при упреках и оскорблениях.

В другой день тот же самый дервиш спросил у него:

– Если Аллах предоставил мне свободу выбора между адом и раем, то я выбираю ад. Ибо рай – это то, чего желает мой нафс. Я же хочу бороться против побуждений и желаний моего нафса.

На это Хадже отвечал:

– Твое мнение ошибочно и неверно, так как оно исходит от нафса. Какое значение может иметь воля или выбор раба? Наше дело заключается в следовании туда, куда укажет нам Господь. Что повелит Он нам, то мы и должны выполнять. И только это и есть истинное служение раба и противостояние нафсу.

Насколько поражает этот ответ Хадже Абдульхалика. Как прекрасно объяснил он заблуждение тех, кто, пытаясь походить на следующих Истине, по сути, выступают против Неё, так как, зацепившись за что-либо, на самом деле остаются лишь самодовольными, но обманутыми рабами своего нафса.

Когда один человек попросил его совершить за него ду’а,

он ответил:

– Когда человек, возвратив все свои долги Господу и выполнив все фарды, что возложены на него, совершает ду’а, прося Аллаха, его ду’а будет услышана. Поэтому ты, выполнив фарды, читай ду’а за нас, а мы будем молиться за тебя. И тогда, быть может, Аллах услышит наши ду’а. Ведь Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) говорит: **«Не отвергнется ду’а верующего за его брата».**

Его смерть и завещание

Как мы не располагаем полной информацией о жизни Абдульхалика Гуждувани, также мало мы знаем и о его смерти. В некоторых источниках говорится, что он умер в 575/1179, 585/1189 или 617/1220 году. Однако, исходя из того, что его шейх прожил примерно восемьдесят лет и умер в 535/1140, когда Гуждувани было двадцать лет, датой его собственной смерти можно назвать 595/1199. Могила Гуждувани находится близ селения Гуждуван, что в сорока километрах от Бухары, на пути в Самарканд. Над ней была возведена усыпальница.

Сохранилось письменное завещание шейха Гуждувани его сыну Аулия Кабиру, которое содержит много мудрости для тех, кто последовал за Накшибандийя. Завещание, в котором он обращается к своему сыну, а в его лице – и ко всем тем, кто находится на пути божественного познания и постижения, звучит следующим образом:

«*Сын мой, моим завещанием тебе является следующее: всегда, где бы ты ни был, стремись к образованности, благовоспитанности и богобоязненности. Читай то, что оставили после себя сахабы и их последователи, следуй по их стопам. Никогда не предавай взглядов ахлис-сунна валь-джамаат! Учи фикх и хадисы, сторонись невежд из суфиев. Всегда старайся совершать намаз с джамаатом. Но не будь ни имамом, ни муадзином! Сторонись славы, так как она несет погибель. Не желай чьего-либо положения и должности! Не участвуй*

в судебных тяжбах и не будь ни за кого поручителем! Не участвуй и в том, что касается завещанного. Не общайся с правителями и государственными деятелями! Не сооружай для себя роскошных домов и не находись в них! Не заводи дружбу с мужчинами и женщинами привлекательной внешности, которые не являются махрамом, и теми, кто не знает того, о чем говорит! Не приучайся слушать музыку, ибо в большинстве своем она умерщвляет сердце. Однако не следует совсем отвергать красивые мелодии и приятные вещи, так как очень многие люди привязаны к ним.

Мало ешь, мало говори, мало спи и избегай многолюдных мест так же, как ты избегаешь и боишься льва! Будучи одиноким, всегда будь с Господом! Ищи себе пропитание халяль, и сторонись сомнительного. И не женись столько, на сколько у тебя хватит сил, ведь тогда мирское поглотит тебя и склонит на свою сторону. Остерегайся громкого смеха, ибо он умерщвляет сердце.

Будь ко всем сострадательным и снисходительным и не считай никого ниже себя! Не уделяй чрезмерного внимания своему внешнему виду, ибо внимание к внешней красоте происходит от пустоты внутреннего мира.

Никогда не препирайся с людьми, ни у кого ничего не проси и никогда не предлагай никому никакой работы! Всеми силами, душой и средствами своими старайся служить шейхам! Не пытайся упрекнуть их или отвергнуть то, что они делают! Так как это никогда ни приведет к успеху.

Не склоняйся к тем, кто склонен к мирскому! Пусть одежда твоя будет всегда проста, пусть спутником твоим всегда будет дервиш, пусть внутренним содержанием твоим будут знания, домом твоим – мечеть, а другом – Всевышний Аллах».

Одиннадцать основ тариката от Гуждувани

Абдульхалик Гуждувани, будучи заочным (увейси) муршидом Шаха Накшибанда, занимает в Накшибандийском тари-

кате особое место. **«Одиннадцать основ»,** которые он выдвинул как основные принципы тариката, внесены во все первоисточники тасаввуфа. И эти основы следующие:

1. Вукуф замани: это давать себе отчет о каждом проведенном мгновении и о каждом состоянии (халь). Благодарить Аллаха за время и состояние, проведенное в поминании Аллаха, раскаиваться за время, растраченное в небрежении об Аллахе. Другими словами, в состоянии «кабз» продолжать просить прощения у Аллаха, в состоянии «баст» продолжать благодарить Аллаха. Салик должен понимать ценность времени, должен обращать внимание на каждый вдох и выдох, сохранять чувство муракаба. Понятия часа и времени сходны с верстовыми столбами на пути духовного развития.

2. Вукуф адади: во время зикра нужно уделять внимание счету, избегать рассеянности сознания и добиваться концентрации его на одной точке, концентрировать внимание. Наряду с тем, что контроль количества зикра имеет большое значение, главное – не количество, а качество зикра. Даже если количество зикра мало, сердце должно быть в присутствии Того, Кого оно поминает.

Осознание ценности контроля количества зикра, считающееся первой ступенью тайного знания, препятствует проникновению в сердце бренного и преходящего.

3. Вукуф кальби: бывает двух типов: а) совершающий зикр каждую секунду думает об Аллахе, не дает возможности проникнуть в сердце чему-либо, кроме Аллаха; б) направленность совершающего зикр к своему сердцу. То есть, обращаясь во время зикра к участку своего сердца, расположенному под левым соском и напоминающему стеклянный эллипсоид (шишку), обеспечить присутствие в этом кусочке сердца поминания об Аллахе. Так же, как мы, направляясь к Каабе, обращаемся к Вездесущему Аллаху и открываем свои руки перед Ним с мольбой, так и, обращаясь во время зикра к своему сердцу, мы способствуем наполнению его проявлениями Господа.

4. Хуш дар-дам: сохранять присутствие Аллаха в каждом вдохе-выдохе, не позволять себе даже ни одного вздоха в небрежении к Аллаху. Потому что дыхание без небрежности наполняет сердце присутствием Аллаха. В Накшибандийя основой развития является дыхание. Остерегаться небрежности в отношении Аллаха во время вдоха-выдоха и промежутка между ними означает оживить в себе имя Аллаха аль-Хаййи. Тот, кто защитит свое дыхание подобным образом, избавляется от беспокойства по поводу земного и приобретает уверенность в будущем, став своего род **«Ибн аль-Вакт»** или **«Человеком времени»**.

5. Назар бер-кадам: подразумевает направление взгляда на кончики пальцев ног. Если ходить, глядя по сторонам влево и вправо, внимание рассеивается, сердце наполняется мирским. Тот, кто концентрирует свой взгляд на кончиках пальцев своих ног, сохраняет себя и от взглядов на запретное, и от занятости преходящим, потому что завеса в сердце возникает от внимания к окружающему без необходимости. Глаз является шпионом сердца. То, что видит глаз, занимает сердце. Те кадры, которые снимает камера глаза, откладываются в сердце. Хранящиеся в сердце, они занимают у сердца большую часть времени без необходимости.

Направленность взгляда на кончики пальцев ног есть проявление скромности, адаба, норм шариата. Это соответствует сунне Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям).

6. Сафар дер-ватан: движение от сотворенного мира к Творцу. Избавление салика от дурного характера, человеческих свойств и обретение прекрасной нравственности, свойств ангелов есть путешествие к своей истинной родине. Сюда же относится и странствие человека, ищущего наставника, с целью найти себе шейха. Досточтимый **«Ибрахим сказал: «Я иду к моему Господу, который наставит меня на прямой путь»** (ас-Саффат, 37/99) именно о внутреннем духовном путешествии такого рода. В тасаввуфе к такому духовному путешествию относятся все действия, направляющие человека от сотворенного

мира к Творцу.

7. Халвет дер-анджуман: состояние одиночества, несмотря на общение с людьми. Одиночество среди толпы, пребывание с Господом, находясь в обществе людей. Этот принцип можно описать как: «Руки направляются за прибылью, душа направляется к Любимому». Занятость души и сердца Истинно Сущим, в то время как тело и внешние действия обращены к сотворенному миру. Для осуществления этого состояния салик должен посвятить себя полностью зикру в истинном значении этого слова, чтобы даже среди большого скопления людей он не слышал ничего, кроме поминания Всевышнего Господа, чтобы ничто не могло отстранить его от зикруллах. Таким образом, перед саликом открывается истина аята: **«Поминай имя твоего Господа и всецело посвяти себя Ему»** (аль-Музаммиль, 73/8).

8. Йад-кард: зикр языка вместе с сердцем. Означает совершение зикра языком салика, достигшего степени муракаба. Так как сердце связано с материальными объектами, от нечистоты этих вещей загрязняется сердце. При совершении зикра языком сначала очищается от грязи язык, затем – сердце. Таким образом, салик поднимается от степени муракаба к степени мушахада. Во время зикра, называемого «нафи-исбат», а также во время урока муракаба закрываются глаза, язык прижимается к нёбу, и на задержке дыхания произносится формула таухида.

9. Баз-гешт: этот принцип означает прогонять все посторонние мысли, негативные или позитивные, которые непроизвольно приходят на ум во время зикра. Особенно, при зикре «нафи-исбат» после возобновления дыхания, при произнесении словестной формулы: **«Илахи анта максуди ва ридака матлуби»** (О Аллах! Только Ты – моя желанная цель, и только Твоего довольства взыскую и ничего другого).

10. Нигаш-дашт: означает «сохранение». Этот принцип осуществляется через препятствование проникновению всего бренного и воспоминаний о прошлом в дом сердца, являющийся местом божественных проявлений. Другими словами, это от-

ключение воображения. Нет необходимости говорить, насколько это трудная задача.

11. Йад–дашт: это понятие, которое можно еще описать как удержание взора, глубокое понимание, означает пребывание с Аллахом, не говоря это вслух, и удержание этого состояния. Достижение высшего предела в зикре, пребывание в состоянии хузур и степени «шухуд».

Источники: Нафахатуль-унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 411-413; Рашахат ‘Айн аль-хайат, Стамбул. 1291, стр. 29-43; аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 110-119; Ислам Ансиклопедиси, IX, 52-54; Мухаммад б. Абдулла Хани, Адаб Рисалеси, стр.46; ад-Дурарун-надид стр. 26-29; Иргамуль-марид, 51-52; Иргамуль-марид Пер. стр.65-66.

11. АРИФ РИВЕГЕРИ

-куддиса сирруху-

Он был среднего роста, на лице его, подобном луне, выделялись большие глаза. Брови его были тонкими, подобно полумесяцу. Его кожа была розовато-белой и всегда издавала приятный аромат. В знаниях, снисходительности, богобоязненности, воздержанности от мирского, в поклонении и следовании сунне ему не было равных.

Одиннадцатым после Хадже Абдульхалика Гуждувани, основоположника скрытого зикра и «одиннадцати основ» Накшибандийского тариката, величайшим из всех, последовавших по пути Хаджегана, стал Ариф Ривегери. Он был четвертым преемником Гуждувани. Он был тем, кто вновь сделал «явным» зикр во всей «Хаджеганийи», предшественнице Накшибандийи.

Родился Ривегери в 560/1165 году в Ривегере. Это селение находилось в шести километрах от Бухары, в одном километре от Гуждувана. После того, как Ариф Ривегери получил основные религиозные знания, он примкнул к величайшему шейху того времени Абдульхалику Гуждувани. Его ученический путь был не долгим, и вскоре он получил позволение быть духовным наставником для других. Когда умер его шейх, и он занял его место, ему было тридцать пять лет. Его духовное наставничество было долгим. Есть мнение, что он прожил около ста пятидесяти лет, но, как бы то ни было, если считать, что в момент смерти ему было сто лет, то датой его кончины можно считать 660/1262 год. Похоронен он был в Сафиркане, что в сорока километрах от Бухары.

Тот огонь, что зажег Гудждувани, подхватил из его рук и донес до всех концов Туркестана именно Ривегери, отчего был прозван **«Самым богобоязненным из всех турецких шейхов».** Сведения, которыми мы располагаем о его жизни, весьма скудны и, к сожалению, положение является таковым в отношении многих других Накшибандийских шейхов, имена которых упоминаются в цепи преемственности Накшибандийи. Мало известно о них потому, что они либо сами не оставили после себя никаких произведений, либо эти произведения просто не дошли до нас, либо из-за того, что сведения о них и их жизнеописание никем не были переданы и записаны. Ведь, как это часто бывает, большая часть жизни замечательных людей так и остается неизвестной. Хотя Ариф Ривегери был в свое время светом садов Истины и зеницей ока своего тариката.

В последние годы своей жизни Ривегери отдал предпочтение произнесению зикра вслух. Обучив этому своего преемника Махмуда Фагневи, он, таким образом, желал пробудить людей от сна неведения, а также привлечь их внимание к зикру. Быть может, поэтому он упоминается в цепи как **«Пишува-и арифан».**

Автор книги **Джамиуль караматуль-аулия** Набхани рассказывает об Арифе Ривегери следующую историю: «Сначала Ходжа Ариф был в Бухаре учеником одного из ученых. Однажды он вышел на городской рынок и встретил Абдульхалика Гудждувани. Гудждувани зашел в мясную лавку, чтобы купить мяса, и, сделав покупку, вышел. Впечатленный его красивой внешностью и достоинством, Ходжа Ариф сразу же предложил ему свою помощь:

«Если позволите, я помогу вам донести вашу ношу», – сказал он. Хадже Абдульхалик не отверг этого предложения и сказал:

«Хорошо, сынок, если желаешь, то возьми, и пойдем со мной до нашего дома». Дойдя до ворот дома, Хадже Абдульхалик сказал:

«Благодарю тебя за твою услугу. И пожалуй через час на

обед».

Не найдя в себе смелости отказать шейху, ходжа Ариф был вынужден принять приглашение Хадже Абдульхалика, что окончательно убедило его оставить учебу и начать посещать собрания Гудждувани.

Однако прежний учитель Арифа не хотел отпускать своего ученика, пожелав вернуть его любым способом. Говорится, что он низверг на шейхов тасаввуфа и последователей тариката тысячи проклятий. Но Ариф, посчитав, что лучше ему не перечить, снес все. Однажды во сне он увидел, что тот самый учитель совершает мерзкий поступок. Когда они встретились на следующий день, и тот опять принялся поносить шейхов тасаввуфа, ходжа Ариф не вытерпел и сказал:

«Ты не только совершаешь мерзости, но еще и пытаешься сбить нас с пути тасаввуфа», поставив учителя в неловкое положение перед всеми его учениками, и с одним из числа этих учеников своего бывшего учителя навсегда перешел к Абдульхалику Гудждувани.

Источники: Нафахатуль-унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 413; Рашахат, стр. 38; аль-Хадаикуль-вардиййя, стр. 119; Набхани, Джамиу караматиль-аулия, II, 136; Адаб Рисалеси, стр.47; ад-Дурарун-надид, стр. 29; Хадикатуль-аулия, II, стр. 28-29; Иргамуль-Марид, стр. 53-54; Иргамуль-Марид Пер. стр.66-67.

12. МАХМУД ФАГНЕВИ

-куддиса сирруху-

Фагневи был среднего роста, его лицо было улыбчивым, с красивым прямым носом и несколько большим ртом. Белокожий, с черной бородой. На его голове всегда была белая чалма. Складом своего характера он был похож на пророка Мусу (алейхиссалям), являясь благочестивым и праведным человеком. Благодаря своему духовному складу и состоянию, а также по наставлению и дозволению своего муршида, скрытое поминание, являющееся основой пути их тариката, он сделал громким. Так как громкое поминание он унаследовал от своего шейха Ривегери.

Двенадцатым в золотой цепи преемников вновь стал выходец из Бухары. Как говорит автор **Рашахата,** Махмуд Фагневи родился в селении Фагни рядом с Эйкени, где он прожил всю свою жизнь, и находится примерно в 16 километрах от Бухары. Могила его также находится в Эйкени. Мы располагаем лишь немногими сведениями о нем и его жизни. В некоторых источниках он упоминается под именем «Энджер», «Энджир» или «Инджир». Если «Энджер» означает «корабельный якорь», то таковым он являлся для тариката и всех его последователей, ибо именно он прочно посадил его на якорь шариата. А Инджир или Энджир – это всем известный инжир. И, так как в летописях о селении Фагни нередко говорится и об Энджире или Инджире, то можно полагать, что речь идет об одном из кварталов этого селения.

До того как Ариф Ривегери сменил своего муршида и занялся духовным наставничеством, он был плотником, занимался строительным ремеслом, строил дома. Однако после его зна-

комства с Ривегери он оставил строительство и занялся восстановлением и строительством душ. А «громкий зикр», метод которого его муршид принял незадолго до своей смерти, он распространил и в Бухаре, и в Эйкени. О том, что он занимался духовным наставничеством в одной из мечетей селения Вабеки, что в ста километрах от Бухары, говорится в **аль-Хадаикуль-вардиййя.** Умер он в 717/1317 году. Могила его находится в селении Инджирбаг, что в пятнадцати километрах от Бухары рядом с селом Сафиркан.

Наряду с тем, что Махмуд Фагневи был последователем зикра и духовного знания, он любил посещать собрания ученых. Говорится, что однажды он посетил урок таких известных ученых, как **Шамседдин Хальвани** и **Шейх Хафизуддин.** Шейх Хафизуддин является прадедом Мухаммада Парса, который потом стал одним из звеньев цепи тариката Накшибандийя. Есть предание, что Шамседдин Хальвани сказал шейху Хафизуддину: «Спроси-ка Махмуда Фагневи, отчего они произносят все свои зикры вслух, тогда как весь их тарикат основан на скрытом зикре». На это Фагневи дал следующий ответ:

«Мы совершаем зикр вслух, для того чтобы пробуждать мюридов, наставлять на путь Господа беспечных, и для того чтобы, покаявшись, люди смогли вновь вернуться к Аллаху».

Услышав такой ответ, шейх Хафизуддин сказал:

«Благи ваши намерения и прекрасны ваши старания».

Так как по сути дела ничего не менялось, а истина оставалась неизменной. И в этом было скрыто много мудрости, ведь сами они, будучи воспитанными в атмосфере скрытого зикра, теперь получили дозволение распространять зикр открыто.

На другой день шейх Хафизуддин спросил у Фагневи:

«Кому дозволен зикр вслух, а кому – нет?» На что Фагневи отвечал:

«Он дозволен только для тех, чьи языки чисты от сплетен и лжи, желудки чисты от сомнительного и запретного, сердца чисты от показухи и похвал, а устремления направлены к тайному, а не к земному».

✵

Преемник Фагневи, Рамитани рассказывает:

«Однажды один дервиш повстречал Хыдра и спросил: «Есть ли в настоящее время кто-нибудь, кто живет в соответствии с тем, что установлено шариатом, и на кого можно было бы во всем положиться?» На что Хыдр отвечал: «Таким, кто несет названные тобою качества, является Махмуд Фагневи».

Один из мюридов Али Рамитани говорит, что тем дервишем, повстречавшим Хыдра и говорившим с ним, был сам Али Рамитани и, что он не назвал при этом своего имени лишь потому, чтобы люди не говорили: «Он заявляет, что виделся с Хыдром».

В сборнике хадисов Хакима Тирмизи приводится хадис, в котором говорится, что некоторые из праведников, которые будут жить после досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), складом своего характера будут похожи на Ибрахима, Мусу, Ису, а некоторые – на Мухаммада (алейхимуссалям). И, как говорится об этом в тасаввуфической литературе, Махмуд Фагневи своим внутренним миром, характером, обликом был во всем похож на Мусу (алейхиссалям).

Говорится также, что однажды, когда шейх Дехкан Киллети, который был учеником одного из преемников Гудждувани – Аулия Кабира Бухари, заболел, его пришел навестить Махмуд Фагневи. Повидав его и пожелав ему скорейшего выздоровления, он вышел.

Когда он ушел, шейх Дехкан сделал ду'а: «О Аллах, приблизилась смерть моя. Пошли же сейчас, когда смерть моя близка, хоть кого-нибудь из праведников Твоих, пусть облегчат они в

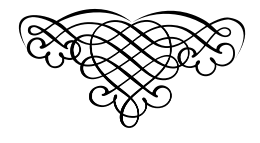
такой трудный час мой уход».

И не успел он закончить свою ду'а, как Махмуд Фагневи вновь вошел и сказал: «Я пришел, чтобы служить тебе до конца дней твоих» и не покинул его вплоть до самой его смерти.

Караматы Махмуда Фагневи были явными. Так говорится, что однажды, когда Али Рамитани, один из его преемников, произносил вместе с другими братьями зикр, над ними пролетела птица, которая человеческим голосом прокричала:

«О Али, будь стоек и благоразумен, оставайся верным своему слову и крепко держись за тот подол, за который ты ухватился, не нарушай своего обещания!»

Вслед за этими словами, которые излились изо рта пролетающей мимо птицы и повергли в смятение сидящих в кружке зикра мюридов, Али Рамитани сказал: «Это голос нашего шейха, Махмуда Фагневи. Это он говорит с нами, призывая нас оставаться верными данному ему слову».



Источники: Нафахатуль-унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 413; Рашахат 'Айнуль-Хайат, Стамбул, 1291, стр. 51-52; аль-Хадаикуль-вардиййа стр. 119-120; Адаб Рисалеси, Стамбул 1326, стр.48; ад-Дурарун-Надид, стр. 29; Хадикатуль-Аулия, II, стр. 30-31; Иргамуль-Марид, 54; Иргамуль-Марид Пер. стр.67.

13. АЛИ РАМИТАНИ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста, красивым на лицо и пропорционально сложенным. На пропитание он зарабатывал ткачеством. Общался с простыми людьми. Среди последователей пути Хаджеган Накшибандийского тариката он был известен как «Азизан». Он был совершенным аулия, обладавшим караматами и высокой духовной степенью.

Тринадцатым в золотой цепи преемников стал Али Рамитани по прозвищу «Азизан», второй преемник Махмуда Фагневи. Через него путь Хаджеган доходит до Шаха Накшибанда. Родился он в Рамитане. Рамитан – небольшой городок, находившийся примерно в одиннадцати километрах от Бухары. Вырос ходжа Али здесь. Он получил знания у самых известных ученых своего времени. Средства на жизнь добывал себе ткачеством. Он был современником таких великих людей, как шейх Рукнуддин Аляуддауля ас-Симнани и Сейида Аты, который происходил из рода Ахмада Йасави. После знакомства с Махмудом Фагневи он полностью предался ему. Самым подробным образом о том, что происходило между ними, говорится в книгах **Нафахат** и **Рашахат.**

Умирая, Фагневи вверил свой путь Рамитани, оставив на него всех своих учеников. Рамитани прожил долгую жизнь, и у него, по сведениям, было множество мюридов. Умер он в 721/1321 году и похоронен в селении Рамитан, что в сорока километрах от прилегающей к Бухаре деревне Инджирбаг.

Несмотря на то, что Джами в своем **Нафахате** говорит**,** что об Али Рамитани, как о ткаче, упоминается в одной из газелей

Джалалетдина Руми, исторически это не совсем возможно. Так как Мавляна (у. 673/1273) умер примерно за сорок лет до рождения Рамитани (у.721/1321). Также неверными являются приводимые в переводе книги **Рашахат** сведения, что автор **Нафахата** Джами является сыном Али Рамитани (см. стр. 43).

То, что похоронен Рамитани был на территории тогдашнего Хорезмского государства, говорит о том, что он был в неплохих отношениях и с самим Хорезмским шахом. А знакомство их произошло вот как: получив знак свыше, Рамитани решает переселиться в Хорезм. В предании говорится, что когда он подъехал к воротам города, то направил двух своих мюридов к шаху, чтобы те получили у него дозволения для своего шейха остановиться в городе. «Ступайте к шаху, - сказал он им, - и скажите, что у ворот его города ожидает дозволения войти и остановиться в нем один бедный ткач. И, если ему будет дозволенно, он войдет в город. Если же ему будет отказано, он продолжит свой путь дальше. И, если возможно, он просит для себя и некоторой грамоты, которая обеспечила бы ему такое право».

Захиды донесли слова Рамитани до шаха в точности. Не встречавший ничего подобного, шах сначала сильно удивился. Но потом он все же дал им подписанную грамоту, поставив на неё свою печать. После того как дервиши донесли слова и грамоту шаха шейху, он вошел в Хорезм и поселился на окраине.

Совершенно обосновавшись, шейх стал каждое утро выходить на рынки города и, нанимая там работников, уводил с собой и говорил им: «Ваша обязанность сегодня – приняв омовение, до наступления послеполуденного намаза находиться на нашем сохбете. А, уходя, получить зарплату». Это, конечно же, устраивало работников, и они с радостью принимали участие в сохбетах. Каждый новый присоединившийся уже не желал уходить, и с каждым днем число слушателей увеличивалось. Дом шейха уже перестал вмещать их всех. В то время как слава шейха разлетелась во все концы Хорезма, некоторые завистники клеветали на него шаху. «Если так будет продолжаться, этот

шейх вскоре займет ваше место, и власть ваша уйдет из ваших рук». Тогда шах Хорезма издал такое повеление: «Рамитани должен немедленно покинуть Хорезм». Однако на это Рамитани ответил так: «У нас на руках имеется грамота, подписанная и заверенная самим шахом, которая дает нам право проживать в Хорезме. Если досточтимый шах посчитает эту грамоту недействительной, мы покинем его город». Шах, не желая отменять первоначальное повеление, был вынужден прийти к шейху сам.

Однако, встретив любовь шейха, он, как и многие другие, пополнил ряды его последователей.

Отношения с Симнани

Автор **Рашахата** пишет, что Рамитани вел переписку с Аляуддауля ас-Симнани, который, в свою очередь, послал к нему свое доверенное лицо, чтобы получить ответы на следующие три вопроса:

Вопрос 1: И вы, и мы служим всем, кто к нам приходит. Вы помогаете народу в его нуждах, довольствуясь малым, избегая показухи. Мы же, усердствуя, иногда впадаем в демонстративность. Несмотря на это, вас люди любят больше, чем нас. В чем причина этого?

Ответ 1: Тех, кто служит людям лишь в свое удовольствие, много. Однако тех, кто считает саму службу удовольствием, мало. Если же вы каждую представившуюся вам возможность служить станете считать удовольствием, оставаясь довольными и теми, кому служите, довольных вами станет больше, а тех, кто не доволен вами, станет меньше.

Вопрос 2: Я слышал, что вы получили воспитание у самого Хыдра. Не могли бы вы объяснить, как это было?

Ответ 2: Есть рабы, которые так влюблены в Аллаха, что сам Хыдр влюблен в них.

Вопрос 3: Мы слышали, что вы, оставив скрытый зикр, за-

нялись громким. В чем причина этого?

Ответ 3: Мы же слышали, что вы занимаетесь скрытым зикром. А раз уж мы услышали об этом, значит, и ваш зикр стал не скрытым. Ведь целью скрыть зикр является то, чтобы скрыть его от посторонних. Но так как и о нашем, и о вашем зикре знают и говорят, значит, они уравнялись. И в этом положении ваш скрытый зикр может оказаться ближе к лицемерию, чем наш явный.

В другой раз о причине предпочтения явного зикра он говорил следующее: «Даже Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) настойчиво советовал громким голосом напоминать умирающему человеку слова единобожия. Тасаввуф – это считать каждый свой вздох последним. Поэтому нет ничего порицаемого в том, что кто-то занят явным зикром. И это, быть может, даже лучше».

Однажды Бадреддин Майдани спросил его:

Зикр, о котором в аяте говорится: **«О вы, которые уверовали! Поминайте Аллаха многократно!»** (аль-Ахзаб, 33/41), громкий или скрытый?» На что он дал следующий ответ:

«Для начинающих – громкий, для завершающих – скрытый. Ибо вначале следует поминать языком, а в завершении всего – сердцем».

Веру он понимал как восторг и чувство. Так, когда его спросили: «Что такое вера?», он ответил: «Вера – это воссоединение через разрыв. Разрыв со всем земным. Воссоединение с Творцом».

Он так объяснял преимущества понятия «вахдат-и шухуд» перед «вахдат-и вуджуд», которое привело к тому, что у многих произошло «соскальзывание ног» на пути тасаввуфа: «Если бы Халладж Мансур жил во времена Абдульхалика Гудждувани или во времена его преемников, он не был бы повешен. Он был бы правильно наставлен и продолжил бы свой путь».

Он очень тщательно следовал принципу **«вэра»**, который последователи тасаввуфа объясняли как «быть внимательным к тому, что входит и выходит изо рта, ради достижения довольства Аллаха и Его посланника» и говорил: *«будьте внимательными относительно двух вещей; того, что едите, и того, что говорите».*

❋

Он говорил, что в аяте: **«Совершайте тауба насуха»** (ат-Тахрим, 66/8) есть как повеление, так и благая весть. Ибо, повелевая каяться, Аллах дает благую весть о том, что Он приемлет покаяния. Тем более, то, что не примется, не может быть повелено.

Он был не из тех, кто уповал на деяния. Он говорил: «Необходимо как следует подходить к любому делу и надлежащим образом доводить его до конца. Однако не следует считать себя и свои дела достаточными, а посему нужно вновь приступать к совершению благого».

Он, сравнивая тех, кто занят духовным воспитанием людей, с укротителями львов, говорил, что самым важным в этом деле является знание способностей, а также недостатков воспитуемых. И, как укротитель львов, исходя из особенностей дрессируемого животного, ведет себя в отношении него, также должен поступать и муршид. Если нет – то не будет успеха.

Сравнивая в другой раз муршида с владельцем птиц, он сказал: «Каждый владелец птиц должен знать, сколько корма необходимо класть каждой птице. Ведь если он переложит корм или не доложит его, это навредит птице. Так же муршид должен побуждать мюрида к зикру и риязату (воздержанию) лишь в соответствии с его возможностями». Так как малого будет недостаточно, а с большим мюрид не справится.

Он был убежден в том, что путь к Творцу лежит через проникновение в чью-то душу. Он говорил: «Для того чтобы мюрид постиг Творца, ему необходимо много воздержания и

напряжения. Однако есть и другой путь постижения, он более краток и скор. И это:

«Войти в душу того, кто отдал себя Аллаху». Их сердца всегда остаются под Взором Аллаха. Это друзья Аллаха, ведущие людей к Творцу. Необходимо, проявляя покорность и любовь, войти в их души.

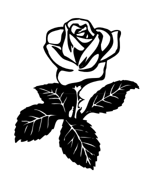
Говорится, что шейх Рукнуддин однажды спросил Рамитани:

«Если все мы до прихода в этот мир на вопрос Господа нашего **«Не Господь ли Я ваш?»** (аль-А'раф, 7/172) ответили «Да», то почему, когда в День Великого Суда нас опять спросят **«Кому надлежит властвовать в тот день?»** (Гафир, 40/16), никто на этот вопрос не сможет ответить?»

На это Рамитани дал следующий ответ:

«Первый вопрос был задан нам в тот день, когда Господь наш предложил нам Свой шариат, свод божественных законов. По шариату, на предложение следует отвечать. Однако в День Суда Аллах ничего не будет предлагать. Поэтому разговоров не будет. А ответ на этот вопрос даст Сам Аллах (Гафир, 40/16)».

В **Рашахате** также приводится несколько стихов о караматах Рамитани.



Источники: Нафахатуль-Унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 413-414; Рашахат 'Айнуль-Хайат, Стамбул. 1269, стр. 43-49; аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 120-121; Адаб Рисалеси, стр.49-50; ад-Дурарун-Надид стр. 30-31; Хадикатуль-Аулия, II, стр. 32-36; Иргамуль-Марид, 54-55; Иргамуль-Марид Пер. стр.67-68.

14. МУХАММАД БАБА САММАСИ

-куддиса сирруху-

Он был среднего роста, имел чуть округлое лицо и темную кожу. Его излучающее свет лицо свидетельствовало о том, что он был одним из тех, кто лицезреет Истину. Взгляд его был проницательным, но приятным, а сам он был глубоко чувствующим человеком.

После Али Рамитани, известного более под прозвищем **«Азизан»,** золотую цепь преемственности продолжил Мухаммад Баба Саммаси. Родился, вырос и умер (755/1354) ходжа Мухаммад в селении Саммас, что в пятнадцати километрах от Бухары и в пяти километрах от Рамитани. Могила его находится в Саммасе.

Свое первое религиозное образование Саммаси получил у себя на родине. После того как он достиг высокой степени в знаниях, он устремился к знаниям скрытым. Примкнул к известнейшему шейху того времени и продолжателю золотой цепи Али Рамитани. Стал следовать за своим шейхом повсюду, побывал вместе с ним в Бухаре и Хорезме. Достигнув путем духовного самосовершенствования (риязат и муджахада) уровня, соответствующего благочестию и благовоспитанности духовного наставника, он занял место своего шейха. Его шейх, Али Рамитани, умирая, завещал своим мюридам: «Будьте привязаны к нему, выполняйте его приказы и, пока он жив, ни на шаг не отходите ни от него, ни от пути, по которому он ведет».

❋

Став вместо своего шейха духовным наставником, Мухаммад Баба Саммаси лично сам искал себе мюридов. Находясь среди людей, он выбирал среди них таких, которые по своим способностям были больше предрасположены быть мюридами и аскетами, привлекая их к себе. И даже своего лучшего ученика, Амира Кулала, которого он оставил после себя преемником, и сменившего его Бахауддина Накшибанда он отыскал и открыл для других сам. Так Амира Кулала он нашел на борцовском майдане, когда тот участвовал в состязаниях. Увидев в его могучем теле огромный духовный потенциал, он взял его за руку и с майдана борцов проводил на майдан борьбы за души. Сняв с него одежду, облачил в одеяния аскета, вознеся к степеням властителей душ человеческих. И сам сказал о нем: «Он станет богатырем не физического мира, внешнего, а богатырем мира духовного, внутреннего. И сколькие достигнут совершенства благодаря лишь ему».

❃

Мухаммад Баба Саммаси был тем, кто открыл для людей Шаха Накшибанда, принявшего эстафету преемственности у Амира Кулала, который был известен еще как **«Пирр»**. Об этом говорится, что, когда он вместе со своими мюридами проходил через село Каср Хиндувана, в котором жили родители Шаха Накшибанда, он сказал им: «Я чувствую, как отсюда доносится запах сильного мужчины. И сдается мне, что вскоре в честь этого человека это село станет именоваться не Каср Хиндуван, а **Каср Арифан (Дворец Арифов)**». Когда же, некоторое время спустя, он вновь посетил это селение, его словами стали: «Запах усилился, не иначе как этот человек уже родился». Тогда новорожденному Бахауддину было всего три дня. А когда в дом Амира Кулала, где остановился Мухаммад Баба Саммаси, пришел дед Шаха Накшибанда, чтобы показать ребенка шейху, Мухаммад Баба Саммаси сказал, едва увидев младенца: «Это наш ребенок. Мы усыновляем его». Затем, повернувшись к мюридам, которые были с ним, сказал: «Это тот самый муж-

чина, запах которого мы слышали еще до его рождения. В свое время он станет самым великим имамом и муршидом своего времени». Затем, повернувшись лично к Амиру Кулалу, поручил Бахауддина ему со следующими словами: «Это мой сын. Я поручаю его тебе. Поэтому не допусти в том, что касается его воспитания, ни малейшего небрежения или оплошности. И, если допустишь ты в этом хоть малейшее небрежение или оплошность, я никогда не прощу тебе этого». Воодушевленный этим поручением, Амир Кулал отвечал: «Я непременно выполню все, что повелеваешь ты мне относительно этого. И я не допущу в этом ни малейшего небрежения или чрезмерности. И душа моя не будет спокойна, если я не буду верен слову своему и обещанию». После этого разговора и состоявшегося при этом договора Бахауддин был передан под духовное попечительство Амира Кулала.

Мухаммад Баба Саммаси был страстно и восторженно любящим Аллаха шейхом. В предании говорится, что ему принадлежал виноградный сад, урожай с которого, в большинстве случаев, он собирал своими руками. Однако иногда, когда он снимал гроздья, мог потерять сознание и, выронив из рук нож, упасть на землю. И приходил он в себя лишь спустя несколько часов. Это происходило, возможно, оттого, что он слышал тасбих виноградной лозы и как срезанные гроздья перестают его произносить.

С Шахом Накшибандом

Мухаммад Бахауддин Накшибанд рассказывает следующее: «Когда я принял решение жениться, мой отец отправил меня к своему шейху, Мухаммаду Саммаси, чтобы он благословил меня на это и помог нам.

Этой ночью меня посетило желание много совершать ду’а и обращаться к Аллаху. Я отправился в мечеть шейха, совершил два ракаата намаза и стал взывать к Аллаху. В ду’а я просил следующее: «О Аллах, дай мне сил сносить все тяготы

бедствий, постигающих меня, и сил, чтобы побороть мучения любви!» Когда наступило утро, я пошел к Мухаммаду Саммаси и услышал от него следующее: «Сын мой, в будущем совершай ду'а так: **«О Господь, сделай так, чтобы раб Твой всегда находился там, где Твое довольство»**. И тогда, даже если Аллах Своему приближенному рабу пошлет несчастье, то, заботясь о нем, одарит его терпением и силами, чтобы перенести его. Однако неразумно совершать ду'а так, будто несчастье уже послано».

После этого был накрыт стол. Мы сели все вместе и досыта наелись. Когда мы уже вставали из-за стола, он протянул мне кусок хлеба, сказав, чтобы я положил его себе. «Мы только что поели. Что же мне делать с этим куском хлеба?» – пронеслось у меня в голове. Шейх, будто бы прочитал мои мысли, поэтому сразу сказал: «Сердце следует оберегать от ненужных чувств и лишних забот». Я же, не совсем поняв, что именно он имеет в виду, покорно подчинился. После этого мы вышли в дорогу и взяли направление в сторону нашей деревни. По дороге мы зашли в дом одного знакомого, чтобы обновить тахарат. Однако лицо хозяина дома выглядело несколько расстроенным. Когда мы спросили его, в чем причина этого, он сказал: «У меня дома есть немного сметаны, но нет хлеба. И это печалит меня». Тогда, повернувшись ко мне, Мухаммад Баба Саммаси сказал: «Тот кусок хлеба, о котором ты все думал, что с ним делать, предназначался вот для этого. Дай ему, пусть поест». И такие прекрасные события усиливали мое восхищение им и привязанность к нему».

Таким образом, как об этом говорит сам Шах Накшибанд, первым его муршидом был Мухаммад Баба Саммаси.

* * *

Источники: Нафахатуль-Унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 414-415; Рашахат 'Айнуль-Хайат, стр. 51-52; аль-Хадаикуль-вардийййа, стр. 122-123; Адаб Рисалеси, стр.51; ад-Дурарун-Надид стр. 31; Хадикатуль-Аулия, II, стр. 37-40; Иргамуль-Марид, стр. 55; Иргамуль-Марид Пер. стр.68-69; Джамиу караматуль-Аулия, I, 255.

15. АМИР КУЛАЛ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста, широк в плечах. Из-под нахмуренных бровей смотрели проницательные глаза. Его кожа была смуглой. Лицо обрамляла с проседью борода. Он был очень скромным и мягким в обхождении. Он был далек от возражений и упрямства. В молодости он увлекался борьбой, поэтому был физически развитым и имел крупное телосложение. Что касается его духовности, то он был известен всем как праведник, вобравший в себя все, что несет в себе шариат, тарикат и ма'рифат.

Амир Кулал был из «сеидов» – из рода Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Отца его звали Хамза. Родился он в селении Сухар, что примерно в одиннадцати километрах от Бухары. Там он родился, жил и умер. Датой его смерти источники называют 8 Джамадиль-Авваль 772/29 Ноября 1370 года. Точной же даты его рождения мы не знаем. Известно, что он и его семья занимались гончарным ремеслом, из-за чего их и прозвали «Кулалами». Известно, что его родственником был зять Османского султана Йылдырыма Баязида, любимец жителей Бурсы, Амир Султан.

Из-за того, что в молодости он занимался борьбой, имел могучее телосложение. О таком необычном увлечении этого известного человека рассказывают такую историю: «Однажды один из наблюдавших за поединком Амира Кулала подумал: «Как это возможно, чтобы потомок самого Посланника Аллаха был увлечен таким нововведением?» Едва он успел так подумать, на него нашел сон. Он увидел во сне, что как будто наступил конец света, и он, упав в трясину, барахтается в ней. Сколько бы он ни барахтался и ни старался выбраться из этой трясины, все глубже погрязал в ней. И, когда он уже распро-

щался со своей жизнью, перед ним откуда-то возник Амир Кулал, который, обхватив его своими мощными руками за пояс, одним рывком вытянул из трясины. Очнувшись от сна, человек увидел, что состязание окончено, а перед ним стоит Амир Кулал и говорит ему: «Наша богатырская сила нужна для того, чтобы вытаскивать из трясины тех, кто в неё упал».

И действительно, неоспоримым фактом является то, что многие из мутасаввифов, для того чтобы вести за собой людей к Истине, а также для того чтобы быть к ним поближе, нередко овладевали различными ремеслами и навыками, которые были популярны или востребованы среди людей или в обществе, используя их как средство для призыва. Именно для этого в Османской империи открывались **текке для Силачей** и отдельные **текке для Лучников**, чтобы физически крепкие молодые люди могли развиваться там как физически, так и духовно. И сегодня, для того чтобы суметь подойти к современной молодежи с этой темой, также необходимо установить с ними контакт, иметь с ними точки соприкосновения именно в этой сфере.

Наверное, потому что Амир Кулал был из рода Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) и выходцем из благородной семьи, он был воспитан в атмосфере духовности. В некоторых источниках даже говорится, что он, будучи еще в утробе своей матери, уже знал запретное и дозволенное, давая об этом знать и своей матери. Об этом, с её слов, в одной книге по тасаввуфу говорится следующее: «Если я собиралась есть что-то сомнительное, я чувствовала в животе острую боль, которая иногда даже повторялась трижды. Таким образом, я понимала, что ем сомнительное и освобождала свой желудок от того, что успела проглотить. Причиной всего этого была благословенность ребенка, которого я носила у себя в утробе. Поэтому я была очень разборчива в пище».

Как он примкнул к Саммаси

Знакомство Амира Кулала, с его шейхом Ходжой Мухам-

мадом Баба Саммаси произошло также на борцовском майдане. Узнав о том, что среди борцов есть некто по имени Амир Кулал, который отличается своей благородностью и духовными возможностями, Саммаси отправляется непосредственно на майдан, где рассчитывает найти его. С ним идут и несколько его мюридов. Некоторые из них, не зная, что именно задумал шейх, проявляют нежелание посетить такое не совсем пристойное для их шейха место, но не могут перечить ему. Только Саммаси, заметив их недоумение, сказал: «На этом майдане есть мужчина, благодаря взору которого многие люди обретут истинный путь».

Во время состязания пронзительный взгляд шейха, который наблюдал за поединком, встретился со взглядом Амира Кулала. Когда они встретились глазами, произошла тайная беседа взглядов и объяснение двух сердец, после чего шейх со своими мюридами удалился от майдана. Амир Кулал, завороженный этим взглядом, устремился за шейхом и постучался в его дверь. Во время их тайной встречи Саммаси дал ему первое наставление, и там же включил в круг своих духовных учеников. Так Амир Кулал, который становится последователем духовного пути (сейр-у сулюк), в доме своего шейха нашел то, что искал. После этого он прослужил своему шейху целых двадцать лет. Чтобы не упустить и не утерять ничего, два раза в неделю преодолевает двадцатипятикилометровый путь пешком между Саммасом и Сухаром, сопровождая своего шейха. И в сердце его уже не остается прежней привязанности к борьбе, ибо он переродился и начал жить в ином мире.

Шах Накшибанд Мухаммад Бахауддин Бухари, который стал в тарикате основоположником отдельной ветви, названной его именем, был учеником Амира Кулала. По завершению своего духовного наставничества и во время его назначения Амир Кулал говорил ему: «Сын мой Бахауддин, все, что было в моей груди, я передал тебе. Твои возможности высоки, поэтому ступай и ищи великих людей!..»

Его Сыновья и Преемники (халифы)

У Амира Кулала было четыре сына, образование и воспитание которых, как об этом говорится в источниках, он возложил на воспитанных им четырех преемников. Его сыновьями были Бурхануддин, Хамза, Амиршах и Омар. Образование и воспитание Бурхануддина он поручил Шаху Накшибанду, воспитание Хамзы – своему преемнику Арифу Диккерани, образование Амиршаха – Мавляне Ядигару, а образование Омара – Джамаледдину Дехистани.

Поручая сына своего Бурхануддина своему преемнику Шаху Накшибанду, Амир Кулал говорил: «Каждый учитель, воспитывая своего ученика и провожая его в жизнь, желает видеть в нем результат своих стараний. Поэтому хочет исправить все ошибки ученика и недостатки. Именно поэтому я поручаю сына своего Бурхануддина тебе. Он не получал никакого образования. Поэтому учи его так, как решишь, чтобы я, видя результат твоих трудов, был спокоен».

В точности выполняя приказ своего шейха, Шах Накшибанд за очень короткий период времени смог достичь в этом хороших результатов. Он воспитал Бурхануддина на надлежащем духовном уровне, любящим уединение с Аллахом. Он вывел его в жизнь и тем самым заслужил признание шейха. Увидев, насколько сильно духовно изменился и преуспел его сын, Амир Кулал, обращаясь как к нему самому, так и к воспитавшему его Шаху Накшибанду, сказал: «Бурхануддин – теперь наш бурхан (опора)».

Таким образом, тарикат, который окреп благодаря сыновьям и преемникам Амира Кулала, был продолжен Шахом Накшибандом.

* * *

Источники: Нафахатуль-Унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 415-416; Рашахат ‘Айнуль-Хайат, стр. 51-52; аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 123-125; Адаб Рисалеси, стр.52; ад-Дурарун-Надид, стр. 31-32; Хадикатуль-Аулия, II, стр. 41-43; Иргамуль-Марид, стр. 55; Иргамуль-Марид Пер. стр.69.

16. ШАХ НАКШБАНД МУХАММАД БАХАУДДИН БУХАРИ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста. Его кожа имела золотистый оттенок. Чуть округлое лицо излучало свет. У него была густая борода и длинная шея. Он был очень приветлив. Речь его была прекрасна и увлекательна. И даже тогда, когда он находился среди людей, душа его пребывала с Господом (Истиной). Он был признанным муршидом всех тюркских народов.

Начиная с Шаха Накшибанда, тарикат «Хаджеган» стал называться «Накшибандийя». Он – предводитель аулия. Его звали Мухаммад Бахауддин бин Мухаммад, позвище – Бухари. Родом он был из Каср Арифана, селения, находившегося неподалеку от Бухары, до этого носившего название Каср Хиндуван. Каср Арифан означает «Дворец Арифов». Нет точных сведений относительно происхождения его прозвища «Накшибанд», однако существует мнение, что это связано с тем, что основу тариката составляет «скрытый зикр» и «рабита». Так как «Накшибанд» происходит от слова «накш» – гравировка. А титул «Шах» перед его именем означает «Повелитель сердец».

Шах Накшибанд родился в месяце Мухаррам 718 года (в апреле 1318) в селении Каср Хиндуван. Это были годы основания Османского государства. Ровно за сто лет до рождения Шаха Накшибанда Чингисхан стоял у стен осажденной Бухары. Город был сожжен, разграблен и разрушен до основания. После этого Бухара становилась причиной многих войн и междоусобиц, в результате которых она переходила в руки Могольских, Хорезмских и даже Ильханских правителей. На тот момент, когда на свет пришел Бахауддин Бухари, Бухара принадлежа-

ла Иранским Моголам и находилась под правлением Чагатай хана.

Первым учителем и духовным наставником Шаха Накшибанда был Саммаси, тот самый Мухаммад Баба Саммаси, который был шейхом его отца и деда. Тот самый, который еще до рождения его на свет, сказал: «Я чувствую, как отсюда доносится запах сильного мужчины» и в трехдневнем возрасте принял дитя под свою духовную опеку, вверив своему преемнику Амиру Кулалу. Однако свой путь духовного становления (сейру сулюк) он прошел под наставничеством Амира Кулала, и от него перенял и духовное наследие.

До того как вступить на путь духовного познания, Шах Накшибанд, для приобретения религиозных знаний, на некоторое время отправляется в Самарканд. Завершив свое религиозное образование, в возрасте восемнадцати лет он возвратился из Самарканда к себе на родину и женился. Спустя некоторое время после женитьбы умер его шейх Саммаси. Тогда в Каср Хиндуван приезжает Амир Кулал и, напомнив Бахауддину завещание его шейха, берется за его духовное воспитание. Последовав за своим шейхом, Бахауддин Бухари проводт семь лет в Насафе.

Если во времена Абдульхалика Гудждувани в тарикате преобладал «скрытый зикр», то с приходом в «путь Хаджеган» Махмуда Инджира Фагневи вместе со «скрытым зикром» в практику входит и «громкий зикр». И если принять во внимание тот факт, что Шах Накшибанд был более предрасположен к «скрытому зикру», то он является увейси (заочным мюридом) Абдульхалика Гудждувани. Он был воспитан в тех рамках, которые установил в свое время сам Шейх, рос в той духовной атмосфере, которую черпал от заочного общения с ним. Изменение в состоянии мюрида и его неучастие в «громком зикре», а также реакция других учеников на это, не остались без внимания Амира Кулала, поэтому, спустя некоторое время, он сказал: «*Я выполнил все наставления моего шейха Мухаммада Баба Саммаси относительно твоего воспитания. Все, что*

было у меня в груди, я передал тебе. Однако твоя духовная сила превзошла мою. Поэтому ты волен, теперь, лететь по небу духовного совершенствования в том направлении, в каком пожелаешь, ты отныне свободен», тем самым дав ему свое разрешение на духовное наставничество (иджаза). После этой иджазы, которая была объявлена перед пятьюстами мюридами во время строительства мечети в Сухаре, Шах Накшибанд покидает эти края. Он на протяжении семи лет участвует в сохбетах одного из преемников Амира Кулала – Арифа Дикгирани. После этого он посещает сохбеты шейхов тариката Йасавийя – Кусам Шейха и Халиля Аты, оставаясь при них двенадцать лет. После того как Шейха Халиля Ату, являющегося местным правителем, отстраняют от государственных дел, Бахауддин Мухаммад вовсе охладевает ко всему мирскому и поселяется в селении Зивертон, что неподалеку от Бухары. После этого он берет уроки хадисов у Мавляны Бахауддина Кышлаки, для чего ему приходится совершать путешествия в Герат, Мерв и Нишабур. Благодаря полученному еще при жизни шейха праву на наставничество и своей особой одаренности, у него всегда было много мюридов и масса почитателей.

Перед смертью (771/1370) шейх Амир Кулал завещает своим мюридам следовать за М.Бахауддином. После чего Шах Накшибанд трижды посещает Хиджаз, совершая хадж. Во время своего последнего паломничества он направляет Мухаммада Парсу, одного из своих преемников, вместе с его мюридами в Нишабур. Сам же навещает в Герате Зайнеддина Абу Бакра Таюбади, присутствует на его сохбетах три дня и затем догоняет Мухаммада Парсу и других мюридов в Нишабуре. На обратном пути из хаджа Шах Накшибанд заезжает в Багдад и Мерв, откуда возьмет курс на Бухару, в которой останется и будет заниматься духовным наставничеством вплоть до самой смерти. Однажды правитель города Герат Му’изуддин Хусейн отправил Шаху Накшибанду подарки, пригласив его к себе в

гости в Герат. То, что во время встречи с султаном он не выразил ему особого почитания, еще больше закрепило за ним славу «Шаха», повелителя сердец. То, что он был очень любим и уважаем в научных и духовных кругах Бухары, свидетельствует о том, что он был человеком знающим и высокодуховным. В 791/1389 году, находясь в родном Каср Арифане, в возрасте 73 лет он заболел и через некоторое время покинул этот мир.

Как об этом говорится в посвященной его биографии **Анисут-Талибин**, он набирался знаний и созревал, читая произведения Хакима Тирмизи. Есть письменное свидетельство, что с двадцатидвухлетнего возраста он следует по его пути. Это доказывает, что он занимался как практикой, так и теорией тасаввуфа.

Шах Накшибанд вел очень скромный образ жизни. Строго сторонясь всего запретного, он в сомнительных случаях выбирал путь «азимет» вместо пути «рухсат». Он очень любил угощать путников и, если ему делали подарок, в ответ он обязательно тоже делал подарок. На всех созданных он смотрел с милосердием и состраданием.

Говорится, что **Абдульхалик Гуждувани**, с которым они никогда не виделись и не могли видеться в мире физическом, но от которого он взял фейз, и который стал для него увейси-наставником, дал ему следующее наставление: «*Сын мой Бахауддин, никогда не пренебрегай поминанием Господа! Будь искренним в своем служении созданиям Господа, так как путь к Аллаху лежит через служение. Упрись ногами в молитвенный коврик шариата и будь непреклонен в том, что велит и запрещает шариат. Постоянно действуй через путь «азимет», следуй сунне, отстранись от пути «рухсат», остерегайся бид'ат. Люди, животные и растения ждут твоего служения. Погрузись в «скрытый зикр», и да будет Аллах твоим другом и помощником*».

Побуждаемый именно этим наставлением, и будучи по своей природе милосердным и сострадательным, он ухаживал за раненными животными, залечивал их раны, убирал улицы. А

когда его спросили:

«Ваш аскетизм – это наследственное или приобретенное качество?», Шах Накшибанд отвечал:

«Наш аскетизм – это притяжение к Господу. Дар Господа».

«А есть ли в вашем тарикате «громкий зикр», уединение и сэма (слушание красивых речей и мелодий)?» - спросили его.

На что он отвечал:

«Нет».

«Тогда в чем же суть вашего тариката?» - спрашивали его. Он отвечал так: «Сутью нашего тариката является *«хальвет дер-анджуман».* То есть, внешне пребывая с людьми, внутренне пребывать с Аллахом». Как сказано: *«Эль карда, гёнуль йарда (Руки в делах, сердце – с Любимым)».* На это указывает аят Священного Корана: **«Есть мужчины, которых ни торговля, ни купля не отвлекает от зикруллах»** (ан-Нур, 24/37).

Шах Накшибанд был из тех повелителей сердец, которые открывали все новые горизонты познания и продолжали духовно развиваться. Он говорил своим мюридам: «Я не прощу, если вы не будете ставить себе высоких целей и совершать высоких поступков. Ваши цели должны быть настолько высоки, что вы должны встать ногами мне на голову. В духовном росте вы должны обогнать меня».

Самым великим караматом тариката Накшибандийя, к которому он призывал, являлось умение скрыть караматы. Так как Всевышний Аллах, наделяя некоторых Своих аулия караматом, испытывает их выбором между Им Самим и караматом. Если раб поймет, что истинной целью является не карамат, а правильное вероубеждение и довольство Господа, он пройдет это испытание, если же – нет, то поскользнется и упадет. И проход через эту дверь является самым опасным на всем духовном пути. Поэтому Шах Накшибанд говорил, что самым великим

караматом является способность скрыть карамат. Поэтому тем, кто его спрашивал: «Почему вы проявили так мало караматов?», он отвечал: «Неужели вы ищете большего карамата, чем удерживаться на ногах с огромным грузом грехов?»

Его не радовала чрезмерная эмоциональность и несдержанность некоторых его почитателей во время меджлисов. Однажды на его собрании кто-то громко воскликнул: «Аллааааах!» Он же на это сказал: «Этот возглас – признак беспечности. На наших собраниях места беспечным нет».

По поводу нафса он говорил:

«Осуждайте свой нафс. Так как умеющий осуждать свой нафс знает все его хитрости и уловки».

Нафс, о котором говорится в хадисе: «Твой нафс – это средство передвижения, будь к нему благосклонным» – это нафс-мутмаинна. Но не нафс-аммара. Это нафсы, о которых в Священном Коране говорится как об исключениях: **«Я не оправдываю себя, ибо нафс человека толкает его ко злу, если только не смилостивится Господь мой»** (Йусуф, 12/53).

Говоря в одном из своих хадисов: **«Устраняйте с дороги все преграды, что мешают свободному по ней передвижению»,** Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) называет это качество одним из элементов имана. Шах Накшибанд, поясняя значение этого хадиса, говорит, что «помеха» на пути, – это ничто иное, как **«нафс»** человека, а дорога, – это тарикат, и такое понимание хадиса сходно со словами Баязида Бистами: «Отбрось свой нафс и иди к Господу». Ведь тем, кто хочет приблизиться к Господу, необходимо освободиться от плена нафса, даже в том, что касается любви к Господу.

Один из алемов Бухары спросил Шаха Накшибанда:

«Как раб может достичь хузура в намазе?» На что шейх отвечал:

«Четырьмя вещами:

1. Пища халяль.

2. Вне намаза помнить об Аллахе.

3. Во время омовения не быть беспечным, а быть с Аллахом.

4. При первом такбире чувствовать себя в присутствии Аллаха».

❁

Он был уверен, что совершенство и ма’рифат приобретается, а не передается по родственной линии. Поэтому, когда его спросили: «От кого идет ваша сильсиля?», он ответил: «Одной сильсиля ничего не достигнешь».

Священный аят Корана, в котором говорится: **«О вы, которые уверовали, уверуйте в Аллаха»** (ан-Ниса 4/136), он толковал так: «каждое мгновение отрицать бренное тело и подтверждать истинное существование Единственного, кто достоин поклонения». **«Ля иляха»** в калимаи-таухид есть отрицание поклонения бренному телу, так как самой большой преградой на этом пути является привязанность к земному. **«Илляллах»** есть подтверждение того, что только Аллах достоин поклонения. **«Мухаммадун Расулюллах»** подтверждает привязанность к Посланнику (саллаллаху алейхи ва саллям). Во время совершения зикра необходимо отрицать все созданное, при этом количество зикра не является обязательным условием. Шах Накшибанд учил, что основой тариката является сохбет: *«Наш путь – через сохбет. В уединении есть слава. В славе таится погибель. Добро и успех – в джамаате, и то, и другое кроется в людях. Постоянное присутствие на сохбетах сохраняет истинный иман. В нашем тарикате малыми поступками можно достичь великих побед. Так как следовать сунне не легко, а наш путь – это путь сунны».*

Как нам известно, Шах Накшибанд стал тем, кто воскресил установленные Хадже Абдульхаликом Гуждувани «одиннадцать основ» тариката Хаджеган. Еще при жизни он смог распространить путь Накшибандийя по всей Бухаре, Самарканду и Маверауннахру. Благодаря его сильным и компетентным пре-

емникам влияние и авторитет его самого и его тариката еще многие годы чувствовались во всех странах Ислама. Шах Накшибанд был приверженцем Ханафитского мазхаба. Помимо известной **«Аврад Бахаийя»**, ему принадлежат и некоторые другие книги и произведения. Но его преемники, в том числе Мухаммад Парса, подтверждают его авторство лишь на часть этих произведений. Тарикат, который он основал в годы строительства Османского государства, начиная с четырнадцатого века, сумел распространиться по всей его территории.

Могила Шаха Накшибанда, находящаяся в Бухаре, в течение семидесяти лет коммунистического режима служила духовной защитой для народа и помогала сохранить в сердцах тарикат, суть которого – «скрытый зикр».

Источники: Салахуддин б. Мубарак, Анисут-талибин (пер. Сулейман Иззи-и Тешрифати) Стамбул 1328; Нафахатуль-унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 418-428; Рашахат ‘Айнуль-Хайат перевод, стр. 62-66; Адаб Рисалеси, 53; Джамиу караматуль-аулия, I, 240-253; аль-Хадаикуль-Вардиййа, стр. 125-144; ад-Дурарун-Надид стр. 32-36; Хадикатуль-Аулия, II, стр. 44-70; Иргамуль-Марид Пер. стр.70-74.

17. АЛЯУДДИН АТТАР

-куддиса сирруху-

Аляуддин Аттар был среднего роста, его кожа была смуглой. Чуть округлое лицо обрамляла густая и широкая борода. Так как он был из числа тех мутасаввифов, трезвость рассудка которых преобладала над чувством их опьяненности Истиной, он всегда пребывал в состоянии хушу. Он был очень целеустремленным и проницательным. Сохбеты его оставляли глубокое впечатление, а воспитание и наставничество были плодотворными.

Семнадцатым в золотой цепи преемников стал воспитанник и зять Шаха Накшибанда Аляуддин бин Мухаммад бин Мухаммад, по происхождению аль-Бухари аль-Хорезми. Аттаром же, по всей видимости, его прозвали из-за того, что он зарабатывал себе на жизнь продажей благовоний, то есть был «аттаром», или парфюмером.

Родом он был из Хорезма. Помимо него, у его отца было еще два сына – Шихабуддин и Мубарак. Когда их отец умер, Аляуддин, учившийся в медресе в Бухаре, отказался от наследства в пользу братьев. Его аскетичность и одаренность в науках, которые он проявлял в медресе, привлекли внимание Шаха Накшибанда, и он сделал его своим зятем. Пройдя путь духовного совершенствования сейр-у сулюк бок о бок со своим тестем и завершив риязат, он получает разрешение на духовное наставничество. Еще при жизни Бахауддин Накшибанд большинство своих мюридов передает под его наставничество. И даже скажет: **«Аляуддин облегчил нашу непосильную ношу».** Его вдохновляющие наставления и благословенные сохбеты привели к духовному совершенству очень большое количество людей. У Шаха Накшибанда было два великих преемника: один

из них Аляуддин Аттар, другой – Мухаммад Парса. Хотя шейх указывал, что любой из них может занять его место, золотая сильсиля продолжится **«Аляуддином Аттаром».** Умер он 20 Раджаба 802/19 Марта 1399 года и был похоронен в Чиганьяне, что неподалеку от Бухары. Чиганьян – в другом произношении Саганьян. От дочери Шаха Накшибанда у него было четверо сыновей.

Его преемники и потомки

Величайшим из всех его преемников был занявший потом его место Якуб Черхи. Одним из мюридов Аляуддина Аттара был также и известнейший писатель Сейййид Шериф Джурджани, который является автором такого серьезного труда, как **Та’рифат**, содержащего множество терминов по филологии, богословию и тасаввуфу.

Как об этом говорится в некоторых источниках, у Шаха Накшибанда была маленькая дочь. Однажды он сказал своей жене: «Как только ты заметишь, что у неё начались месячные, скажи мне, чтобы я подобрал ей подходящего супруга». И как только та достигла половой зрелости, её мать сказала об этом Шаху Накшибанду. После этого Шах Накшибанд отправляется из Каср Арифана в Бухару и ищет среди учеников медресе жениха для дочери, что приводит его к комнате Аляуддина Аттара. Тот, являясь выходцем из богатой семьи, но, отказавшись во имя знаний от наследства отца, был теперь молодым кандидатом на место повелителя душ. В комнате его не было ничего, кроме старой циновки, на которой он спал, кирпича, обернутого козьей шкурой, который он использовал как подушку, и кувшина для совершения омовения. Увидев вошедшего в его комнату Шаха Накшибанда, от лица которого исходил свет, и, может быть, узнав в нем ранее виденного шейха, а может, под воздействием любви, которую излучало его лицо, он бросился ему в ноги и начал их целовать. На что Бахауддин Накшибанд ему сказал:

«У меня есть дочь, только что ставшая совершеннолетней, и я хочу выдать её замуж за тебя».

Аляуддин Аттар, ни материально, ни морально не готовый принять такое предложение, ответил:

«Для меня нет большего счастья, чем слышать такое предложение. Однако я никак не готов жениться, ибо вы видите мое положение».

На это Шах Накшибанд ему сказал:

«Вам суждено быть вместе, и дочь моя принадлежит тебе, а ты ей. Тот, кто даст вам предопределенный для вас удел из Своей скрытой сокровищницы, – Он. Поэтому не стоит беспокоиться и печалиться относительно этого».

Таким образом, для молодых людей была сыграна скромная свадьба. Завершив свое образование в медресе, Аляуддин Аттар приступает рядом со своим тестем к своему духовному воспитанию и обустройству своего внутреннего мира. Для того чтобы несколько воспитать гордыню выпускника медресе, который был непревзойденным в своих знаниях, Шах Накшибанд для начала отправляет его торговать на улицах яблоками. Таким образом, по повелению шейха, Аляуддин Аттар должен был босиком, с подносом на голове ходить по улицам города и, выкрикивая, торговать яблоками. Однако он не смутился и выполнил все должным образом. Недовольными же остались двое его братьев, которые пытались отговорить его, давая свои бесполезные, дешевые советы. Однако Шах Накшибанд, со своей стороны, побуждал своего зятя продолжать начатое. И тот, несмотря на все сложности, справился с этим заданием. Когда же «Я» Аляуддина Аттара было стерто, шейх взял его к себе и начал учить скрытому зикру. Очень долгое время воспитывал его, не отпуская от себя. У части мюридов невольно возник вопрос: «Почему вы всегда держите его рядом с собой?» На что тот ответил словами Якуба (алейхиссаллям) о Йусуфе:

«*Я боюсь, что его съест волк»,* что говорило о том, что Аляуддин Аттар скоро постигнет великую тайну. Так оно и произошло.

Парса и Аттар

Мухаммад Парса, один из преемников Шаха Накшибанда, человек, в котором духовное опьянение преобладало над трезвостью, духовный экстаз подавлял спокойствие. Аляуддин Аттар был сдержанным, не склонным к духовному опьянению, великодушным. Так, говорится, что однажды шейх Мухаммад Рахин спросил его:

«Как твое сердце? В каком оно состоянии?» На что Аляуддин Аттар отвечал:

«Не знаю, ничего не могу сказать по этому поводу». Тогда шейх Рахин сказал:

«Однако я вижу твое сердце подобным трехдневному месяцу».

Аляуддин Аттар ушел и рассказал об этом разговоре своему шейху. Тогда Шах Накшибанд сказал: «То, что увидел шейх Рахин, было его собственным сердцем» и изо всех сил наступил Аляуддину Аттару на ногу. Аляуддин, теряя сознание, ощутил своим сердцем все свое существо, достигнув состояний небытия (джамг), самозабвения (гайбет), единения (вахдат) и постижения (вуслат). Когда же он отошел от этого состояния, его учитель и тесть сказал:

«Подобные сердца никто постичь не может. Ибо это такие сердца, которые достигли тайны хадиса-кудси: **«Я не смог уместиться ни на небе, ни на земле, но смог уместиться в душе одного му'мина»** (см. **Кяшфуль-хафа**, № 2256).

Аттар, который в начале своего пути сейру-сулюк постигал риязат (духовное совершенствование) рядом со своим шейхом, говорил о риязате следующее: «Цель риязата – порвать с нафсом и усердствовать в поиске перехода в мир духа и истины».

То, что лишь путь тасаввуфа ведет и приводит человека к Господу, он объяснял так: «Вставший на этот путь, даже подражая, станет истинным. Однако для этого ищущему следует устремить сердце свое лишь к Господу, и взор его сердца будет

обращен лишь к Лику Его, отказавшись от всего иного в обоих мирах».

Аляуддин Аттар, наряду с тем, что был приверженцем сдержанности в тасаввуфе, достиг тайны фена и бака. О фена он говорил следующее:

«**Фена** – это, когда Всевышний Аллах приводит мюрида к забвению не только физического мира, но и духовного. У этого состояния есть более высокая ступень – забвение самого забвения. Это называется «**фена андер-фена**» или «**фена ‘аниль-фена**».

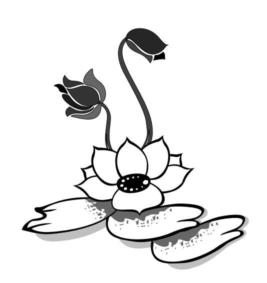
Он говорил, что для того чтобы сердце мюрида открылось к божественным знаниям (фейз), ему, прежде всего, необходимо очистить его от любви ко всему, кроме любви к муршиду и, прежде всего, от всего того, что препятствует этой любви, что, как он говорил, будет способствовать снисхождению божественных знаний на сердце, в котором присутствует эта любовь. Если фейз не поступает в сердце мюрида, проблема – не в фейзе, а в самом мюриде, ищущем фейза. Ведь фейз подобен боязливой газели. Все чужое и создающее преграды отпугивает его.

Он также говорил, что мюрид не должен скрывать своих состояний от муршида и верить в то, что «цели можно достигнуть лишь через любовь и довольство муршида. Поэтому первая обязанность мюрида – это заслужить довольство и благоволение муршида. Так как все двери, кроме двери его муршида, для мюрида закрыты. Поэтому, для него нет другого выхода, как повиноваться ему. Ведь и мюрид, в сущности, есть тот, кто вверил себя и свою волю муршиду и Всевышнему».

Путь Накшибандийя – это путь адаба, путь сохбетов. Поэтому следующие слова Аляуддина Аттара, наследника этого пути, очень актуальны: *«Остерегайся совершать поступки, которые могут ранить сердца последователей тасаввуфа. Не забывай соблюдать все правила адаба, находясь рядом с ними, и общаясь с ними. Научись их адабу прежде, чем начнешь посещать сохбеты. Так как «у кого нет адаба – нет тариката».*

Пользу от тариката, от тасаввуфа можно получить лишь на сохбетах, а сохбеты возможны только с адабом. Остерегайся считать себя обладающим адабом. Так как убежденность в обладании адабом есть бескультурие».

Между покаянием и покорностью он прослеживал такую связь: *«Признаком искреннего покаяния является желание раба совершать поклонения и нежелание ослушаться или совершить греховное. Всевышний Господь наш внушает душе совершение как благого, так и греховного. Если покаяние искреннее, то в душу приходят благие побуждения. И, если в душе раба находят место лишь благие мысли и побуждения, то, воздав Аллаху хвалу, он должен совершить благие деяния. Но, если сердце его посещают дурные мысли, а душа склоняется к греховному, то он должен немедленно прибегать к Аллаху, обновить покаяние, в слезах прося прощения».*



Источники: Джами, Нафахатуль-унс (пер. Ламии Челеби), стр. 428-431; Рашахат ʻАйнуль-Хайат, Стамбул. 1269, стр. 93-109; Адаб Рисалеси, Стамбул 1326, стр. 54; аль-Хадаикуль-вардийййа, стр.144-154; Хадикатуль-Аулия, II, стр.70-72; ад-Дурарун-Надид стр.36; Иргамуль-Марид, стр. 60-63; Иргамуль-Марид Пер. стр.74-77.

18. ЯКУБ ЧЕРХИ

-куддиса сирруху-

Он был среднего роста, светлокожим. Он имел чуть округлое лицо и редкую белую бороду. На лбу было родимое пятно. Его знания в области явного и скрытого были очень глубоки, что отражалось на его внешней и внутренней жизни.

После Аляуддина Аттара место в золотой цепи преемников занимает Якуб Черхи. Родом он был из селения Черх, рядом с Газнином, в Междуречье, между городами Кандагар и Газнин, отчего и получил прозвище Черхи. Родился он здесь и здесь же получил свое первое образование. Затем он отправляется за знаниями в Герат и Египет. В Египте его учителем становится Шихабуддин Сейрани. В те же годы он познакомился с Зайнуддином Хафи, основателем Зайнийской ветви тариката Сухравердийя, который, также как и он, получал знания в Египте. Побывав после этого в Бадахшане и Бухаре, Черхи впервые знакомится с тасаввуфом благодаря Шаху Накшибанду. Однако свой путь духовного становления (сейр-у сулюк) он проходит под наставничеством Аляуддина Аттара. Став обладателем очень глубоких знаний о явном и скрытом, Якуб Черхи скоро и сам становится воспитанником многих преемников и причиной становления на истинный путь еще многих других. После смерти своего шейха он поселился в Душанбе (старое название Хисар), сегодняшней столице Таджикистана, где и умер в 851/1447 году. Могила его там же. Период его жизни совпадает с периодом правления Тамерлана.

Его становление на пути тасаввуфа

После того как он получает в медресе Герата и Египта знания достаточные, чтобы выносить фетвы, он возвращается к себе на родину. У него появляется желание посещать сохбеты Шаха Накшибанда, которого он знал и уважал с детства. Посетив его, он признается: «Не удаляйте меня из своего сердца, не оставляйте меня без своих ду’а. Сердце мое тоскует по вас и рвется к вам». На это Шах Накшибанд, желая проверить искренность молодого человека, который был хорошо образован, спросил его:

«В чем же причина такой тоски и тяги к нам?» На что Якуб Черхи отвечал:

«В том, что вы являетесь великим человеком, сумевшим заслужить всеобщее признание и уважение».

Не удовлетворившись этим ответом, Бахауддин Накшибанд снова спросил его:

«Этой причины не достаточно. Ведь и те, кто обладают дьявольскими качествами, порой также пользуются всеобщим признанием. Есть ли другая причина?» На что Якуб Черхи отвечал:

«В одном из своих хадисов Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) сказал: ***«Если Всевышний Аллах возлюбит кого-то из рабов Своих, он поместит любовь к этому человеку и в сердца других Своих рабов».***

На это Шах Накшибанд улыбнулся и сказал:

«Мы принадлежим к тарикату Азизан». Едва услышав это название, Якуб Черхи от нахлынувших на него чувств потерял над собой контроль, ведь примерно месяц назад во сне он слышал голос, который велел ему: **«Ступай и будь мюридом Азизана».** Только он забыл про свой сон. Услышав это название, он вновь его вспомнил и вздрогнул. И его привязанность в этот момент еще более усилилась. Расставаясь, Шах Накшибанд подарил ему свою шапку и сказал: «Когда возьмешь ее, посмотри

на нее и вспомнишь нас, а, вспомнив нас, ты найдешь нас рядом с собой». А затем велел ему идти служить праведнику Мавляне Таджуддину, живущему в Дешткулеке рядом с Бельхи. Так как божественное знание можно приобрести через служение.

Однако автор **Нафахата** говорит, что знакомство Якуба Черхи и Шаха Накшибанда произошло иначе: Якуб Черхи попросил Бахауддина Накшибанда позволить ему посещать его сохбеты и принять его в свой тарикат.

На это Шах Накшибанд ответил, что он должен прочитать намаз истихара и, если будет дозволено, он примет его. Эта ночь длилась для Якуба Черхи целую вечность. Он все думал, откроется ли для него эта дверь, примут ли его или отвергнут.

На утро Шах Накшибанд дал ответ: «Вы приняты, но будете посещать сохбеты Аляуддина Аттара». При этой встрече Шах Накшибанд обучает его также **«вукуф адади»,** что означает уделение внимания количеству произнесенных при поминании слов и концентрацию на этом особого внимания. Научив Якуба Черхи «численному поминанию», Шах Накшибанд объяснил ему: «Сокровенное знание, которому Хыдр (алейхиссалям) научил Абдульхалика Гуджлувани, начинается с этого». И вслед за этим говорит ему следующее: «*Знания бывают двух видов. Одно из них – это знание сердца, второе – это знание языка. Знания сердца – это знания пророков и посланников, и в нем - благо. Что же касается знаний языка, то оно является для людей своеобразным доводом и подсказкой от Аллаха. Да одарит тебя Аллах знанием сердца. Знания сердца можно развить, пребывая на беседах тех, кто прекрасен внешне и внутренне. Так как они знают, что в ваших сердцах, они могут входить и выходить из ваших сердец и определять, к чему вы склонны».*

После этой встречи Якуб Черхи отправляется в сторону Бадахшана. После смерти Шаха Накшибанда его преемник Аляуддин Аттар поселяется в Чиганьяне. Отправив к Черхи человека, он напоминает ему о завещании шейха. После этого Якуб Черхи из Бадахшана переезжает в Чиганьян и вплоть до самой

смерти шейха Аляуддина Аттара служит ему. Собственный сын Аляуддина Аттара, Насыруддин Убейдуллах, получает фейз на сохбетах Якуба Черхи.

Говорится, что в тот период, когда Якуб Черхи приобретал знания в Герате, он проживал в дергах известного мутасаввифа Абдуллаха аль-Ансари аль-Харави, питаясь там же, так как данный дергах имел хорошее обеспечение. Состоятельные люди Междуречья, основавшие этот вакф, поставили условие, чтобы мюриды и ученики питались в вакфе. В этом случае необходимо было следовать принципу или правилу: **«Условия, установленные учредителем вакфа, должны выполняться так же, как Коран и Сунна»** или, выражаясь по-другому, при учреждении вакфа не следует устанавливать слишком строгие условия, чтобы не ставить в затруднительное положение тех, кто пользуется услугами вакфа и не подвергать их опасности несоблюдения условий вакфа. В вакфах особое внимание уделялось питанию еще и потому, что пища харам или сомнительная пища может сбить мюрида с пути духовного роста и даже сыратум-мустакым.

С Зайнуддином Хафи

Якуб Черхи и Зайнуддин Хафи учились в одно и тоже время в Египте и были даже учениками одного и того же учителя. Эти два сердечных друга, которые во многом были похожи, иногда встречались и подолгу общались. Когда, спустя многие годы, Якуб Черхи повстречался в Хорасане с одним из мюридов Зайнуддина Хафи – Убейдуллахом Ахраром, он спросил у него:

«Насколько сильны сейчас мюриды Зайнуддина Хафи в толковании снов? Я слышал, что их толкования чаще всего бывают верными, и что многие доверяют им. Знаешь ли ты что-нибудь об этом?» На что Убейдуллах Ахрар ответил:

«Да, то, что вы слышали, правда». Едва он закончил говорить, как Якуб Черхи пришел в состояние самозабвения. Взяв себя за бороду, он опустил голову и в этом состоянии находил-

ся некоторое время. Прийдя в себя, он продекламировал стихи о том, что он – не сын ночи, а сын дня и света, и что между толкованием снов и самим сном нет связи.

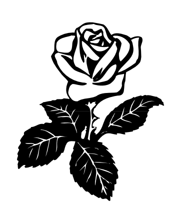
Рабита, означающая безграничную любовь мюрида к шейху и ощущение постоянного присутствия шейха даже в его отсутствии, в Накшибандийи имеет особый смысл и значение. Рабиту, означающую выполнение аята: **«О вы, которые уверовали! Страшитесь Аллаха и будьте с праведными»** (ат-Тауба, 9/119), можно объяснить как «перемещение и идентификация личности». На это указывают и слова Якуба Черхи, когда, посвящая одного из пожелавших примкнуть к нему мюридов в тайну этого, он показал ему свои ладони и сказал: «Шах Накшибанд в свое время взял эти руки и сказал: «Твои руки – мои руки. Любой, кто возьмет тебя за руки, возьмет в свои руки мои руки». А посему, возьми мои руки, – это руки Бахауддина Накшибанда». Через рабиту и сильсиля эти руки дотягиваются до Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) и Всевышнего Аллаха. Ведь в Священном Коране об этом говорится: **«Те, которые присягают тебе, присягают Аллаху. Рука Аллаха поверх их рук»** (аль-Фатх, 48/10).

Шах Накшибанд, как и его преемники, придавали **«рабите»** особое значение. Так, говорится, что прежде чем получить иджазу своего тариката, Якуб Черхи ещё раз от начала и до конца изучил все условия пути **Хаджеган**. Его шейх, объясняя рабиту, сказал так: *«Объясняя этот путь, не приводи людей в недоумение! Старайся передавать эти знания лишь тем, кто желает и способен принять их. Так как передать их тому, кому они предназначены, есть повеление Господа».*

Якуб Черхи выбирал преемников и мюридов лишь из числа тех, кто был к этому готов. Воспитывал согласно адаба Накшибандийя. Однако своим преемникам он оставлял свободу выбора в методике наставничества, говоря: «Тот метод воспитания, которому мы научились у своего муршида, – это метод, присущий пути **Хаджеган**, – метод «нафи ва исбат». Если же вы пожелаете обучать и воспитывать своих мюридов методом

«джазбы» (духовного привлечения), то это ваше дело. Ученик должен являться к своему муршиду абсолютно подготовленным. Он должен уметь находить в себе силы для всего, что требует от него муршид, и для него в этот момент не должно существовать ничего, кроме его воли», желая сказать, что муршид для своих мюридов – это умелый мастер, который может извлечь из их сердец их потенциал и направить его в нужном направлении, подобно тому, как из недр земли извлекают полезные ископаемые и используют во благо.

Не менее поучительны и слова Якуба Черхи его мюриду и будущему преемнику, Убейдуллаху Ахрару: «Ученик, должен являться к своему муршиду так, как это делает Убейдуллах. Лампа и фитиль его целы, масла достаточно, остается лишь поднести к нему спичку…» Якубу Черхи принадлежит тафсир джузов Священного Корана Табарак и ‘Амма на таджикском языке, а также сочинение под названием **ар-Рисалятуль-Унсийа.** Это произведение было переведено Лализаде Абдульбаки на турецкий язык (см. Стамбульская Городская Библиотека К. 596/3).



Источники: Джами, Нафахатуль-Унс, (пер. Ламии Челеби), стр. 436-438; Рашахат ‘Айн аль-Хайат, Стамбул. 1269, стр. 75-81; аль-Хадаикуль-вардийя, стр.154-156; Адаб Рисалеси, Стамбул 1326, стр.55; ад-Дурарун-Надид стр.36-37; Хадикатуль-Аулия, II, стр.73-74; Иргамуль-Марид, стр. 63-65; Иргамуль-Марид Пер. стр. 77-79.

19. УБЕЙДУЛЛАХ АХРАР

-куддиса сирруху-

Он был выше среднего роста, темнокожим, с чуть округлым лицом. Борода его была большая и седая, и в ней почти не было темных волос. Его беседы были приятными и, когда он говорил, души его мюридов наполняла радость. Он был знающим во всем, что касалось явного и тайного. Тот, кто видел его просветленное лицо, не мог удержаться от восхваления Аллаха и ду'а о благом. Его стихи и высказывания производили сильное впечатление. Поэтому он являлся опорой и доводом всего тариката. Он был одним из долгожителей среди Накшибандийских шейхов, и говорится, что прожил около ста лет. Он происходил из рода 'Умара (радыйаллаху анху).

Девятнадцатым в золотой цепи преемников стал Убейдуллах Ахрар. Он был муршидом Муллы Джами, автора **Нафахата**, и Али бин Хусейна аль-Ва'иза, автора **Рашахата**, в которых они оба отводят ему большое место. Передается, что автор **Рашахата** посвятил свое произведение Убейдуллаху Ахрару.

Убейдуллах Ахрар родился в месяц Рамадан в 806 году по Хиджре (в марте 1404 г.) в селении Багыстан, что неподалеку от Ташкента. Он был из рода 'Умара бин аль-Хаттаба (радыйаллаху анху) и происходил из семьи ученых и просвященных людей. Его образованием был занят его дядя шейх Ибрахим Шаши. Свои основные знания он получил в Ташкенте. Затем, по наставлению своего дяди, отправился в Самарканд. Там он поступил в медресе Улугбека и стал учеником Низамеддина Хамуша. Из Самарканда он направился в Бухару, где посещал

сохбеты шейха Хамидуддина Шаши. После этого он отправляется в Герат к Сейййиду Касыму Тебризи, от которого получает очень много пользы. Там же, в Герате, он знакомится и с Бахауддином ‘Умаром Хорасани. После этих странствий, которые были посвящены поиску духовных знаний, Убейдуллах Ахрар наконец-то находит в Чиганьяне Якуба Черхи, становится его мюридом и преемником. Благодаря своему таланту и фейзу, который он получил от шейхов, у которых учился раньше, свой путь духовного становления (сейр-у сулюк) под руководством Якуба Черхи он проходит за очень короткое время и заслуживает его уважение и любовь. Он воспитал большое количество мюридов и преемников из числа ученых, государственных служащих и разных социальных слоев.

На жизнь он зарабатывал земледелием. Через баракат Аллаха стал очень богатым человеком. Поэтому тысячи других людей смогли воспользоваться его богатством, получая как вознаграждение за работу на его полях, так и безвозмездно. Умер он в Самарканде в 893 году в месяце Рабиуль-авваль, или январе 1490, его могила находится на кладбище района Шейх Кефшир.

Его понимание служения

Убейдуллах Ахрар был из тех, кто искал помощи Аллаха в служении простым людям. Его пониманием тасаввуфа было: **«Умение взвалить на свои плечи ношу других, не взваливая своей на плечи других».** Он также говорил: «*Я постигал этот путь не через чтение книг по тасаввуфу, а через служение людям. И каждого вели своей дорогой, нас же вели дорогой служения*». Поэтому от начала до конца пути духовного совершенствования он служил и знакомым, и незнакомым, и друзьям, и врагам. В источниках говорится, что он ухаживал за несколькими больными малярией в медресе Мавляны Кутбуддина в Самарканде. Он ежедневно кормил их и убирал за ними. Через некоторое время он сам заразился от них малярией, но,

несмотря на это, продолжал ухаживать за ними, поить и кормить их.

В **Рашахате** говорится, что во время учебы в Герате он служил простым людям, работая в общественных банях, построенных Абдуллахом Ансари аль-Харави. Он выполнял там все виды работ и услуг, служа каждому, кто посещал эти заведения.

В годы своего духовного наставничества вместо обременения мюридов тяжелыми духовными тренировками и внушения им постоянного самоконтроля он старался больше устремлять их к служению. Некоторым своим мюридам, которые входили в состояние муракаба в его присутствии, он говорил: «Очнитесь, наконец. Я уже вижу, как из вас валит дым. Что такое «муракаба», и кто такие вы? Ваше дело всего лишь – носить воду, чистить уборные и служить людям. Вы не удостоитесь «муракаба», не пройдя через это».

Самой большой сложностью тариката Хаджеган является необходимость жить и действовать в соответствии с текущим временем, то есть быть **«ибнуль-вакт»** или **«сыном времени»**. Исходя из этого, зикр и муракаба совершаются лишь в то время, когда нет необходимости служить людям. Служение, целью которого является завоевание сердец, предшествует зикру и муракаба. Упоминаемый здесь зикр – это зикр нафиля и коллективный зикр мюрида, не относящийся к его духовному заданию – вирду, так как вирд есть индивидуальная обязанность мюрида, которая исходит из его присяги шейху. Некоторые считают, что поклонение нафиля выше служения людям, но фейз, который приходит в сердце, есть плод служения. Причиной того, что Шах Накшибанд и его преемники ставили служение на первое место, является то, что служение обладает усмиряющей и воспитывающей силой.

Во время учебы в Герате, когда случилось, что у него не было денег, к нему подошел нищий и попросил денег на еду. Убейдуллах Ахрар повел нищего в ашхану и, сняв с головы чалму, предложил хозяину: «Эта чалма старая, но чистая. Её

можно использовать для протирания посуды. Возьми её, а взамен накорми этого нищего». Тогда хозяин ашханы принес и поставил на стол блюдо с едой, отказавшись взять чалму. Нищий начал есть, а Убейдуллах Ахрар, хоть и был голоден, есть не стал и удалился.

Пища халяль

Он был очень требователен к тому, чтобы его хлеб насущный был халяль. Его внимание особенно было обращено к словам одного из учителей Сейида Касыма Тебризи в отношении пищи халяль: «Причиной того, что в наше время все реже можно видеть истинно знающих и постигших Истину людей, является отсутствие внутренней чистоты, связанное с пренебрежением к духовному очищения. Духовное, или внутреннее очищение же, возможно только при пище халяль. И чем меньше становится этой пищи халяль, тем меньше становится ма’рифат и хакикат».

Он также уделял большое внимание следованию адабу и почтительному отношению к людям. Как об этом известно от близких к нему людей, он никогда не делал при людях ничего такого, что могло бы не понравиться им, например, сморкание, плевание, а также зевание, потягивание и т.д. То, что пророки и, особенно, наш Посланник (саллаллаху алейхи ва саллям) никогда не зевали, показывает, насколько это важный элемент адаба.

Для того чтобы во время путешествия не обременять мюридов своим присутствием, он не отдыхал вместе с ними в шатре, а, находя причину, продолжал прогуливаться верхом, представляя своим спутникам свободу действий.

Он говорил, что существует более семисот определений тасаввуфа, и что самым любимым из них для него было определение, которое дал Шейх Абу Саид: **«Тасаввуф – это использование времени на самое необходимое».**

Он говорил, что шейх должен всегда быть перед своими мю-

ридами красиво и достойно одетым. Так как небрежно и неаккуратно одетый шейх теряет уважение в глазах своих мюридов, что ослабляет рабиту мюрида и шейха. Ведь и Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) всегда одевался чисто и красиво, побуждая к этому и своих сахабов.

Он так определял качества тех, с кем будет проводить сохбет: *«Проводи сохбет с тем, в ком растворишься душою либо ты, либо он растворится в тебе. Или же с тем, с кем вы вместе растворитесь в Аллахе, так, что не останется ни тебя, ни того, с кем ты завел беседу, а лишь Один Аллах».*

Он говорил, что в рабите физическая отдаленность не является препятствием для духовной близости. Рабиту, о которой в Священном Коране говорится: **«Будьте рядом с праведными»** (ат-Тауба, 9/119), он объяснял: «Близость бывает двух видов: близость чувств и близость душ. **Близость чувств** подразумевает постоянное пребывание с ними, присутствие на сохбетах; сердца тех, кто постоянно будет пребывать на сохбетах праведных людей, будут озаряться их скрытым нуром, и нрав их будет облагораживаться их прекрасным нравом. **Духовная близость** означает привязанность сердцем и духовное устремление к ним. В результате такой близости человек пребывает с тем, к кому он устремлен, независимо от того, рядом он или далеко. Когда эта духовная связь установится, духовные тайны начинают отражаться на сердцах мюридов.

Он говорил, что необходимо быть с теми, кто близок по нраву: «Дружба и разговоры с теми, кто по нраву и характеру противоположен с вами, приводят к разочарованию души». Говорится также, что однажды, когда к нему пришел мюрид, он сказал: «От тебя исходит чужой запах», после чего добавил: «Будь внимателен, ты, наверное, надел чужую одежду». На что мюрид сказал: «Да, так случилось», ушел и вернулся в другой одежде.

О том, что не только одежда, но и место, в котором человек находится, влияет на его духовность, он говорил следующее: «Самым превосходным поклонением является намаз. Однако и

степень его превосходства зависит от места совершения. Поэтому хузур намаза, совершаемого в месте, где распространено нечестие и грехопадение, отличается от хузура намаза, совершаемого около Каабы и Мечети Пророка».

Пути избавления от человеческих склонностей и устремлений нафса объяснял так:

1. Вести постоянную борьбу и риязат, проявлять усердие в совершении благого, подчинении религии и поклонении.

2. Всегда осознавать, что все происходящее вокруг происходит лишь по воле Аллаха, а не подчиняясь твоим силам.

3. Полагаться на духовное знание и силу шейха.

Он был одним из тех мутасаввифов, которые призывали к правильному вероубеждению и умеренности. Ведь говоря: **«Сура Худ состарила меня»,** Посланник Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям) имел в виду то, что в ней говорится: **«Будь в том, что велено тебе непреклонен и непоколебим!»,** то есть, непреклонным и непоколебимым в вере. Это средний и умеренный путь. Истикамат означает быть непоколебимым во всех поступках и действиях, отстранение от чрезмерности и недостаточности. Именно поэтому целью тариката является не карамат, а истикамат. Следующие слова Убейдуллаха Ахрара о голоде и недосыпании также свидетельствуют о том, что он придерживался умеренного пути: «Чрезмерный голод и чрезмерное недосыпание утомляют мозг. Это делает его невосприимчивым к Истине, а также к происходящему вокруг. В восприятии тех, кто постоянно занят риязатом, могут быть ошибки. Радость и умиротворение придают организму сил. А сон предохраняет мозг от ошибок».

В отношении х**валы** и **благодарности** Всевышнему он говорил:

«**Хвала Аллаху – Господу миров»** (аль-Фатиха, 1/1), хвала, о которой говорится в аяте, – это осознание рабом того, что хва-

лы не достоин никто, кроме Аллаха. Это понимание им того, что он, по сути своей, – ничто и, что ни имя его, ни образ, ни его деяния в действительности не принадлежат ему самому. И то, чему он единственно должен радоваться, – это осознанию того, что Аллах сделал его объектом отражения Своих сыфатов».

Благодарность, о которой говорится в аяте: **«Но мало кто из Моих рабов благодарен** » (Саба, 34/13), объяснял как способность видеть в благах того, Кто дает блага.

Аят Священного Корана, в котором говорится: **«Кому надлежит властвовать в этот день?»** (Гафир, 40/16), он толковал так: «Власть, о которой идет речь, – это власть над сердцем мюрида, который устремлен к Аллаху. Если прекрасные сыфаты Аллаха проявятся в сердце раба, из него уйдет все постороннее, и в нем не останется места ни для кого, кроме Аллаха. И тогда сердце человека услышит такой голос: **«Кому надлежит властвовать в этот день?»**, а в ответ услышит **«Аллаху, который аль-Вахид, аль-Каххар».** В данном случае спрашивающий и дающий ответ – Сам Аллах. То, что некоторые говорили: «Я есть Истина, и пречист Я от всех недостатков», означает их пребывание в этой степени духовного развития».

Он был из тех, кто находил единственность во множестве, а уединение – среди людей. Поэтому своим мюридам время от времени он советовал выходить на рынки и улицы города и, общаясь с людьми, находить возможность служить им, и говорил: «Ищите уединение среди людей». А аят Священного Корана: **«Мы даровали тебе** [Мухаммад] **Каусар»** (аль-Каусар, 108/1) толковал как «мы дали тебе способность созерцать единственность во множестве».

Хадис Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), в котором говорилось: ***«Пусть все двери в мою мечеть, кроме дверей Абу Бакра, будут закрыты»,*** он толковал так: «Познавшие Истину сказали многое относительно этого хади-

са. Между Досточтимым Пророком и Абу Бакром существовала совершенная связь любви. Так как связь любви превыше всех других связей, даже если закроются все двери, двери, основанные на любви, остаются всегда открытыми. Так как, помимо любви, не существует ничего, что может привести человека к желаемому. Именно поэтому путь Хаджеган – это путь возвышенной любви». Ему принадлежат два произведения: **«аль-Урватуль-Вуска»** и **«Анисус-Саликин».**

Источники: Нафахатуль-унс, (пер. Ламии Челеби), с. 444-455; Рашахат ‘Айн аль-хайат, с.241-368; аш-Шакаикун’ну’маниййа, с. 155-159; аль-Хадаикуль-вардиййа, с. 156-174; Адаб Рисалеси, с.56; Сильсилятуль-арифин, Х. Махмуд Эф. 2830; Хадикатуль-аулия, с. 75-85; ад-Дурарун-надид с. 37-40; Иргамуль-Марид, с. 65; Иргамуль-Марид Пер. с.79-81; Му’джамуль-муаллифин, VI. 245, аль-Багдади; Хадиййатуль-арифин, I, 65; Изахуль-макнун, I, 149.

20. КАДЫ МУХАММАД ЗАХИД

-куддиса сирруху-

Кады Мухаммад Захид имел худощавое телосложение. Его кожа была белой, лицо прекрасным, а борода редкой. Он был первым в богобоязненности, знаниях и верности. Поэтому его звали «Захид». Его поведение, поступки и ясные слова стали доводами тариката Хаджеган. Его душа и глаза созерцали божественные тайны, а сам он был проницательным, обладающим тонкой душой и красноречием в словах.

От Убейдуллаха Ахрара до Имама Раббани Накшибандийя называется **«Ахрарийя».** Преемником Убейдуллаха Ахрара стал Мухаммад Захид. Он был сыном дочери Якуба Черхи. Так как в **Рашахате** он упоминается как «Кады Мухаммад», можно полагать, что он обладал глубокими знаниями, либо был судьей. После того как он приобрел достаточные знания в религии, он начал интересоваться тасаввуфом и в 855/1451 году примкнул к Убейдуллаху Ахрару. Он на протяжении двенадцати лет остается рядом со своим шейхом, служа ему. В двух своих произведениях – **Сильсилятуль-арифин** и **Тазкиратус-Сыддикин**, написанных на персидском языке, он особенно подробно рассказывает об их взаимоотношениях с шейхом, об адабе тариката Накшибандийя и разъясняет общие положения тасаввуфа. После смерти шейха он занимает его место и выполняет эту обязанность до самой своей смерти (936/1529). Могила его находится в Таджикистане, в городе Душанбе (Хисар), местечке Вахш.

Кады Мухаммад Эфенди с молодости был склонен к риязату, муджахада и поклонению, поэтому его прозвали «Захид».

Как он примкнул к Убейдуллаху Ахрару

О том, как он примкнул к шейху Убейдуллаху Ахрару, он сам рассказывает так:

«Однажды мы с шейхом по имени Ни'матулла отправились из Самарканда в Герат. Было лето, и стояла сильная жара. Когда мы добрались до селения Шадуман, мы на несколько дней в нем остановились. Когда мы все еще были там, туда приехал шейх Убейдуллах Ахрар. Мы отправились к нему, чтобы посетить его. После знакомства между нами произошел довольно приятный разговор, в котором он не только дал ответы на волнующие меня вопросы, а также сам назвал причины нашего следования в Герат. Я понял, что нахожусь перед совершенным человеком, способным читать человеческую душу. Хотя мое желание ехать в Герат не пропало, шейх посоветовал мне следовать не в Герат, а в Бухару.

На следующее утро я пришел к шейху, чтобы попросить разрешения выйти в путь. Встретивший меня у ворот мюрид сказал мне: «Шейх занят написанием письма». Через некоторое время пришел шейх и, протягивая мне письмо, сказал: «Это мои тебе наставления и завещание». На бумаге было написано следующее: *«Знай, что сутью всякого поклонения является самозабвение и трепетное благоговение перед величием Аллаха. Понимание же этого рождается в душе лишь в результате лицезрения этого величия. Ибо достигнуть этого счастья можно лишь с наивысшей любовью и дружелюбием. Обрести же эту любовь и дружелюбие возможно, лишь следуя за Господином миров (саллаллаху алейхи ва саллям). А следование за ним подразумевает знание пути, по которому за ним следовать. Именно поэтому нужно идти за наследниками Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) – муршидами духовного мира. От тех же из них, кто сделал свои знания лишь средством приобретения мирских благ, и тех, кто не желает в этой жизни больше ничего, кроме положения и славы, следует держаться подальше. Также следует сторониться дервишей, которые, полностью отдав*

себя музыке и танцам, живут, надеясь на то, что в руках у людей. Необходимо остерегаться мыслей, противоречащих вероубеждению ахли сунна валь джамаат. А на знания и обязательное их приобретение следует смотреть как на следование Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям)».

Прочитав это письмо и попрощавшись с Убейдуллахом Ахраром, Кады Мухаммад направился в Бухару. Прощаясь, Убейдуллах Ахрар дал ему ещё одно письмо, предназначавшееся шейху Гилану, сыну Са'деддина Кашгари, в котором было написано следующее: **«Будьте внимательны и гостеприимны к человеку, предъявившему это письмо. Не допустите, чтобы он попал в общество посторонних людей и возьмите его к себе».**

С этим письмом в руках Кады Мухаммад тронулся в путь. На пути в Бухару его постигает множество неприятностей, он даже переболел лихорадкой и болезнью глаз. Поменял шесть лошадей и, наконец, добрался до Бухары. Но некое духовное притяжение безудержно влечет и манит его обратно в Самарканд, туда, где остался Убейдуллах Ахрар. Немного передохнув и придя в себя, он берет путь обратно в Самарканд. По пути заезжает в Ташкент. Он хотел навестить там шейха Ильяса Ашки, но по пути теряет все свои вещи и книги, поэтому, не останавливаясь, спешит в Самарканд на встречу со своим муршидом. Шейх встречает его в дверях со словами: **«Добро пожаловать, мы рады тебе».**

Убейдуллах Ахрар находит в Кады Мухаммаде превосходные возможности, так как он был человеком, способным понимать тонкости тасаввуфа и мудрость слов познавших Истину. Убейдуллах Ахрар больше, чем с другими мюридами, говорил с ним о божественных тайнах. Иногда, чтобы узнать его отношение к этим вопросам, он спрашивал: «Не находишь ли ты в том, о чем говорим мы, чего-нибудь не соответствующего тем вопросам религии, которым тебя в детстве учили твои родители или в молодости – твои учителя? Не трудно ли тебе понимать такие тонкие вещи?» Получив отрицательный ответ,

шейх говорил: «Тогда я могу обсуждать это с тобой». Ведь в соответствии с общепринятыми правилами тасаввуфа, муршид мог говорить и объяснять истины познания лишь тем из своих мюридов, которые были к этому способны. Так как непреложным требованием при этом было, чтобы каждому из них объясняли доходчивым и понятным ему языком.

Говорится, что в годы, когда Кады Мухаммад Захид находился на служении у своего шейха, он отправился в Самарканд, чтобы посетить могилу шейха Ходжи Закариййи. Но на самом входе в усыпальницу он вдруг почувствовал ужасную боль в животе, отчего сразу же покинул это место. Он понял, что это произошло из-за того, что он сделал это без разрешения шейха. Вернувшись обессиленным и безвольным и не успев рассказать о случившемся своему шейху, он услышал его слова: **«Разве не знаешь, что живая кошка во многом превосходит мертвого льва»**, которые поясняют, что мюрид должен совершать рабиту не с умершими шейхами, а с живыми муршидами.

Последние минуты жизни Убейдуллаха Ахрара. Рядом с ним находятся все его дети и преемники. Здесь же присутствует Кады Мухаммад Захид – его будущий преемник. Убейдуллах Ахрар говорит:

«Каждый из наших мюридов должен выбрать между бедностью и богатством. Кады Мухаммад, что ты выбираешь?»

Тот ответил:

«Я выбираю то, что считаете правильным вы».

На это Убейдуллах Ахрар, повернувшись к одному из своих казначеев, сказал:

«Отсчитайте Мавляне Кады Мухаммаду четыре тысячи золотых монет. Ибо он выбрал бедность. Пусть эти деньги он ис-

пользует на нужды мюридов, пусть их житейские проблемы не занимают его сознания».

И быть может оттого, что Кады Мухаммад избрал для себя бедность и неизвестность, о нем известно и написано очень мало.

Источники: Кады Мухаммад, Сильсилятуль-арифин ва тазкиратус-сыддикийн, Сулейманийа Х. Махмуд Эф. 2830; Рашахат ‘Айн аль-Хайат, с. 395-398; аль-Хадаикуль-вардиййа, с. 174-177; ад-Дурарун-Надид с. 40; Хадикатуль-Аулия, II, с. 86-87; Иргамуль-Марид, с. 67-68; Иргамуль-Марид Пер. с. 81-83.

21. ДЕРВИШ МУХАММАД САМАРКАНДИ

-куддиса сирруху-

Он был среднего роста, с желтоватой кожей. Его лицо было красивым, а борода седой. Он имел пропорциональное сложение. Он был совершенным праведником, обладавшим явными и тайными знаниями. Его особенностью являлась способность говорить ясно и доходчиво для каждого. Он умел раскрывать и развивать скрытые в людях качества. Его тяготение к Истине и упоение ею превозобладали над трезвостью его рассудка и представительностью, отчего его прозвали ***«Дервиш Мухаммад».***

Двадцать первым в золотой цепи преемственности стал Дервиш Мухаммад из Самарканда. Он был сыном родной сестры Кады Мухаммада Захида, от которого и получил свое духовное посвящение. От него же получил явные и скрытые знания. Под его духовным воздействием проникся любовью и примкнул к каравану постигших.

До того как примкнуть к своему дяде, он пятнадцать лет занимался зухдом, риязатом и муджахада. Его пристанищем стали обители дервишей, пищей – голод, а занятием – зикр и фикр. Говорится, что однажды от сильного голода он упал. Подняв голову к небу, он от беспомощности своей и бессилия закричал: **«О мой Аллах».** И тогда Всевышний Аллах вывел к нему Хыдра. Хыдр (алейхиссалям) сказал:

«Если ты желаешь стать терпеливым и благодарным рабом (своего Господа), ступай к своему дяде Мухамаду Захиду, и он укажет тебе на тот духовный путь, по которому тебе нужно будет следовать».

После этого Дервиш Мухаммад поспешил к Мухаммаду Захиду и передал себя в его подчинение. Так, под его наставничеством он приступает к служению. Он набирается знания на его уроках и постигает мудрость на его сохбетах. Когда же он достигает уровня духовного совершенства, достаточного, чтобы призывать людей к Истине, шейх назначает его преемником. А когда шейх умирает, он занимает его пост и остается на нем до самой смерти (970/1562). Могила его находится в селении Дасферар рядом с Самаркандским Бустаром.

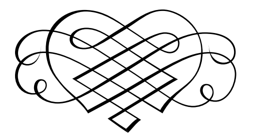
В период своего духовного наставничества он активно боролся против заблуждений и нововведений, распространившихся на территории Самарканда. Он прикладывал огромные усилия для воспитания и наставления людей. Воспитал очень много мюридов и преемников. Но, может быть, по причине желания не привлекать к себе внимания, а может потому, что он занимался духовным наставничеством сразу после таких двух великих повелителей человеческих душ, как Убейдуллах Ахрар и Кады Мухаммад, произведения и преемники которых распространились по всему свету, он остался несколько в тени. По этой причине, как о нем самом, так и о пришедшем сразу же после него Хаджеги Мухаммаде Имканаги, сведений в источниках очень мало.

В период жизни Дервиша Мухаммада во главе Османского государства стояли такие великие правители, как **Явуз Султан Селим** и **Кануни Султан Сулейман.** Поэтому знания, адаб и тасаввуф нашли тогда широкое распространение. Именно Кады Мухаммад оказал сильное влияние на духовную жизнь шейхов тариката Хальветийя **Меркеза Эфенди** и **Сунбуля Эфенди**.

Шейхи ветви Ахрарийя тариката Накшибандийя еще при Убейдуллахе Ахраре оказывали влияние на правителей Османов, в частности самого Фатиха Султана. Именно в те годы преемники Убейдуллаха Ахрара, которого **Фатих Султан Мехмед** так сильно почитал, что даже отправлял к нему своих послов, прося особых ду’а и благословения шейха, стали проникать в Анатолию, добравшись и до Стамбула. Первым из них был

Симавлы Абдуллах Иляхи. Это тот самый Абдуллах Иляхи, который воспитал покоящегося на кладбище Фатих Стамбула **Амира Бухари** и переводчика **Нафахатуль-Унс Бурсалы Ламии Челеби.** Некоторые источники пишут, что некоторые из первых представителей Накшибандийского тариката прибыли в Анатолию с войсками Тимура. Последователи тариката Накшибандийя были близки к Тимуру и на первых порах не имели отношений с Османами, но в эпоху Фатиха **Убейдуллах Ахрар** и **Мулла Джами** открыли для себя Анатолию заново. Однако эта колея, которая была протоптана к Османам преемниками Убейдуллаха Ахрара, еще долгое время не давала особых результатов.

Наибольшее воздействие тарикат Накшибандийя начал оказывать на Османское государство в эпоху после **Мавляны Халида аль-Багдади.** Второе знакомство Османов с Накшибандийей началось с приходом в тарикат Имама Раббани и достигло своего пика при Мавляне Халиде, и уже в XIX веке Накшибандийя стал одним из самых распространенных тарикатов в Стамбуле, Анатолии и на всех Балканах.



Источники: аль-Хадаикуль-вардийййа, с.177; Адаб, с.58; ад-Дурарун-Надид с. 41; Хадикатуль-Аулия, II, с. 88-89; Иргамуль-Марид, с.67; Иргамуль-Марид Пер. с. 82-83.

22. ХАДЖЕГИ МУХАММАД ИМКАНАГИ

-куддиса сирруху-

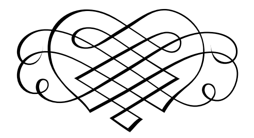
Он имел смуглую кожу. Его кругловатое лицо излучало свет, борода была редкой. Его тяготение к Истине и упоение ею были на крайне высоком уровне. Он был очень набожен и аскетичен. Его караматы были известны, но он скрывал их. Прикладывал огромные усилия, чтобы выполнить принцип: ***«Познавший себя познает своего Господа».*** *Он находился в такой степени совершенства, что в его жизни отразились и физические, и метафизические стороны тасаввуфа.*

Двадцать вторым в золотой цепи преемников стал сын и преемник **Дервиша Мухаммада –** двадцать первого преемника **– Хаджеги Мухаммад Имканаги.** Родился он в 918/1512 году в селении Имкенэ, что между Самаркандом и Бухарой. Как свои начальные знания по исламу, так и высшие знания по тасаввуфу, он получил от своего отца, оставаясь помощником его при его жизни и став его преемником после его смерти.

Имя Хаджеги происходит от слова **«хадже»,** которое означает «учитель» и используется как приставка к именам шейхов Накшибандийя. Последняя в слове буква **«г»** трасформировалась из буквы **«х»,** которая идентична окончанию «йя», означающему принадлежность. «Имканаги», по аналогии с предыдущим словообразованием, означает происхождение из селения Имкенэ.

Этот выдающийся мутасаввиф, который, как и его отец, жил в период расцвета тасаввуфа в Османском государстве, к сожалению, для многих остался неизвестным. Несмотря на то, что он целых 38 лет был шейхом и духовным наставником

тариката Накшибандийя и прожил почти целый век, умерев в 1008/1599 году, он был не особо известен в Османском государстве. Сведения же о нем, его жизни и деятельности, вероятно, могли сохраниться в библиотеках Ташкента и Бухары, но это требует особого труда и новых поисков, так как после долгих лет коммунистического режима такая информация могла просто не сохраниться. Нашим же основным источником было и остается произведение **Абдуллаха бин Мухаммада аль-Хани «аль-Хадаикуль-Вардиййя фи Хакаик Аджилля-и Накшибандийя»**, в котором сведений о нем также мало. Произведение, в котором, как об этом упоминает **аль-Хадаикуль-Вардиййя,** о шейхе Хаджеги Мухаммаде Имканаги говорится достаточно подробно, называется **Шарх Сильсилятуз-Захаб,** но и до него мы еще пока не добрались. А посему надеемся, что после того как двери в архивы и библиотеки тюркских государств будут открыты, и мы получим доступ и к этим произведениям, это значительно облегчит наш поиск.



Источники: аль-Хадаикуль-вардийя, с.177; Адаб, Стамбул 1326, с.59; Джамиу караматуль-аулия, II, 307; Хадикатуль-аулия, II, стр. 90-91; ад-Дуррарун-надид стр. 41; Иргамуль-марид, с.68; Иргамуль-марид Пер. с. 83.

23. МУХАММАД БАКИ БИЛЛЯХ

-куддиса сирруху-

Он был среднего роста, кожу имел красноватую. У него была редкая борода, в которой до самой его смерти почти не было седых волос. Он любил проводить время в уединении и риязате. Очень любил читать Священный Коран, отчего ночами мало спал. Мало еды и мало слов – было образом его жизни.

Мухаммад Баки Биллях был величайшим из шейхов тариката Хаджеган, муршидом Имама Раббани, известного как реформатор второго тысячелетия,.

География его жизненного пути вбирает в себя очень обширные территории, включая столицу сегодняшнего Афганистана – Кабул, Самарканд, Дели, всю территорию Туркестана и Индостана.

Родился он в 673/1565 году в Кабуле. Еще в молодости он отправляется в Самарканд за знаниями. Там на протяжении многих лет он получает основные знания по Исламу, после чего обнаруживает в себе тягу к тасаввуфу и желание пройти через путь духовного совершенствования, в результате чего знакомится с Хаджеги Мухаммадом Имканаги. Именно он открывает для него двери в духовный мир. Обладая сильной способностью к заочному (увейси) духовному общению, он, как об этом говорится в источниках, получает фейз от Шаха Накшибанда и Убейдуллаха Ахрара. Шейх Ахрар передает ему увейси-путем скрытые знания и направляет в Индостан. Там он поселяется в Джиханабаде недалеко от Дели и начинает распространять вокруг себя свет веры и познания. Объясняя индусам и идолопоклонникам Ислам, а мусульманам – путь тасаввуфа,

он воспитывает среду, из которой позже выйдет Ахмад Фарук аль-Серхинди. Взгляд его был побуждающим, речь – завлекающей, а в поступках не было ничего, кроме дружелюбия. Поэтому каждый, кто слушал его беседы и проповеди, очень скоро становился его почитателем и приверженцем. Те, в отношении кого он применял прием таваджжух, сами начинали привлекать к себе верующих. Умер он в 1014/1605 году в Дели. Могила его находится в **Дели,** рядом с мечетью, в которой хранится отпечаток **Благословенной Стопы Пророка.**

***

Говорится, что однажды к нему подошел его старший сын Абдуллах, в руках которого было зеркало. Мухаммад Баки Биллях сказал ему:

«Взгляни-ка в зеркало, сынок!»

Взглянув в зеркало, Абдуллах увидел в нем не свое собственное отражение, а излучающее свет отражение своего отца, к тому же – не чернобородого, а почему-то совершенно седого.

Заметив удивление сына, отец сказал ему:

«Не удивляйся. Свет и белизну, что увидел ты в моем отражении, – вовсе не мой свет, это свет божественной красоты Аллаха».

Передается также, что он очень любил читать Священный Коран, отчего почти совсем не спал по ночам. Особенно он любил суру Йасин, читая её до тех пор, пока не наступал рассвет. Когда же он видел, что уже наступил рассвет, то говорил:

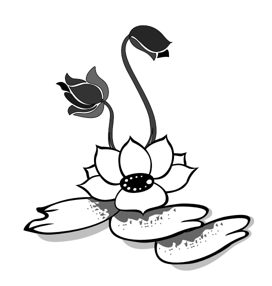
«Боже мой, как быстро проходит ночь!»

***

О нем, как о своем шейхе и духовном наставнике, у которого он перенял духовное учение, его ученик Имами Раббани

говорил:

«Он был величайшм из шейхов Накшибандийя. Он находился на вершине праведности, он постиг тайну полюса веры, по своему складу был подобен Пророку Мухаммаду (саллаллаху алейхи ва саллям). Он был сердечным другом всех познавших Истину, нашей опорой и духовным наставником, нашим учителем, постигшим Истину, Мухаммад Баки Биллях.



Источники: аль-Хадаикуль-вардийя, с.178; (пер. стр. 721-723); Адаб, 60, Хадикатуль-Аулия, II, с. 92-96; ад-Дурарун-надид стр. 41; Иргамуль-марид, с.68-69; Иргамуль-марид Пер. с. 83-84.

24. ИМАМ РАББАНИ АХМАД ФАРУКИ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста, с золотистой кожей. Лицо имел чуть округлое, брови – черные, в форме полумесяца. У него были черные глаза с очень белыми белками. Взгляд его был живым и пронзительным. У него был острый нос и алые узкие губы. Рот его был небольшой, а зубы – ровные и блестящие, словно жемчужины. Борода его была густой и широкой.

Имам Раббани был одним из тех, кто верил в то, что шариат и тарикат – это одно и тоже, и в то, что между ними нет и не было ни разницы, ни различий. Различия между ними существуют лишь при оценке видимыми критериями. Шариат более обобщающ, а тарикат более детален. Шариат можно постигать через доказательства (далиль), а хакикат – только через кашф.

Он стал реформатором **– «Муджаддид альф сани»** второго тысячелетия по хиджре. Он имел иджазу на наставничество в тарикатах Накшибандийя, Кадирийя, Сухревердийя, Чиштийя и Кубравийя и являлся имамом от Господа и муршидом от Милостивейшего.

Итак, двадцать четвертым в золотой сильсиля стал известный более как **«Имам Раббани» Ахмад бин Абдульахад аль-Фаруки.** Имя «Фаруки» означает, что он был из рода ‘Умара аль-Фарука. Его имя **«Имам Раббани»** означает «имам от Аллаха». Его имя **Муджаддид альф сани** означает, что он признан Исламским реформатором второго тысячелетия в соответствии с хадисом Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям): ***«В начале каждого века Аллах будет посылать этой умме реформатора»*** (Абу Дауд, Мишкат, I, 82).

Родился Имам Раббани в 971/1563 году в индийском городе Серхинд, что между Дели и Лахором. Первым его учителем стал его отец. От него он научился арабскому языку и основным исламским дисциплинам. Еще в детстве он полностью выучил Коран наизусть. После чего поступил на учебу к Камаледдину Кашмири, у которого учился точным и гуманитарным наукам, к Ибн аль-Хаджару аль-Мекки и Абдуррахману бин Фихр аль-Мекки, у которых учился хадисам, и Бахлюлю Бадахшани, который преподавал ему фикх, тафсир и другие исламские науки. Уже в семнадцатилетнем возрасте он становится пригодным к получению иджаза и автором нескольких произведений. Он с детства был склонен к тасаввуфу и, посредством своего отца, становится мюридом тарикатов Кадирийя, Сухравердийя и Чиштийя.

После смерти отца он вместе с паломниками покидает родные места. Вернувшись из хаджа в Дели, он примкнул к Мухаммаду Баки Биллях, авторитетнейшему в то время накшибандийскому шейху. Но уже через два с небольшим месяца успешно проходит весь путь салика.

Имам Раббани первым выступил против Акбар Шаха, тогдашнего правителя индусов и моголов, вышедшего с новой религией, противопоставив ему **«истинно чистый Ислам».** Достойнейшим образом защищая ислам и отстаивая его позиции, он, в конце концов, одерживает победу и становится причиной принятия ислама Джихангиром, сыном Акбара, и его последователями. Его жизнь, прошедшая в такой борьбе, призыве и духовном наставничестве завершается в 1034/1625 году, когда ему было 63 года. Могила его находится в городе Серхинде (Серхенде), что означает «**Граница Индии».**

Как слились два моря

С шейхом Мухаммадом Баки Биллях, от которого он узнает о Накшибандийском пути, Имам Раббани познакомился в Дели. Однако эта встреча не была случайной. Быть может, именно для

того чтобы встретить в Дели Ахмада Фаруки, который, пройдя через его духовное воспитание, станет впоследствии «**Муджаддидом альф сани»**, божественное предопределение приводит Баки Биллях в Дели. Встреча этих двух великих людей – Мухаммада Баки Билляха, посланного Хаджеги Мухаммадом Имканаги для наставления Имама Раббани, и самого Имама Раббани была подобна слиянию двух морей. Через два месяца Имам Раббани, благодаря его превосходным способностям, проходит при шейхе весь путь духовного становления. Об этом в своем **Мактубат** (I, 333 вд. 190. Мактуб) пишет сам Имам Раббани, а также, ссылаясь на него, и аль-Хани в своем **аль-Хадаикуль-вардийййя**. Как об этом говорится в **Мактубат**, Имам Раббани начал свой путь духовного становления с разновидности поминания, именуемого **«ляфза джалял»**, после чего, пройдя через гайбет, фена, джамг, сахв и секр, он достигает уровня «мушахада». В состоянии мушахада он начинает воспринимать каждую частичку из созданного мира как окно, через которое виден Всевышний Аллах. Затем он начинает видеть Всевышнего Аллаха в каждой частичке своего естества. И он видит Творца в слиянии с мирозданием, а не отдельно, не снаружи и не внутри него, затем начинает воспринимать Всевышнего Аллаха вне связи со вселенной, но непостижимым образом воздействующим на нее. Созерцаемая связь есть проявление сыфата Аллаха «ат-Таквин» (Творец).

После того как он изложил свои ощущения шейху, тот дал ему разрешение на духовное наставничество.

Его эпоха

Период жизни Имама Раббани пришелся на тот период, когда Индией правили Моголы. Одним из них был современник Имама, крайне заблудший Акбар Шах. Он попытался создать религию, объединяющую христианство, иудаизм и ислам, в которой преобладали элементы индуизма. Султан желал заручиться поддержкой и симпатией индусов. Что же касается

зороастризма, то из него султан позаимствовал поклонение огню, из христианства – звон колоколов и распятие, у индусов – их религиозные праздники и веру в перерождение и перевоплощение души. Нашлись даже некие мутасаввифы, которые, толкуя взгляды некоторых философов Ишракийя и Равакийя и сопоставляя их со взглядами индусских философов, высказывались в пользу поддержки создания новой религии. Именно в такое смутное время, когда даже султаны заявляли о своей божественности, вынужден был вести свою великую борьбу Имам Раббани. Без оружия и поддержки он в одиночестве вел эту духовную борьбу, защищая и отстаивая красоту и принципы ислама. Несмотря на то, что султан использовал все средства, включая угрозы, тюремное заключение, он не смог добиться своего. И вся его выдуманная религия, со всеми её заблуждениями, вскоре просто исчезла. А Имам Раббани смог воскресить задавленный и израненный ислам и опять поставить его на ноги. Идеи заблуждения, которые успели просочиться за это время из монашества и всякого рода философий в тасаввуф, например **«Свобода, Равенство и Братство»,** он смог изжить и вернуть тасаввуф к его истокам, а именно к Корану и сунне Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Отучив и очистив людей от всякого рода бид'ата и обычаев невежества, он смог привить им привязанность к шариату. А тысячи его учеников, мюридов, преемников и приверженцев, которые были воспитаны им в его духе, вскоре распространили эти идеи по Средней Азии, Анатолии, Ираку и Сирии.

Его произведения и Мактубат

Несмотря на то, что в молодости Имам Раббани успел написать несколько произведений, после того как он стал шейхом, он, оставив написание книг, перешел к сохбетам и наставничеству посредством писем. Ведь именно такой метод наставления был методом, к которому при жизни прибегал и сам Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям). А после его смер-

ти к этому методу стали прибегать и многие другие духовные личности. Именно поэтому письма (мактубат) Имама Раббани, которые он писал как своим ученикам и преемникам, так и простым людям, отвечая на их вопросы, вскоре были собраны в отдельное произведение, а еще позже переведены и на другие языки, став своеобразным справочником по тасаввуфу и ахляку.

Вахдат-и Вуджуд – Вахдат-и Шухуд

Самой главной заслугой Имама Раббани стало его объяснение идеи **«Вахдат-и вуджуд»,** сравнимой с **«Пантеизмом»,** через принцип **«Вахдат-и шухуд».** Представление в вахдат-и вуджуд о том, что **«Он есть все сущее»,** он, понимавший как **«Все сущее – от Него»**, объяснил, что Сущность Аллаха существует отдельно от созданного, но созданное подобно лишь тени Аллаха. Поэтому вахдат-и шухуд, которое подразумевает «Созерцание в созданном Аллаха», есть более высокое понимание вахдат-и вуджуд.

***

Он говорил, что мюрид в его привязанности к шейху должен быть **«Подобен трупу в руках омывающего»**. Он считал, что любовь требует быть благодарным и переносить трудности. Поэтому на этом пути необходимы обездоленность, тяготы и страдания. Так как каждый любящий желает видеть своего любимого отрезанным и оторванным от всех и всего. В этом макаме покой находится в полном отсутствии покоя, решение – в полном отсутствии решения, счастье – в полном отсутствии счастья. В этом макаме выходом является быть благодарным и переносить трудности и не искать путей удовлетворения желаний нафса. И лишь в довольстве тем, что придет от Него, и есть истинное приобретение.

Обрести совершенство на пути духовного развития возмож-

но лишь через достижение фена. Согласно Имама Раббани, постичь фена можно лишь через понимание тайны аята **«умереть до прихода смерти».** В противном случае, человек просто не мог избавить свое сердце от мирских идолов, а себя – от поклонения страстям своей души.

Говорится, что современник Имама Раббани – Абдульхаким Сиялкути не признавал его авторитета. Однажды во сне он увидел Имама Раббани, который прочитал ему аят: **«Скажи: «Аллах». Потом оставь их в омуте, в котором забавляться им весело»** (аль-Ан'ам, 6/91). В процессе осознания этого аята в сердце шейха Абдульхакима просыпается любовь и тяготение к Истине. Со словами: «Аллах, Аллах» в сердце он проснулся. И, проснувшись, он продолжал этот зикр. После чего сразу направился к Имаму Раббани и примыкнул к нему. Есть мнение, что это именно он присвоил Имаму Раббани титул **Муджаддид альф сани.**

***

Близость к Аллаху через фена, бака, сулюк и джазб называется **«праведническое познание»**. Аулия были облагодетельствованы такими познаниями. Познание, которым были удостоены сахабы Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) через его сохбеты, называется **«пророческое познание».** Пророческое познание достигается путем подчинения и наследования. В этом виде познания отсутствуют фена, бака, сулюк и джазб, и этот вид познания стоит выше праведнического. Так как пророческое познание – истинное, а праведническое познание, по сравнению с ним, подобно лишь тени. Для достижения праведнического познания считается необходимым началом фена, бака, сулюк и джазб. Однако если путь начинается с пророческого познания, то нет необходимости в каком-либо начале. Сахабы Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) шли по этой дороге.

Шариат и тарикат

Имам Раббани считал, что шариат и тарикат едины, и что между ними нет никакой разницы и расхождения. Различие же между ними становится очевидным лишь тогда, когда начинается более пристальное рассмотрение их в отдельности. Поэтому шариат – это обобщенные знания, тогда как хакикат – это более детальные знания. И если первое постигается посредством доказательств и доводов, то второе постигается лишь через кашф. И если первое – скрытое, то второе – явное. Шариат повелевает верить в тайное, тогда как достигшему хакиката не остается ничего тайного или скрытого. По достижении хаккаль-йакин открывается истинное значение повелений шариата. То, что до этого было скрытым, становится явным. Знания, которыми начинает овладевать дошедший до хаккаль-йакин, во всем соответствует знаниям шариата. И, если между ними есть несовпадение хотя бы на волос, то это означает, что уровень хаккаль-йакин на самом деле не достигнут.

Поэтому, если в поведении кого-то из приверженцев тариката наблюдаются действия и поступки, не соответствующие установленным нормам шариата, то это объясняется как временное духовное опьянение, случающееся на пути следования (сейр-у сулюк) к Истине. Однако у тех, кто благополучно прошел свой путь духовного становления и достиг духовного отрезвления, ничего подобного не остается.

***

Имам Раббани, напоминая о том, что родоначальником Накшибандийского пути является Абу Бакр (радыйаллаху анху), говорил, что духовная связь этого пути превосходит все другие связи. Так как это особая связь, восходящая к самому Абу Бакру (радыйаллаху анху). Другой особенностью тариката Накшибандийя является то, что конечное искомое для других тарикатов в нем поставлено в начале пути. Так как Шах Нак-

шибанд сказал: «Мы поставили конечное в начало». Конечной целью в тарикате является достижение Господа, и это достижение имеет различные уровни. Приверженцы тариката Накшибандийя еще в самом начале своего пути наделяются благом достижения Господа.

Наследуемые знания

Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) говорил: **«Ученые – это наследники пророков»** (Ахмад бин Ханбаль, «Муснад»). Имам Раббани говорил, что ученые оставляют после себя два вида знаний: **«Знания о предписанном и знания о тайном»**. Те же из людей, кто удостаивается чести быть наследником пророков, наследуют оба вида этих знаний. Ведь быть наследником только одного вида этих знаний недостаточно, так как наследник должен унаследовать от умершего все, что после него остается. А говорить лишь о частичном наследовании того, что остается в наследство, неразумно. Поэтому в другом хадисе Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) говорит: **«Ученые из уммы моей подобны пророкам из сынов Израилевых»**. Под этими учеными подразумеваются те, кто унаследовал от Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) оба вида знаний.

Знания о тайном – это лишь те знания, которые получены через кашф или ильхам в состоянии духовной трезвости (сахв), а не различные чувства и мысли, пришедшие в состоянии «духовного опьянения» («сакр»), типа «вахдат-и вуджуд», «вахдат-и касрат» или «касрат-и вахдат».

Его борьба с бид'атом

Имам Раббани был непримирим к бид'атам, так как каждый бид'ат означает забвение одной сунны Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Объясняя то, как бид'ат становится причиной забвения сунны, приводил следующий

пример: «Некоторые шейхи, опуская конец своей чалмы на левую сторону, считают это благим. Тогда как сунной является опускание конца чалмы на спину посередине. Поэтому тот, кто опускает конец своей чалмы за левое плечо, способствует забвению сунны».

Говоря о более глубоком новшестве, он приводил в пример произнесение намерения перед намазом. Согласно сунны, перед намазом намерение вслух не повторяется. Некоторые ученые сказали, что намерение можно произнести вслух для того, чтобы помочь сердцу. Некоторые же утверждали, что для намаза достаточно намерения, произнесенного вслух. Имам Раббани говорил, что считать достаточным для намаза произнесение намерения вслух – это бид'ат, последствием которого является невыполнение фарда, так как фардом намаза является совершение намерения пробужденным сердцем. Считать достаточным лишь произнесение намерения вслух есть невыполнение фарда.

Праведность

Имам Раббани считал, что праведность достигается после достижения уровня фена и бака. Неотъемлемой частью праведности являются караматы. Однако не следует понимать, что количество караматов и сверхъестественных явлений не являются показателем уровня праведности. Напротив, редкое проявление караматов может свидетельствовать о большей праведности. Проявление караматов происходит как в период духовного роста, так и во время снисхождения к людям. Но во время духовного роста караматы проявляются гораздо чаще, так как во время духовного роста происходит переход из мира причинно-следственных связей в мир отсутствия причинных связей, а во время снисхождения происходит возвращение в мир причинно-следственных связей. Схождение в мир причинно-следственных связей происходит с большим величием.

Имам Раббани привнес в тарикат Накшибандийя новый ме-

тод, и поэтому этот тарикат после него стал называться Накшибандийя Ахрарийя Муджаддидийя.

Источники: Имам Раббани, Мактубат, Стамбул. Фазылят Нешрийат, I. II, т., Сёнмез Нешрийат, I; аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 178-191; Абу аль-Хасан ан-Надви, аль-Имамус-Серхинди, Кувейт, 1983; Хайреддин Караман, Имам-и Раббани ва Ислам Тасаввуфу, Стамбул 1992; Хадикатуль-аулия, II, стр. 97-108; ад-Дурарун-надид стр. 42-43;; Иргамуль-марид, стр. 69-72; Иргамуль-марид Пер. стр. 84-87; Му'джамель-Муаллифин, I, 259.

25. МУХАММАД МА’СУМ СЕРХИНДИ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста. Имел чуть округлое лицо и золотистый цвет кожи. Белки его глаз были чуть красноватыми. Он постоянно пребывал в состоянии хузур. Хауф и хашийат в нем не проявлялись.

Его настоящим именем было Мухаммад. Ему дали прозвище «Ма’сум» (безгрешный), так как он категорически избегал грехов и сомнительного. Он был третьим из семерых сыновей Имама Раббани. Он стал преемником своего отца, так как был наиболее достойным из них в отношении явных и скрытых знаний и по богобоязненности. А среди своих знакомых и друзей он стал известен как «аль-‘Урватуль-вуска», то есть «надежная вервь».

Родился он в 1007/1598 году в Серхинде. Свои первые знания он получает у одного их своих старших братьев, Мухаммада Садыка, затем – у отца, одним из его учителей был Мухаммад Тахир аль-Лахори. Мухаммад Ма’сум обладал такой крепкой памятью, что запомнил Коран за три месяца. Он никогда не пропускал уроки и сохбеты своего отца и очень скоро превзошел большинство из его учеников. Его отец, видя способности сына, радовался тому, что он достигнет больших духовных высот. После смерти отца он занял его место. В то время он был молодым человеком, которому исполнилось двадцать семь лет. Несмотря на свою молодость, он своей духовностью покорял всех. Спустя некоторое время он отправляется в Хиджаз, чтобы совершить паломничество. Пожив некоторое время в Медине, он возвращается в родные края, где приступает к преподаванию

и духовному наставничеству, чем и продолжает заниматься до конца своей жизни. Основными его источниками знаний становятся такие книги по фикху и хадисам, как **Тафсир Бейзави, аль-Мишкат** и **аль-Хидайа**.

Как и его отец, он много усердствует на пути распространения знаний и тариката. Он был ярым противником бид'ата. Был духовным лидером и наставником сотен тысяч людей. Воспитал тысячи преемников. А его дергах в Дели стал известен во всем мире. Ведь именно здесь были воспитаны очень многие: арабы, турки, таджики. Шейх Сейфуддин, Шейх Мирза и Мазхар Джан Джанан вышли отсюда. Муджаддидийская ветвь тариката Накшибандийя со временем стала самой распространенной и самой действенной в Индостане и Средней Азии. Поэтому о нем говорили: «Шейх Мухаммад Ма'сум был маяком для целых стран и континентов. Земля от Индостана до Анатолии осветилась его совершенством и баракатом».

Ему принадлежит трехтомное произведение **Мактубат**, рассказывающее о божественных тайнах и тонкостях тасаввуфа, схожее с одноименным произведением Имама Раббани. Это произведение было переведено на турецкий язык Мустакимзаде Саадеддином Сулейманом и издано в Стамбуле в 1277 году хиджры.

Умер Мухаммад Ма'сум в 1079/1668 году в Серхинде, там и был похоронен.

Мухаммад Ма'сум был самым любимым сыном Имама Раббани. Он говорил, что его рождение принесло ему много счастья. Так как его знакомство с шейхом Баки Билляхом произошло сразу же после рождения Мухаммада Ма'сума. Поэтому он уделял Мухаммаду Ма'суму особое внимание и говорил: «Я вижу в тебе признаки благородства, сынок. В тебе я вижу отблеск света Мухаммада (саллаллаху алейхи ва саллям)». Незадолго до смерти он сказал ему: «Все, что было во мне, присущее приверженцам тасаввуфа, я передал тебе. И меня с тобой связывает лишь тасаввуф и тарикат. И сейчас я вверяю его тебе», оставив его вместо себя преемником.

Однажды его спросили:

«Может ли шайтан помешать следующему по пути тасаввуфа?» На что он ответил:

«Самый верный ответ на этот вопрос дал Абдульхалик Гудждувани: «Шайтан может найти путь к мюриду, который еще не дошел до фена, в момент его гнева. Но у того, кто уже достиг фена, нафс вместо гнева направляется к усердию. Усердие отпугивает шайтана».

О состоянии духовного небытия (фена) он говорил следующее: «С наступлением состояния фена проявление божественной сущности охватывает всю сущность арифа. Раб свои действия и свойства начинает ощущать как действия и свойства Самого Всевышнего, переставая видеть свои действия и свойства, а также свою сущность. А значит, канувший в фена приобретает свое второе духовное рождение. Достигший такого уровня «хаккаль-йакин» начинает видеть истинную красоту ислама. Видящий красоту ислама не будет знать ни смятения, ни страха, ни трепета».

Таква и очищение

Он говорил, что таква – это очищение. Таква не может быть достигнута без очищения сердца от всего, кроме Всевышнего. В сердце не должно остаться никакого другого смысла кроме тайны аята: **«Обратись только к Аллаху, отрешившись от всего другого»** (аль-Музаммиль, 73/8). Таким образом раб теряет себя и связь с миром созданных и миром повелений. В аяте: **«О вы, которые уверовали! Страшитесь Аллаха как должно»** (Али Имран, 3/102-103) Аллах повелевает: «О те, которые являются мусульманами лишь внешне! Оставьте то, что чуждо для Аллаха. Спешите к Аллаху, будучи совершенно чистыми. Сторонитесь всего, что отвлекает и привязывает к себе. Спешите к истинной свободе, избавившись от привязанностей нафса. И пусть это обращение к Господу будет таким, что не останется следа от вашего тела в мире созданных и вашей индивиду-

альности в мире повелений. В продолжении аята говорится: **«…обратитесь в ислам, пока смерть не настигла вас!»** Или познать смерть до её прихода, или постараться умереть, будучи мусульманином. Истинный ислам есть полная покорность. Этот аят побуждает освободиться от всех мирских страстей и желаний, то есть умереть духовно в состоянии полной покорности. Это состояние должно быть постоянным. Если осознание тайны смерти до ее наступления будет кратким как молния, то это не принесет пользы. А продолжение аята: **«Держитесь за вервь Аллаха»** повелевает быть привязанным к Священному Корану и воплотившему его Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям).

В отношении этого Мухаммад Ма'сум говорил следующее: «Великие мутасаввифы, достигнув степени мушахада, снова закрывали глаза. Для них главной целью является постижение Господа, которое для них было ценнее тысячи «мушахада». Свое усердие они направляли на умение стать рабом. Успеть на первый такбир, произносимый имамом перед намазом, для них было прекрасней созерцания тысяч проявлений сыфатов Аллаха, ибо они видели дальше явного. Устремление взгляда на место сажда в состоянии хузур и хушу было для них приятней состояния шухуд и мушахада.

Превыше любви

Используя в своих **Мактубатах** изысканную манеру письма, Мухаммад Ма'сум раскрывает много тонких тем, а истинную любовь и взаимоотношения между любящим и любимым объясняет следующим образом: «Не должно быть разницы: одарил ли любящий любимого или оставил ни с чем. Любящий должен наслаждаться и дарами от любимого, и страданиями, которые он приносит. Страдания от любимого должны быть более приятны, чем наслаждение от его даров, так как в дарах присутствует личная выгода для любящего. А в том, что приносит страдания, кроется довольство любимого. Поэтому стра-

дания быстрее приводят раба к Аллаху, чем блага».

О том, что любовь должна присутствовать от начала до конца тариката, он сказал так: «Любовь – это сила, которая пробуждает в сердце верного мюрида тяготение к совершенным качествам его шейха. Благодаря ей, мюрид принимает цвет его нравственности, печется в его печи. Через эту любовь духовный мир мюрида объединяется с духовным миром шейха. Посредством шейха мюрид, подобно ныряльщику, поднимает со дна океана духовности жемчужины любви. Однако и любовь чаще всего проявляется через печаль. Пламя любви, что горит в груди, вырывается наружу лишь в проявлении печали. Посланник (саллаллаху алейхи ва саллям), будучи океаном любви, постоянно находился в состоянии печали, его радость выражалась не более чем улыбкой.

Говоря о том, что основы пути Накшибандийя – это сохбеты, Мухаммад Ма'сум указывал: «Не участвуй на сохбетах с совершающими бид'ат. Равно как следует быть вдали от бид'ата. Спасение – лишь в сунне. Необходимо искать сохбеты совершенных людей и избегать сохбетов с порочными. Так как порок не может дать совершенства».

Мухаммад Ма'сум, передав путь сыну Мухаммаду Сейфуддину, возвратился к Всевышнему.

Источники: Мухаммад Ма'сум, Мактубат, Стамбул 1277; аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 191-199; Нузхатуль-хаватыр, том. V; Йасин б. Ибрахим ас-Сенхуты, аль-Анваруль-кудсиййа, Египет 1344, стр. 194-200; Надви, аль-Имамус-Серхинди, стр.162-163; 308-310; Адаб Рисаляси, 62; Джамиуль-караматиль-аулия, I, 333-334; Хадикатуль-Аулия, II, стр. 109-111; ад-Дурарун-надид стр. 43-45; Иргамуль-Марид, стр. 72-74; Иргамуль-Марид Пер. стр. 87-89.

26. МУХАММАД СЕЙФУДДИН СЕРХИНДИ

-куддиса сирруху-

Он имел высокий рост. У него была темная кожа, красивое лицо и большие глаза. Он носил бороду, которая была редкой по краю. Он был очень глубок в знаниях о явном и тайном и был очень аскетичной и богобоязненной личностью. Выражение его лица было серьезным и внушающим доверие, таким, что каждый, кто видел его, спешил прийти к покаянию или встать на истинный путь.

Он был сыном Мухаммада Ма’сума и внуком Имама Раббани. Родился он в 1049/1639 году в Серхинде. Свои первые знания о религии приобрел в кругу семьи. А первым его учителем и духовным наставником в тасаввуфе и тарикате стал его отец, Мухаммад Ма’сум. После того как он прошел свой путь духовного становления сейр-у сулюк, отец направляет его для духовного наставничества в Дели. Его текке становится центром духовного воспитания. Этот центр переполнялся тысячами людей из самых разных слоев населения. Именно здесь получили воспитание очень многие его преемники. Ветвь Муджаддидийя тариката Нашибандийя распространилась до Афганистана, Туркестана, Ирака и Сирии. Дом его и текке становятся пристанищем для нескончаемых посетителей, которые приезжают к нему целыми группами. Его последователем становится даже Алемгир Эвренгзиб, внук Акбар Шаха, который в свое время боролся против его деда Имама Раббани. Это явилось плодом усилий Имама Раббани и его сына Мухаммада Ма’сума. Султан Алемгир, который был воспитан в духе богобоязненности, после примкновения к Сейфуддину Серхинди становится при-

чиной следования за ним многих государственных деятелей и везирей, которые также как и он, пройдя через путь тариката, окунаются в океан божественных знаний.

С Алемгиром Эврензибом

Став последователем Сейфуддина Серхинди, Алемгир Эврензиб быстрыми темпами преодолевает путь, освещенный шейхом. Благодаря ему, в стране царит справедливость. А сам он в своем правлении старается во всем следовать сунне Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) и походить на праведных халифов. Иными словами, султан полностью отдался духовному влечению. Несмотря на преклонный возраст, выучил наизусть Коран. Он не спит по ночам и находится в постоянном поминании, размышлениях и поклонении. И очень скоро от степени «латаиф» переходит к степени «ахфа». Когда же он замечает, что на него нисходят некоторые особые духовные состояния, рассказывает о них Мухаммаду Сейфуддину. Тот, в свою очередь, оказывает ему в этом свою духовную помощь и поддержку. Также об этом он сообщил своему отцу Мухаммаду Ма'суму. Тот же, в свою очередь, заверяет сына, что все то, что переживает сейчас султан, это – последствия духовного роста и предпосылки счастливого конца: «Это великое благо, что, несмотря на свое величие, положение и всеобщее признание, султан подчинился Всевышнему и примкнул к вам, за которое надо благодарить Господа». В III томе Мактубатов Мухаммада Ма'сума, в письмах с 221 по 227, которые он писал своему сыну, говорится о той радости, которую он испытывает, видя насколько султан увлечен латаифами, рабитой и зикром, и дается наставление султану выполнять принцип «амр биль-ма'руф ва нахи аниль-мункар» (повелевать благое и удерживать от зла).

О том, как Мухаммад Сейфуддин посетил примкнувшего к нему Алемгира Эврензиба в его дворце, в книгах по истории рассказывается: «Шейх, придя во дворец шаха, увидел на сте-

нах множество картин. Он сразу же попросил, чтобы их сняли. Шах без всякого промедления покорно снял картины. Затем во дворце состоялся долгий сохбет».

Мухаммад Сейфуддин был очень щепетилен в отношении принципа «амр биль-ма’руф ва нахи аниль-мункар». Об этом качестве своего сына Мухаммад Ма’сум говорит: «Где бы на территории Индостана он ни услышал о зле или несправедливости, сразу же направлялся туда, чтобы искоренить его. И в этом он не терпел промедления».

Из почтения к духовности шейха даже султаны и полководцы стояли в его присутствии по стойке смирно, не позволяя себе ни на миг присесть.

Говорится, что однажды один человек, находясь в присутствии шейха Сейфуддина, поедал его взглядом и думал: «Насколько же надменен этот шейх», что через кашф сразу ощутил сам шейх и сказал:

«Если есть во мне некое величие, то оно от Аллаха. А если есть изъяны и недостатки, то они – от меня самого».

Говорится также, что один из тех, кто также не считал Мухаммада Сейфуддина великим человеком, однажды увидел сон, что был пойман силами правопорядка, которые его побивали и приговаривали:

«Это ты, который невзлюбил нашего шейха, ты – тот, который не приемлет его? Разве ты не знал, что он любим Самим Всевышним?»

Проснувшись, этот человек обнаружил на своем теле следы побоев и, посчитав это знаком свыше, прибежал к шейху и примкнул к нему.

Рассказывают, что однажды, когда шейх был у себя дома, он услышал доносящиеся из соседнего дома звуки свирели. Они настолько сильно проникли в его душу, что он на мгновение потерял сознание и упал на землю. В результате он сильно поранил руку. Очнувшись, шейх сказал:

«В связи с тем, что я не отказываюсь от слушания свирели

и божественных песнопений, некоторые говорят, что я лишен любви. Хотя сами они и являются лишенными её. Ведь как умеющий любить может вынести равнодушно такие трогательные звуки свирели?»

Говорится также, что однажды один из дервишей, страстных приверженцев тасаввуфа, попадает туда, где играют на свирели и слушают духовные песнопения. Слушание этих божественных рифм и мелодий настолько увлекает и поглощает его, что им овладевают внутренние чувства и страсти. Но, будучи благочестивым, он не дает им выплеснуться наружу, из-за чего там же умирает. Когда об этом узнал шейх Сейфуддин, он сказал:

«Звуки свирели и слушание духовных песнопений могут таить для некоторых чутких и чувственных душ опасность. Ведь в том, что ученые запрещают их слушание, есть и своя мудрость».

* * *

Известно, что ежедневно в его доме готовилась пища на 1400 человек, которую раздавали всем, как дервишам, так и посетителям. Однажды один из посетителей спросил его:

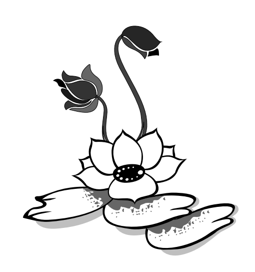
«Разве не «киллет таам» (мало есть) является основой тариката? Вы так досыта кормите». Шейх Сейфуддин ответил:

«На самом деле, недоедание лишает тело сил и делает его слабым. Шейхи нашего тариката настаивали на том, что основой нашего пути являются «вукуф кальби» и сохбет. И поэтому, несмотря на то, что особое усердие в духовных тренировках и постоянное недоедание хоть и могут явить некоторые сверхъестественные явления, мы не уделяем этому особого внимания. Наша цель – постоянно быть в зикре, всецело устремляться к Аллаху, следовать сунне и заниматься тем, что предписывается шариатом, и тем самым распространять нур и баракат».

Мухаммад Сейфуддин, воспитав большое количество пре-

емников, умер в 1096/1684 году в Серхинде и там похоронен.

Его воспитанниками были Шах Аббас, Шейх Садреддин Суфи, Шейх Абуль-Касым, Шах Иса и Сейид Нур Мухаммад Бедаюни. Последний станет его преемником.



Источники: аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 199-200; Нузхатуль-хаватыр, том. VI; Адаб, 63; Надви, аль-Имамус-Серхинди, 312-314; Мухуммад Мурад Казани, Зайлур-Рашахат, Мекка 1300, стр. 68; Мактубат-ы Мухаммад Ма‘сум, III, 115, 118; Хадикатуль-Аулия, II, стр. 112-114; Дурарун-Надид стр. 45; Иргамуль-Марид, стр. 75; Иргамуль-Марид Пер. стр. 90.

27. НУР МУХАММАД БЕДАЮНИ

-куддиса сирруху-

Он был среднего роста, смуглый. Его борода была редкой, брови – нахмуренными, но нур, исходящий с его чела, придавал его лицу дружелюбный вид. Глаза его были постоянно влажными от слез. Слезы, вытекавшие из его глаз, оставили на скулах заметный след. Из-за его глубоких знаний о явном и сокровенном его прозвали «'Алляма джихан».

Двадцать седьмым в золотой цепи преемников опять стал выходец из Индии, но на этот раз не из рода Имама Раббани и семьи **«Серхинди»**. Им стал уроженец Дели Мухаммад Бедаюни, прозванный из-за своего происхождения из рода Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) **«Сейййид Нур»**. Несмотря на то, что в **аль-Хадаикуль-Вардиййа**, а вслед за ним – и в некоторых других источниках, о нем говорится как о **«Бедвани»**, современный исследователь Абу аль-Хасан Надви говорит о нем как об «аль-Бедаюни» (см. **аль-Имамус-Серхинди**, стр. 314, 317).

Нур Мухаммад Бедаюни был учеником внука Имама Раббани, Сейфуддина Серхинди. После получения им основных знаний по исламу он примыкает к Сейфуддину Серхинди, а вслед за ним – к Шейху Мухаммаду Мухсину, ближайшему преемнику Мухаммада Ма'сума. Получив фейз от этих двух шейхов, он в течение 35 лет служит в дергах Накшибандийя-Муджаддидийя в Дели. Он дарил сердцам и душам трепет веры и огонь любви. Умер он в 1135/1722 году.

* * *

Он черпал особое вдохновение, читая на сохбетах и беседах книги по жизнеописанию Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), в которых говорилось о его прекрасных нравственных качествах. Он старался усвоить и воплотить в себе эти знания. Поэтому он был очень скрупулезен в своем следовании сунне. Говорится, что однажды, вместо того чтобы, как это полагается по сунне, зайти в отхожее место с левой ноги, он шагнул с правой. После такой неблаговоспитанности он в течение трех дней чувствовал духовное стеснение. Он умолял Всевышнего, и на четвертый день стеснение прошло.

Его осмотрительность относительно запретного

Он был очень набожным, сторонился запретного, и остерегался сомнительного. Был особо внимательным к тому, чтобы в его желудок не попал харам. Поэтому он всегда сам искал зерно, сам его молол, сам месил из него тесто, сам же пек из него хлеб. И он никогда не ел его в свежем виде, а оставлял, пока он зачерствеет, и только потом ел. Он также не ел много, а только несколько кусков для поддержания сил. И через тридцать лет он, приучив себя к голоду и недоеданию, перестал чувствовать удовольствие от еды. Когда он чувствовал голод, то без особых притязаний брал несколько кусков еды, съедал и этим насыщался.

Он также никогда не ел пищи богатых людей, не обращающих внимания на то, является ли их прибыль халяль, и говорил: **«В имуществе таких есть доля нечистого, которой следует остерегаться».**

Говорится также, что, когда он брал у кого-то из богатых книги для чтения, он не прикасался к ним на протяжении трех дней, считая, что: «Страницы и обложки этих книг, пропитаны мраком бездуховности душ их хозяев, которые привержены к этой мирской жизни». Считая, что вкус книг, которые впитали этот духовный мрак, испорчен, и наслаждение от их чтения невысокое.

Его тяготение (джазба) к Всевышнему и упоение Им (истиграк) стали причиной того, что на протяжении целых пятнадцати лет он жил в состоянии духовного небытия (гайбет). А его самоконтроль и самоотчет возвысили его до степени постоянного духовного бдения (сахв). Однако это же и заставило его рано сгорбиться.

* * *

Он был праведным и проницательным человеком. Воспитанный им его преемник Хабибуллах Мазхар говорил о нем следующее: «Кашф нашего шейха Сейида Нура был очень сильный. Он своим сердцем видел то, что другие не видели глазами. Так однажды, когда мы шли вместе с ним по улице, мой взгляд упал на одну женщину. Когда я приблизился к нему, он сказал: «Я вижу в тебе мрак прелюбодеяния».

Говорится также, что однажды к нему пришла женщина, которая потеряла свою дочь:

«Я на протяжении вот уже долгого времени не могу отыскать свою дочь. Помогите мне, пожалуста, отыскать её», – просила она. На это Бедаюни, побыв несколько мгновений в состоянии муракаба, сказал:

«Ступай домой, дочь твоя вернется в такое-то время».

Женщина вернулась домой, и ровно в то время, которое указал шейх, явилась её дочь. На радостях кинувшись к дочери, она спросила:

«Где ты пропадала, деточка, что с тобой случилось?» Дочь ответила:

«Я заблудилась в пустыне и была в очень растерянном состоянии, когда ко мне явился какой-то старец и показал мне путь».

* * *

Также как хозяин может различить спелые и неспелые арбузы на своих бахчах, так и шейх своей проницательностью различал тех, кто пришел, чтобы примкнуть к нему, от тех, кто пришел проверить и испытать его. Однажды к нему пришли двое с намерением проверить его. Они сказали, что желают примкнуть к нему. Окинув их взглядом с ног до головы, шейх сказал:

«Вы, прежде всего прочего, ступайте и исправьте свое убеждение и только потом приходите и просите наставничества». Один из этих двух так и поступил, покаявшись, и, поступив так, как велел шейх, стал его мюридом. Тогда как второй, оставшись при своем, оказался в числе потерпевших убыток.

Говорится также, что один из торговцев опием открыл рядом с дергах Шейха Мухаммада Сейийда Нура свою лавку. Во время одной из бесед шейх сказал, что занятие запретной торговлей в непосредственной близости от места духовного образования препятствует распространению на присутствующих фейза. После чего мюриды разгромили эту лавку. Узнавший об этом шейх очень расстроился и сказал:

«Этот ваш поступок расстроил меня еще больше. Ведь Истина может восторжествовать лишь с истиной. А заниматься искоренением и устранением вредного и запретного – это занятие судов и подобных инстанций. Нашим же делом является лишь призыв и наставление».

На это мюриды приводят продавца опием к шейху. Там ему предлагается возместить нанесенный ему ущерб. Но после недолгого разговора и воздействия фейза шейха, тот не только отказывается от какой-либо компенсации, но кается и становится одним из приверженцев шейха Нура Мухаммада Бедаюни.

* * *

Источники: аль-Хадаикуль-Вардийййа, стр. 200-201; (пер. стр. 806-810); аль-Анваруль-кудсийййа, стр. 201-202; Адаб, 64; аль-Имамус-Серхинди, стр. 314, 317; Хадикатуль-Аулия, II, стр. 115-117; ад-Дурарун-Надид стр. 45-46; Иргамуль-Марид, стр. 75; Иргамуль-Марид Пер. стр. 90-91.

28. МИРЗА МАЗХАР ДЖАН ДЖАНАН

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста, со слегка округлым лицом, кожа его была золотисто-желтой, борода – черной, а сам он был очень дружелюбен и приятен собой. Несмотря на свое дружелюбие, он выглядел весьма внушительно. Он был потомком рода Мухаммада бин Али аль-Ханафиййа, сына Али (радыйаллаху анху). Все его деды, как со стороны отца, так и со стороны матери, были аулия или имели качества праведников. Особо упоминается о бабушке, которая имела такую степень духовного совершенства, что слышала, как созданные восхваляют Имя Господа.

Двадцать восьмым в золотой цепи преемственности вновь стал уроженец Индии, Мирза по прозвищу «Шамсуддин» и «Хабибуллах». Быть может оттого, что он очень желал предстать перед своим Господом шахидом, его прозвали «Мазхар джан джанан». Родился он в 1113/1701 году. Еще в раннем детстве он изучает Коран и получает основные исламские знания. Если взять во внимание тот факт, что в момент смерти его шейха Нура Мухаммада Бедаюни (1135/1722) ему было около двадцати двух лет, то становится очевидным, что он встал на путь тасаввуфа в возрасте примерно восемнадцати лет. Также становится понятным, насколько активным был его путь духовного становления и совершенствования (риязат и муджахада), который он проходит под наставничеством своего шейха. И даже после смерти своего шейха он не перестает духовно работать над собой, поэтому поступает на службу к другим шейхам, получая фейз от них. Среди тех, от кого он взял фейз, были Мухаммад Афдал, Хафиз Са’дуллах и Мухаммад Абид Сем’ани.

После двадцатилетнего служения и смерти всех своих шейхов он, наконец, и сам вступает на место духовного наставника, где остается на протяжении тридцати лет.

* * *

«Первый уровень праведности и праведные знания я получил у своего шейха Сейиида Мухаммада Нура. Семи истин и различных духовных состояний я достиг у Мухаммада Абида за семь лет. За это время я удостоился разрешения быть наставником Кадирийского, Чиштийского и Сухревердийского тарикатов».

Шейху Мирзе нравился аскетичный образ жизни. Поэтому он не принимал материальной помощи ни от одного богатого человека. И так же, как он сам отстранялся от мирского, того же требовал от своих мюридов. И, несмотря на то, что у него были и богатые мюриды, он не просил построить ему текке или дом.

Он был в высшей степени привязан ко всем шейхам золотой цепи. Это была сердечная привязанность. Особенно сильно он любил Имама Раббани, он говорил: «Все, что постиг я и приобрел на этом пути, приобрел благодаря любви к шейхам».

Почитание тариката и тасаввуфа он приравнивал к почтению шариата, а склонность к тарикату он объяснял как: «Преобладание в сердце человека любви к Господу». Тарикат для него был не просто зикром, так как зикр – это то, что повелевалось каждому. Открытие ока сердца возможно лишь через множественное совершение зикра. Целью зикра является понимание смысла зикра. Следующей целью зикра является приобретение прекрасной нравственности, так как прекрасная нравственность является сутью пути. Ведь Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) говорил: **«Я был послан лишь для того, чтобы завершить прекрасную нравственность»** (Муватта, Хуснуль-хульк).

* * *

О том, что надо быть осмотрительным в отношении устремлений нафса, он говорил: «Достигший совершенства в тасаввуфе не должен приписывать себе приобретенное благо и совершенство. Все это является аманатом, и владелец его – Аллах. Достигший состояния фена и мушахада будет считать, что он не существует. Почувствовавший в себе и своей душе небытие может посчитать это небытие оскорбительным для своего нафса. Если последователь тасаввуфа обратит свой взор на внешний мир и, увидев свет истины мироздания, подумает о своем небытии, то оно окажется его самомнением, и он собьется с пути».

Его желание стать шахидом

В последние годы своей жизни о тех благах и почестях, которыми наделил его Аллах, он говорил: «Не осталось ничего из желаемого мной. Я удостоился бесчисленных даров Аллаха. Он удостоил меня чести быть истинным мусульманином. Наделил меня глубокими знаниями. Наделил способностью совершать благие поступки. Наделил тем, что сделало меня шейхом: тасарруф, карамат и кашф. Но мне не дана была возможность стать шахидом в традиционном понимании. Быть шахидом – это очень высокая степень близости к Аллаху. Большинство наших шейхов испили чашу шахидов. Я же очень слаб, и нет у меня сил для джихада. Поэтому вероятность того, что я, будучи таким пожилым, стану шахидом, очень мала».

Всевышний Аллах удовлетворил его страстное желание стать шахидом, удостоив этой чести, принял его ду’а и вознес на уровень шахидов. 7 Мухаррама 1195 (2 Января 1781) года в дверь шейха постучали. Его мюрид открыл дверь и сказал, что пришли люди, которые хотят увидеть шейха. Но это были идолопоклонники из моголов, которые пришли убить шейха. Один из них спросил:

«Ты шейх Мирза?»

Услышав утвердительный ответ, могол вынул кинжал и вон-

зил его рядом с сердцем шейха. Шейх от удара кинжалом упал на землю. Все посчитали, что он мертв. А нападавшие успели скрытся. Узнавший о случившемся Бахав Хан сразу же посылает за доктором, но шейх отказался от его услуг. И сказал: «Если совершившие это будут найдены, я прощаю им».

Он прожил еще три дня. С каждым днем силы покидали его. И вот, на утро третьего дня он подозвал находящихся рядом к себе и сказал: «Мне осталось совершить одиннадцать намазов. Тело мое истекает кровью. У меня уже нет сил, чтобы поднять голову. Настоящие факихи говорят, что тот, у кого нет сил приподнять голову с постели, может совершать намаз движениями глаз и бровей, а что думаете по этому поводу вы?» Находящиеся рядом отвечали: «То, что говорят ученые, уважаемый шейх, весьма ясно, а ваше положение очевидно».

Когда наступило время совершения полуденного намаза, он начал читать суру аль-Фатиха. Закончив чтение суры, он спросил: «Сколько осталось до захода солнца?» Было ясно, что он больше не мог терпеть страшной боли. Когда ему сказали, что до захода солнца еще долго, он сказал: «Значит, до вечернего намаза еще далеко». А когда приближался вечер, его чистая душа вознеслась к небу.

Смерть – это воссоединение

Он был долгожителем среди шейхов. Так как он не имел связи с мирским, то не испытывал страха перед смертью. Он говорил: «Я поражаюсь тем, кто не любит смерти. Ведь смерть – это встреча с Аллахом. Это посещение Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Встреча с аулия. Встреча с людьми, которые дороги. Я искренне скучаю по великим людям ислама. Если б вы знали, как я желаю уйти к Мухаммаду Мустафе и Ибрахиму Халилюр-рахман (алейхиссалям)…»

После его смерти один из шейхов увидел сон, что «целая половина Корана уходит в небеса, а в религии наступает некоторый застой». Абдуллах Дехлеви, который займет потом ме-

сто шейха Мирзы, растолковал этот сон, приведя слова самого шейха: «После нас в этом тарикате будет тяжело достичь высоких макамов, и, как бы последователи тариката ни поднимались высоко в своих состояниях, но макама «вилайат» они не смогут достичь».

Это, конечно же, не означало ничего категорического. Это, быть может, означало некоторый период времени после смерти шейха Мирзы. Ведь периоды духовного наставничества Абдуллаха Дехлеви и его преемника Мавляны Халида Багдади стали в истории тариката самыми благодатными. Быть может, самыми благодатными годами Накшибандийя с точки зрения развития тариката и воспитания в нем величайших наставников.

Слова шейха Мирзы были очень точными, а взгляд оказывал действие на окружающих. Так, рассказывается, что однажды одного его взгляда хватило, чтобы свалить с ног насмехавшегося над ним невежду. Свалившийся с ног стал биться на земле, подобно рыбе, выловленной из воды. Его дыханье спёрло, и он взмолился, обращаясь к шейху: «Простите меня, о шейх, ради Аллаха». Протянув ему руку, шейх Мирза погладил его с состраданием по голове, и человек успокоился.

Автор **аль-Хадаикуль-Вардиййа** говорит, что шейх Мирза Мазхар Джан Джанан воспитал около пятидесяти преемников. О примерно двадцати из них даются краткие сведения в этой книге. Однако больше всего внимания, несомненно, уделяется занявшему место шейха Мирзы его ученику Абдуллаху Дехлеви.

* * *

Источники: аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 201-209; аль-Анваруль-кудсиййа фи манакибис-садатин-Накшбандиййа, стр. 202;-210; аль-имамус-Серхинди, стр. 317-319; вд. 317; Адаб, 65; Шах ГуламАли Абдуллах Дехлеви, Хадикатуль-Аулия, II, стр. 118-121; Шах ГуламАли Абдуллах Дехлеви, Макамат-и Мазхариййа, Стамбул 1990; ад-Дурарун-Надид стр. 46; Иргамуль-Марид, стр. 75-76; Иргамуль-Марид Пер. стр. 91.

29. АБДУЛЛАХ ДЕХЛЕВИ

-куддиса сирруху-

Он был среднего роста, темнокожим, с редкой бородой и чуть округлым лицом. Он был из сейидов, из рода Хусейна (радыйаллаху анху), внука Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Он обладал мощным фейзом, который приводил в джазба дервишей и мюридов. Он был совершенным аулия, наделенным особыми божественными дарами. И, несмотря на то, что он не уделял особого внимания слушанию сема, был страстным и неистовым суфием.

Двадцать девятым в золотой цепи преемственности вновь стал выходец из Индостана. Родился он в 1158/1745 году в Пенджабе (Батале). Отцом его был Шах Абдулатиф, приверженец Кадирийского тариката. Незадолго до рождения сына он увидел во сне Али (радыйаллаху анху), который сказал ему: «Назови своего сына Али». Когда родился сын, он назвал его Али. Однако позже он стал называть его «Гулам Али», то есть слугой Али. Когда же его сын, став уже взрослым, увидел во сне Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), который, обращаясь к нему, называл его «Абдуллах», его начинают называть Абдуллах Дехлеви.

Его воспитание

Благодаря тому, что отец его был одним из ученых мужей того времени, он вырос и был воспитан в духовной и образованной среде. Он также был учеником и Абдульазиза Дехлеви, который учил его хадисам, читая ему **Сахих Бухари**, а также

некоторых других ученых, у которых учился тафсиру и фикху. По настоянию отца, он направляется к шейху Кадирийского тариката Шаху Насируддину, чтобы примкнуть к нему, но шейх умер, и ему не довелось стать последователем этого тариката. До своих двадцати двух лет он остается в Дели, где знакомится и общается с шейхами тариката «Чиштийя». В конце он понимает, что его удел – быть с Мирзой Джан Джананом, и приходит к нему. Чтобы испытать серьезность его намерений, шейх Мирза Джан Джанан говорит: «Здесь нет ничего, кроме лизания голого камня…» Однако, услышав в ответ: «Это как раз то, что мы ищем», он принимает его в свои дервиши. Сам он говорил об этом:

«После того как я приобрел знания по тафсирам и хадисам, я поступил на служение к Хабибуллаху Мазхару. Я присягнул, взяв его благословенные руки. Он учил меня тарикатам Кадирийя и Накшибандийя. Я прослужил ему ровно пятнадцать лет. Я обрел спокойствие, которое искал, пребывая в кружках зикра и состоянии муракаба. Наконец, я получил разрешение на наставничество».

Период наставничества

После того как Мирза Джан Джанан стал шахидом, Абдуллах Дехлеви занимает место муршида. Его знания, опыт и требовательность в следовании шариату очень скоро сделали его известным во всех частях света. К нему в дергах стали стекаться тысячи людей из близких и дальних земель. Дергах был переполнен приехавшими из Анатолии, Сирии, Ирака, Хиджаза, Хорасана, Междуречья и даже из стран Магриба. Некоторые приезжали сюда, услышав о славе шейха, другие приезжали, получив знак свыше.

Своих приверженцев Абдуллах Дехлеви учил не только пути духовного становления и совершенствования (сейру-сулюк) и знанию этого тариката, но и другим исламским знаниям, таким как тафсир, хадис и фикх. А источниками этих знаний

были такие прозведения, как **Рисалят аль-Кушайри, Авари-фуль-ма'ариф** и **Мактубат** Имама Раббани.

Самым великим из его преемников стал Мавляна Халид аль-Багдади, кроме которого он воспитал еще около тридцати преемников. Умер он в Дели в 1240/1824 году.

* * *

В своей щедрости и благосклонности Абдуллах Дехлеви был подобен солнцу. В дергах находилось около двухсот мюридов, которые проходили сейру-сулюк и выполняли служение.

Сам Дехлеви был очень скромен и прост. Вместе с тем, он был очень смелым и решительным в «амр биль-ма'руф». В этом он не останавливался ни перед правителем, ни перед полководцем или султаном. Так, как об этом говорит автор **аль-Хадаикуль-Вардиййа,** однажды к нему является сам Навваб Шемсир Бахадыр, правитель одной из Индийских провинций. Но при входе он забыл снять свой головной убор, который обычно носили только христиане. Шейх сделал ему замечание. Правитель провинции ответил: «Если вам это не нравится, то мы сюда вообще больше не придем». А Дехлеви сказал: «Пусть Аллах не приведет вас больше к нам в таком виде». Разозлившись, правитель вышел, но никак не мог успокоиться. Тогда он, зайдя в угол дергах, снял шапку, вернулся к шейху и примкнул к нему.

Шейх Дехлеви был очень строг как к упомянутому правителю, так и к другим представителям власти. Когда ему предлагали полностью оплачивать расходы дергах, он всегда отказывался. Он считал, что это противоречит упованию на Одного лишь Аллаха и является упованием на людскую благосклонность.

Пищу, которая приходила от богатых, он не ел и запрещал это мюридам, отсылая её соседям. Если ему давали деньги, то он сначала выплачивал с них закят, а на оставшееся покупал сладости и раздавал все мюридам и нищим.

Его повседневная жизнь

Обычный день Абдуллаха Дехлеви проходил так:

«Ночью спал мало, затем вставал на намаз тахаджжуд. Встав, будил других. Совершив намаз тахаджжуд, занимался муракаба. Затем читал Коран. Ближе к окончанию утреннего намаза совершал его вместе с джамаатом. После совершения утреннего намаза до времени ишрак он снова совершал муракаба и зикр.

В связи с тем, что у него было очень много мюридов, утренний зикр он проводил в две очереди. Затем читали тафсир Корана под его руководством до наступления времени кушлук. После чего шел есть.

В связи с тем, что в то время мусульмане ели лишь два раза в день, первый прием пищи был поздним, между завтраком и обедом. После этого он шел отдыхать. Вставая до наступления времени полуденного намаза, он читал книги и писал. После полуденного намаза он преподавал тафсир и хадис, а после послеполуденного намаза – хадис и тасаввуф. Затем до вечернего намаза он был занят зикром и таваджжух. После вечернего намаза вместе со своими ближайшими мюридами он вел душевные беседы. Перед ночным намазом ужинал. После ночного намаза совершал много зикра и муракаба. Когда его настигал сон, он засыпал на молитвенном коврике.

Абдуллах Дехлеви носил одежду из грубой ткани. Если ему дарили дорогую одежду, он её продавал, а на эти деньги покупал простую одежду для своих мюридов. Одежда его, помимо её простоты, была еще и однообразной, что он объяснял как следование сунне. Ведь и Айша (радыйаллаху анха), достав однажды нечто, похожее на рубаху и накидку, сказала: ***«Вот в таком Посланник Аллаха и предстал перед Господом»*** (см. Тирмизи, **Шамаил**, стр. 68-80).

* * *

Его собрания были местом счастья и спокойствия. Кем бы ни был человек: бедным или богатым, султаном или простолюдином, он находил там внимание и любовь к себе. На его собраниях ни о ком не сплетничали и не злословили. Из его сохбетов и наставлений каждый получал столько, насколько был к этому готов и подготовлен. Говорится, что однажды кто-то стал сплетничать о недостатках отсутствующего. Вмешавшись в разговор, Дехлеви был вынужден сказать: «То, что ты приписываешь ему, больше относится ко мне».

Говорится, что однажды в его присутствии стали обсуждать султана Индостана. Дехлеви же постился, отчего был вынужден сказать:

«Эх, я испортил свой пост». Присутствующие удивленно спросили:

«Уважаемый, не вы же сплетничаете». На что он ответил им хадисом: «И говорящий сплетни, и слушающий их равны в грехе своем» (см. **Кашфуль-хафа,** II, 215).

Помимо чтения Священного Корана, Дехлеви очень любил и слушать его. Особенно ему нравилось чтение одного из его преемников по имени Абу Саид Масуми. И также как Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям), приходя в сильное волнение от чтения Абдуллаха бин Мас’уда (радыйаллаху анху), останавливал его, говоря: «Хватит!», так и он, приходя в волнение, говорил: «Достаточно».

Во время своих бесед и уроков он также очень любил слушать стихи и духовные песнопения мутасаввифов. Особенно ему нравилось **Маснави**. Но, будучи человеком степенным, он не участвовал в сема.

Он также не любил разные благовония и, когда кто-то являлся на его беседы умащенный благовониями, он приказывал жечь ладан.

* * *

Любовь Дехлеви к Посланнику Аллаха

Дехлеви страстно любил Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Когда он слышал его имя, приходил в волнение и весь дрожал. Рассказывается, что однажды один его слуга сказал: «Вы любимец Посланника Аллаха». Едва услышав это, Дехлеви вскочил на ноги и, обняв слугу, сказал:

«Да простит нас обоих Аллах, кто же я такой, чтобы быть любимцем Посланника Аллаха?» – и одарил слугу множеством подарков.

Он также был очень последовательным в том, что касалось слов и поступков Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Старался во всем следовать сунне и походить на него. Поэтому он читал очень много книг хадисов, стараясь получить как можно знаний по сунне. Говорится, что когда он умирал, на его груди был сборник хадисов **Сунан Тирмизи.**

То, что узнавал он о Досточтимом Пророке (саллаллаху алейхи ва саллям) из книг, сразу стремился воплотить в жизнь. Когда ему однажды принесли козью голову и ножки, он сам приготовил из них холодец и кормил других, также как это при жизни делал и Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям).

Из-за его сильной любви и привязанности к Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям) он часто видел его во сне. Рассказывается, что однажды он лег спать с мыслями о страшном Суде и наказании в Аду. И тогда, в ту ночь он увидел во сне Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), который сказал ему:

«Ты – любимый нами человек. Тот, кто любит нас, не попадет в Ад».

Некоторые его мысли и высказывания

Основами Накшибандийского тариката Абдуллах Дехлеви

называл: «1. Остерегаться внушений 2. Постоянное пребывание в состоянии хузур 3. Тяготение к Милостивейшему 4. Духовные вирды». Внушения бывают четырех видов: от шайтана, нафса, ангелов и Аллаха.

А о том, что необходимо каждому следующему по пути Накшибандийя, он говорил следующее: «1. Чистая религия 2. Чистое вероубеждение 3. Руки, не тянущиеся к греховному и не охваченные страстью 4. Ноги, которые не ведут к греховному, смиренно оставаясь и следуя лишь туда, куда надлежит».

Суфием он называл того, кто: «Отодвинув мирскую и вечную жизнь назад и устремив свой лик к Всевышнему Господу, продолжает свой путь».

Он говорил, что шейху необходимо присягать лишь в трех случаях:

1. Чтобы встать на тот великий и прекрасный путь, указываемый шейхами, и достигнуть их уровня.

2. Чтобы оставить греховное и раскаяться.

3. Чтобы привязаться к определенному макам.

* * *

Он говорил, что слово «факир» состоит из букв, каждая из которых является символом и несет отдельное значение, а именно:

Фа: Фака. Указывает на стесненность, нищету и тяготы.

Каф: Канаат. Означает быть довольным.

Йа: Йаис. Означает: надеяться только на Аллаха.

Ра: Риязат. Преодоление трудностей с целью воспитания нафса.

«Факир», или дервиш, который обладает теми качествами, которые символизируют буквы, составляющие это слово, благодаря благосклонности и щедрости Всевышнего станет близким к Нему и заслужит Его Милость.

Абдуллах Дехлеви говорил, что аулия бывают трех видов:

1. Те, которые наделены способностями кашф.

2. Те, которые наделены способностями понимать, осознавать и осмысливать.

3. И те, которые абсолютно невежественны. То есть, видя божественные знания, осознают то, что ничего не знают.

Людей он также делит на три категории: на тех, кто желает лишь мирского, на тех, кто ищет вечного, и на тех, кто влюблен в Аллаха. Тех, кто, преодолев земное и вечное, избрал Господа и испил из чаши единения, он называл «познавшими».

Разум он делил в зависимости от света и мрака в нем. Светлый разум – это те, кто ведет к истинной цели без участия посредника. А темный – это те, кто без помощи муршида не могут дойти до назначенного места.

Самым великим препятствием для человека он считал его собственное себялюбие. Не преодолев себялюбия, нельзя достичь небытия. Признаком того, что себялюбие исчезло, является отсутствие всякой силы произнести: «Я». Это возможно, лишь растворив себялюбие во Всевышнем.

В преклонные годы он все чаще повторял следующие строки:

О возлюбленный, о любимый, вот и состарился я совсем,

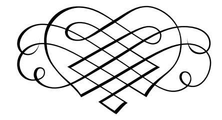
Но лишь коснется меня свет любви твоей, молодею я.

Он также говорил: «Истинная любовь требует ежеминутного и ежесекундного поминания возлюбленного своего».

«О Господь мой любимый, я осознаю свою никчемность настолько, что для того чтобы хоть на миг узреть красоту Твою, готов искать Тебя всюду, взирая то в одну сторону, то в другую».

В некоторых источниках, в которых приводится его жизнеописание, говорится о том, что ему принадлежит несколько произведений. Одно из них, **Макамат Мазхариййа**, которое было издано (Стамбул 1986), рассказывает его шейхе – Маз-

харе Джан Джанане. Другое – **Изахут-тарика** осталось лишь в рукописях (см. Сулеймания Х. Хюсню Паша 7421).



Источники: аль-Хадаикуль-Вардиййа, стр. 209-223; аль-Анваруль-кудсиййа, с.210-224; Нузхатуль-Хаватыр, VII, 306-308; Ахмед Хильми, Хадикатуль-аулия, стр. 122; Сафина аулия, II, 28; Адаб, с.66; аль-Имамус-Серхинди, стр. 318-319; С. Улудаг, ТДВ Ислам Ансиклопедиси, I, 94; Хадикатуль-аулия, II, стр. 122-133; ад-Дурарун-Надид стр. 46-47; Иргамуль-Марид, стр. 76-78; Иргамуль-Марид Пер. стр. 91-93.

30. МАВЛЯНА ХАЛИД БАГДАДИ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста, белокожий. Его щеки были румяными, а волосы и глаза – черными. Он имел нос с небольшой горбинкой и длинные ресницы. У него были длинные руки, широкие плечи, покрытое растительностью тело. Его суровость потрясала и вызывала у окружающих уважение. Он любил одеваться красиво. На людях он всегда был в плаще и с посохом. Он был очень щедрым, но никогда не отступал от своих принципов.

Тридцатым в золотой цепи преемников и основателем новой ветви Накшибандийского тариката на этот раз стал выходец из Иракского Мосула, селения Шехрезур, входящего в состав Османского государства, Халид бин Ахмад, которого еще называли Мавляна и Зияуддин. Если взять во внимание тот факт, что он стал во всем исламском мире вторым, кто после Джалаледдина Руми получил титул «Мавляна» (Господин наш, наш повелитель), то становится очевидным, насколько великим было его влияние и авторитет. Именно с ним Накшибандийя стала именоваться **«Халидийя»**, и эта ветвь стала самым распространенным тарикатом на территории Османского государства.

Некоторые штрихи его жизни

Из-за того, что некоторую часть своей жизни он прожил в Багдаде, где заслужил известность, его прозвали **«Багдади».** Отец его происходил из рода ‘Усмана, а мать – из рода Али

(радыйаллаху анхума). Родился он в 1193/1779 году в Шехрезаре, а, по некоторым источникам, в принадлежащем Бабану Карадаге. Свое первое образование он получил от отца, а после этого – в медресе Сулеймания. Учителями его были такие ученые, как **Сейид Абдулькерим Берзенджи** и **Сейийд Мола Ибрахим.** Из Сулеймании он перебрался в Багдад. Приобретая знания, он провел там некоторое время и вновь вернулся в Сулейманию. Его жажда знаний была неутолимой. После приобретения всех религиозных знаний он увлекается знаниями мирскими, став учеником такого известного ученого того времени, как **Мухаммад Хусейн**, учась у него математике, геометрии, инженерным наукам и астрономии.

Его живой и пытливый ум, глубокие знания и способности пробуждали к нему интерес окружающих. Многие государственные деятели того времени желали видеть его преподавателем медресе, однако он не принимал их предложения, объясняя это тем, что не готов к этому. Однако после смерти своего учителя **Абдулькерима Берзанджи**, который умер в результате возникшей в 1213/1798 году в Сулеймании эпидемии чумы, он согласился преподавать. После семилетнего преподавания он, чувствуя потребность в духовном знании, отправился в хадж. По пути он заезжает в Сирию, где остается некоторое время.

В период своего проживания в Сирии он получает от **Мухаммада аль-Кузбери** аттестацию по хадисоведению, а от **Мустафы аль-Курди** – разрешение наставничества в тарикате Кадирийя. Кроме трудностей, которые он переносил по пути в хадж, он удостаивается некоторых духовных даров и наставлений. Так, передается, что, находясь в Медине, он ищет себе в помощь духовного наставника и встречает приятной наружности человека, у которого просит ду’а и стать его наставником. На что тот говорит ему: «Когда ты будешь в Священной Мекке и увидишь явные ошибки людей, не торопись осуждать их!»

После этого Халид Багдади вместе со своими товарищами покидает Медину и отправляется в Мекку. Там он всецело посвящает себя поклонению, целыми днями оставаясь у Каабы.

Однажды в ранний утренний час, когда он сидел у Каабы и читал **Далаиль**, его внимание привлек человек, который почему-то сидел к Каабе спиной. Их взгляды встретились. То, что этот человек сидел спиной к Каабе, ему очень не понравилось, но, помня о предупреждении, полученном в Медине, он ничего не сказал. Однако незнакомец сам вступил в разговор: *«Разве ты не знаешь, что для Аллаха сердце му'мина намного дороже Каабы? Неужели ты так быстро забыл о том, что тебе было сказано в Медине?»*

Мудрые и глубокие по смыслу слова повергают **Халида Багдади** в смятение, и он, неожиданно для себя, подбегает к этому человеку, падает ему на колени и просит стать его духовным наставником, но слышит в ответ: *«Знаки, указывающие на вашего наставника, приходят со стороны Индостана. Направляйтесь туда!»*

Совершив предписанный ему хадж, Халид Багдади возвращается в Сулейманию, где продолжает преподавать. Он продолжал эту деятельность, пока в Сулейманию не прибыл **Мирза Рахималлах Азимабади,** странствующий дервиш **Абдуллаха Дехлеви.** И тогда Халид Багдади с **Мирзой Азимабади** отправляется (1224/1809) в Индостан. На своем пути пешком, который занимает у них целый год, он занимается не менее полезным для своего духовного становления делом, посещая могилы умерших алимов и шейхов и встречаясь с живыми. Наконец, он доходит до дергах **Абдуллаха Дехлеви** в Джиханабаде.

Там, под попечительством шейха, Мавляна Халид проходит путь сейру-сулюк и одновременно, по его же распоряжению, учится у **Моллы Абдульазиза аль-Хинди** акаиду и каламу, в последствии получив иджазат. Аль-Хинди был шейхом Накшибандийя и ученым по акаиду, который написал произведение **Тухфа Исна Аш'арийййя,** опровергающее убеждения шиитов. Абдуллах Дехлеви дал своему мюриду Халиду Багдади разрешение быть наставником в тарикатах Накшибандийя, Кадирийя, Сухревердийя, Кубравийя и Чиштийя. Для того чтобы воспитать и сломить в своем мюриде чувство собственного

«Я», Дехлеви давал ему разные поручения, заставляя заниматься уборкой, чистить отхожие места и т.п. И в течение одного года он смог избавиться от волнообразных вспышек своего нафса.

Пройдя весь путь духовного становления и совершенствования (сейру-сулюк) и получив духовную аттестацию, **Мавляна Халид**, по наставлению своего шейха, возвращается к себе на родину. Когда же его спросили о последнем желании, он сказал: **«Мое последнее желание – религия, и для того чтобы религия обрела совершенство и силу, я желаю мирского».**

В 1226/1811 году он возвращается в родную Сулейманию. Получив знак от своего шейха, он прибывает в Багдад. Там, не без помощи правителя города **Саида Паши**, он восстанавливает медресе Ихсания, которое позже сделает своим текке и назовет **«Текке Халидийя»**. Вскоре его широкие знания и авторитет в тасаввуфе сделают его известным во всей округе, что привлечет внимание и некоторых завистников, которые в последствии донесут на него **Вали Паше.**

Когда дело дошло до самого Султана II Махмуда, претендента на престол, и он уже вызвал для вынесения окончательного приговора **Шейхуль-ислам Мустафу Касыма Эфенди**, тот вместо собственных слов привел Султану аят Священного Корана, в котором говорилось: **«О вы, которые уверовали! Если к вам придет нечестивец с какой-либо вестью, то разузнайте,** [в чем дело]**, чтобы не поразить по неведению** [невинных людей]**, а не то вам придется раскаиваться в том, что вы совершили»** (аль-Худжурат, 49/6). Тогда для выяснения деталей этого обстоятельства Султан посылает двух людей. После проведенного расследования невиновность и даже правота Мавляны Халида становится очевидной. А сам Мавляна Халид, дабы переждать пока все утихнет, возвращается в Сулейманию.

В Сулеймании он открывает вторую текке. Своих воспитанников и преемников, которых он в множестве воспитывает в текке Багдада и Сулеймании, он посылает в разные страны Исламского мира. Некоторое время спустя, Мавляна Халид вновь

приезжает в Багдад, после чего отправляется в Сирию, где открывает в Сахилийе третью текке (1238/1822).

После трехлетней духовной деятельности и наставничества в Сахилийе он повторно совершает хадж (1241/1825). На обратном пути в Сирию он заражается холерой. И через некоторое время, 12 Зулька'да 1242/10 Июня 1826 года умирает. Передается, что, умирая, он читал аяты Священного Корана, в которых говорилось**: «О душа, обретшая покой! Вернись к Господу своему снискавшей радость и довольство!»** (аль-Фаджр, 89/27-30). Могила его находится в Сирии, в Сахилийи, на склоне горы Касйон. По наставлению одного из его преемников, **Мухаммада аль-Фираки**, халиф **Абдульмаджид Хан I** воздвиг над ней купол.

Слава Мавляны Халида, начавшаяся с его педагогической деятельности и научных работ, дошла до всех уголков исламского мира еще при его жизни посредством его преемников. А мюридами его и приверженцами были такие ученые, заслужившие титул шейхуль-ислам, как **Меккизаде Мустафа Асим** и **Мехмед Рафик Эфенди,** и такие государственные деятели, как **Саид Паша, Дауд Паша, Абдуллах Паша, Наджип Паша и Намик Паша**. В основе такого быстрого распространения Халидийи среди простых людей и государственных деятелей лежит то, что Халид Багдади был ученым, крепко привязанным к шариату, а также то, что своих преемников он выбирал из числа ученых. 116 преемников Мавляны Халида сделали тарикат Накшибандийя-Халидийя самым великим тарикатом XIX века. Приверженцами Халидийи были и такие великие люди, как известнейший правовед ханафитского мазхаба **Ибн Абидин** и автор тафсира Священного Корана **Рух аль-Ма'ани Алуси.**

* * *

Халид Багдади отличался большой щедростью, великодушием, благонравием, он терпеливо сносил обиды людей, говорил красноречиво и доходчиво, был услужливым и трудолю-

бивым, осторожным и осмотрительным, был защитником и помощником вдовам и сиротам, не боящимся на пути Аллаха ни упреков, ни порицаний порицающих.

Те, которые в его присутствии соблюдали внешние и внутренние правила адаба, извлекали из общения с ним огромную пользу. Общавшиеся с ним очищали свое сердце от любви к мирскому, налета беспечности и избавлялись от беспокойства о своем положении и состоянии.

Его Наставления

«…Настоятельно повелеваю вам изо всех сил держаться за сунну Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), избегать обычаев джахилии и бид'ата. Не верьте наветам, которые распространяют о тасаввуфе. Не заводите дружбы ни с кем из непосвященных людей, пусть даже это «Паша». И никогда ни под каким предлогом ничего у них не просите. Так как это может впоследствии стать причиной упрека вам. Из двух зол выбирайте меньшее. Счастлив тот, кто учится на чужих ошибках. Более важное предпочитайте важному. И ни в коем случае не имейте общих дел с султанами и государственными деятелями. Так как у вас нет сил для того, чтобы исправить их и изменить. Не сплетничайте о них, а молитесь о том, чтобы они содействовали в ваших делах.

Не включайте в тарикат торговцев, влюбленных в мирское, лживых ученых, учеников, приобретающих знания, чтобы занять положение в обществе, и тех паразитов, которые по своей лености пытаются свою ношу переложить на других, а также тех, кто пытается использовать духовность в своих мирских целях. И, если вы и возьмете их к себе, не давайте им возможности проявлять себя. И знайте, что самым любимым для меня из вас является тот, кто не имеет с приверженцами мирского ничего общего, тот, кто не является для других обузой. А более любимым, чем они, – тот, кто занят изучением фикха и хадисов. Ведь тот, у кого много последователей, имеет и множество

шайтанов, а тот, у кого много богатства, имеет проблемы с его счетом. Тот, чью голову вскружила слава, для приумножения в мирском и достижения в нем желаемого положения, непременно станет относиться ко всему как к дозволенному. А его религию сменит мирское».

«Постоянно совершай зикр сердцем. Не прекращай этого даже тогда, когда ты находишься в пути! Во всех делах проси от силы и могущества Аллаха! Заручись поддержкой духовности сахабов Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Будь почтителен с учеными и хафизами Корана. Будь как можно больше занят чтением Корана и приобретением знаний по фикху! Пусть даже умиротворение сердца не отвлечет тебя от этого!»

Его Произведения

Помимо духовных бесед и проповедей и воспитанных им преемников, Мавляна Халид Багдади стал известен еще и благодаря своими произведениям. Эти произведения охватывают различную религиозную тематику. Некоторые из этих произведений были написаны на персидском, другие – на арабском языке:

1. аль-Акдуль-Джаухари: повествует о разнице во взглядах таких мазхабов, как Маатуриди и Аш’ари, в частности, относительно теологического понятия «касб». Издано в Стамбуле.

2. Рабита Рисалеси: произведение, целиком посвященное такому тасаввуфическому понятию, занимающему в тарикате Накшибандийя весьма важное место, как рабита. Было издано вместе с **Рашахатом.**

3. Шарх Макамат Харири.

4. Шарх Хадис Джибриль: теологическое и тасаввуфическое толкование хадиса, известного более как «хадис Джибриля», даваемое на персидском языке. Произведение сохранилось лишь в рукописи, одна из которых хранится в библиотеке Су-

леймания.

5. Сийалкути Хашийа.

6. Акаид Адудиййа.

7. Диван: сборник стихов на персидском, арабском и курдском языках. Был переведен на турецкий язык Садреддином Юксалем. Письма Халида Багдади были собраны Ас'адом Сахибом и изданы Д.Сельви-Кемаль Йылдызом (Стамбул, 1993).

Существуют и отдельные произведения, посвященные жизнеописанию Халида Багдади и его духовных степеней, такие как, например, **Маджд Талид.**

Источники: Хайдаризаде, аль-Мадждут-талид, Мухаммад б. Сулейман аль-Багдади; аль-Хадикатун-Надиййа, Стамбул 1977, стр. 41-64; Недджи, Ас-фаль-маварид; Мухаммад б. Абдуллах аль-Хани, аль-Бахджатуссаниййа, Стамбул 1981, стр. 82-99; аль-Казани, ан-Нафаисус-санихат, стр. 161 вд; Харипизаде, Тибйануль-васаиль, I, 327 вд; Ахмед Хильми, Хадикатуль-Аулия, I, стр. 155-156; Бурсалы М. Тахир, Османлы Мюеллифлери, I, 66-67; Вассаф, Сафина Аулия, II, 162; аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 223-262; М. Захид аль-Каусари, Иргамуль-Марид, Стамбул, 1328 стр. 78-84; ан-Нузумуль-атид, Каир 1976, стр. 47-79; аль-Имамус-Серхинди, стр. 319-321; Х. Камиль Йылмаз, Тасаввуфи Хадис Шерхлери, стр. 94; Ирфан Гюндюз Османлыларда Девлет Текке Мюнасебетлери (Раздел Халидиййа).

31. ТАХА АЛЬ-ХАККАРИ

-куддиса сирруху-

Он был высокого роста, круглолицым, с пышной бородой. У него был широкий лоб, густые широко расставленные брови, большие черные глаза. Из-за постоянного пребывания в муракаба его шея согнулась, отчего голова всегда была склонена вперед. От лица его исходил свет и чистота, слова впечатляли, а глаза и взгляд были проницательными. Видевшие любовь на его лице становились серьезными, проникались к нему уважением и доверием.

Тридцать первым в золотой цепи преемников стал уроженец Юго-Восточной Анатолии, провинции Хаккари, потомок рода Абдулькадира Гейлани, Таха бин Мулла Ахмед, прозванный «Шихабуддин» или «Имамуддин».

Свое первое религиозное образование он получает от своего отца. Еще в раннем детстве выучивает Коран наизусть. После чего приобретает знания у известных ученых того времени в медресе Багдада, Сулеймании, Керкука и Эрбиля. Вскоре, наряду с аттестацией о религиозном образовании, он получает знания по литературе и некоторым наукам.

Его вступление на путь тасаввуфа

Вступление Тахи аль-Хаккари на путь тасаввуфа происходит благодаря его дяде Абдуллаху Шемдинли. Именно он рассказывает Мавляне Халиду Багдади, который был его близким другом, а затем и муршидом, о своем племяннике Тахе аль-Хаккари. Тогда Мавляна Халид просит привести его на встречу с ним. Начавшееся таким образом знакомство по прошествию некоторого времени и получению знаков из намаза истихара

заканчивается приобщением к тарикату. И уже через очень короткое время (80 дней) Таха аль-Хаккари, благодаря высоким способностям и огромной духовной силе Мавляны Халида, заканчивает путь своего духовного становления и совершенствования (сейру-сулюк) и направляется для духовного наставничества в селение Бердесур провинции Хаккари. А его дядя Абдуллах Шемдинли был наставником в местечке Баглар или Нехри, что в Шемдинли. Поэтому многие не могли понять, почему двух муршидов послали в селения, так близко стоящие друг к другу. Однако после того как некоторое время спустя Абдуллах Шемдинли умирает, мудрость такого решения становится очевидной. После смерти своего дяди Шейх Таха переезжает в Баглар и продолжает наставническую деятельность дяди.

Таха аль-Хаккари на протяжении более сорока лет продолжал свое служение в Багларе. Слава о нем доходит до Кавказа, Ирака, Сирии, Египта, Ирана, Анатолии и Балкан. И даже когда в 1853 году между Османами и Россией началась война, именно Шейх Таха и его брат Шейх Салих вместе с известным дагестанским суфием и муджахидом Шейхом Шамилем воевал против русских войск, ведя за собой народ Хаккари и Азербайджана.

По сравнению с тем, как выглядит полуразрушенный Баглар сегодня, тогда, во времена Тахи аль-Хаккари, это был прекрасный Османский городок с 16000 населением, своими мечетями, текке, управлением, магазинами, банями и каравансараями.

Один день из жизни шейха Хаккари

Дома Таха аль-Хаккари вставал ночью на намаз-тахаджуд и до призыва на утренний намаз выполнял вирд и совершал зикр. Во время азана он заходил в текке, с джамаатом совершал утренний намаз и до времени кушлук (между восходом и полуднем) находился в текке. Каждый день он занимался мюридами и учениками, которые жили в текке, решая их проблемы. Текке и её окрестности всегда были полны посетителями, и поэтому вся жизнь жителей Баглара была так или иначе связана с жиз-

недеятельностью его текке.

После намаза аль-‘аср совершался большой «хатм хаджеган». После хатм хаджеган читали **Мактубат** Имама Раббани. Чаще всего **Мактубат** читал один из преемников, а Шейх Таха, при необходимости, давал толкование. Ужинали они чаще всего перед вечерним намазом, чтобы между вечерним и ночным намазом никто не думал о еде. Со своими дервишами, вступившими на путь духовного становления и совершенствования (сейру-сулюк), Шейх Таха сам проводил часы «таваджжух» (рабита-мухаббат) со своими мюридами.

Его отношение к правителям и простым людям

Он никогда не обделял вниманием никого из людей, невзирая на то, из каких слоев населения они были, навещая их и помогая им в трудностях. Следуя наставлению своего шейха, он поддерживал отношения с государственными служащими лишь в случае крайней необходимости. Говорится, что правитель Ирана Мехмед Шах увидел сон и после него перешел в ахли-сунна. Затем он попросил Таху аль-Хаккари, слава которого распространилась до Ирана, прислать ему одного учителя. На это тот посылает к нему своего преемника по имени Шах Абдуррахман. Оставшись довольным отзывчивостью шейха и услужливостью посланного им преемника, Шах дарит Шейху Тахе целых два Иранских селения. Но Шейх Таха не принимает этого и пишет Шаху письмо: «Я житель Османского государства. Поэтому оно заботится об обеспечении необходимым меня и моей семьи. Я благодарю вас за внимание и прошу извинить за то, что не могу принять ваш подарок».

Огорченный тем, что дары его были отвергнуты и, посоветовавшись на этот раз с Абдуррахманом Эфенди, Шах посылает к Шейху Тахе представителя с письмом: «Если вы не принимаете эти два городка, то примите хотя бы две небольшие деревни». Помимо этого, он дарит шейху посох, украшенный драгоценностями, и дорогую джуббу. Шейх и на этот раз не принимает

отданные ему во владение деревни, а делает их всеобщим достоянием (вакфом). А к посоху и джуббе даже не притрагивается. Неким образом узнавший об этом Османский правитель **Абдульмаджид Хан** остался очень доволен таким поступком шейха, а шейх передал ему посох и джуббу.

Его наставничество и метод

В тасаввуфе существует правило: **«Арифу достаточно намека».** Именно поэтому Таха аль-Хаккари использовал в своем наставничестве метод не прямого, а косвенного наставления, или наставления знаками и указаниями. Так, одному из своих преемников он говорил: *«Вначале дайте народу знак. Если это не помогает, то скажите им. А от тех, которые этого не понимают, отвернитесь…»*

Хадис Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям): ***«Один ракаат намаза, совершенный с использованием мисвака, превосходит в семьдесят раз один ракаат намаза, совершенного без использования мисвака»*** (Ибн Ханбаль, VI, 272) Таха аль-Хаккари толковал так: «Слово «сивак» (мисвак), которое используется в хадисе, означает не только щетку для зубов, но и арабское местоимение «сивак», что означает «без тебя самого». А поэтому значение хадиса таково: «Один ракаат «без тебя самого», думая только о Господе, превосходит в семьдесят раз ракаат намаза, в котором ты думал о себе».

Рассказывается, что в кладовую Шейха Тахи однажды ночью пробрался вор. И когда тот, взвалив на плечи мешок с мукой, уже собирался уходить, выяснилось, что он не в силах его поднять. Тогда он, открыв мешок, отсыпал немного муки. Но и на этот раз он не смог его поднять. И когда он, высыпав из мешка достаточно муки, уже собирался уходить, в кладовую вошел Таха аль-Хаккари. Схватив мешок сзади, он сказал: «Позволь помочь тебе, сынок, вижу тебе тяжело его нести». Услышав шаги и голос шейха, вор не на шутку испугался. Почувствовав это, Шейх Таха продолжал: «Давай я помогу взвалить мешок

тебе на плечи, но смотри, не попадись на глаза наших людей. Ведь тогда тебе не поздоровится. И впредь, если у тебя будет какая-нибудь нужда, приходи к нам. Позволь нам быть тебе помощником».

Вор, столкнувшись с таким благосклонным великодушием, смутился и, попросив у шейха прощения, стал его мюридом.

Его кончина

На сорок втором году наставнической деятельности (1269/1853) Таха аль-Хаккари вместе со своими мюридами вышел на прогулку. Во время сохбета шейху передали два письма из Сирии, которые он велел читать своему зятю Абдуллаху Эфенди. После этого он сказал: «Да, слава – это погибель. Приблизилось и наше время отправляться в странствие вечности. И нам от мирского ничего не осталось» и со своими мюридами вернулся обратно. По возвращении он почувствовал себя плохо. На двенадцатый день своей болезни он, собрав всех своих родственников и мюридов, попрощался с ними. Во время намаза аль-’аср его душа возвратилась к Господу (1269/1853).

Могила его находится, в селении Баглар, которое относится к району Шемдинли провинции Хаккари. Он был похоронен рядом со своим тестем, который был судьей Баглара, и своим дядей Абдуллахом Шемдили. Хотя над могилой его дяди уже был возведен купол, он не пожелал, чтобы после его смерти над его могилой воздвигли еще один.

Таха аль-Хаккари воспитал многих преемников. Именно воспитанные им преемники стали представителями Халидийской ветви Накшибандийского тариката во всей Юго-Восточной Анатолии, Ираке и Сирии. Воспитанниками его стали Таха аль-Харири и Сайид Фахим Арваси – шейх Абдульхакима Арваси, который воспитал Наджиба Фазыля.

Источники: аль-Хадаикуль-вардиййа, стр. 260; Наджип Фазыл, Алтын Сильсиля, стр. 328-331; Ислам Алимлери Ансиклопедиси, XVIII, 246-257; Сейийд Таха-и Хаккари, Издательство Хискав.

32. ТАХА АЛЬ-ХАРИРИ

-куддиса сирруху-

Он был выше среднего рост. Он имел желтоватую кожу, светлое лицо, а сам был степенным и выглядел внушающе. Борода его не была густой, поэтому его прозвали «редкобородым». И, так как он был тезкой со своим шейхом, то, чтобы не перепутать их, его называли «Таха редкобородый».

Он был доброго нрава, и никогда нельзя было видеть его разозленным.

Тридцать вторым в золотой цепи преемников стал уроженец иракского Харира (что близ Эрбиля провинции Мосул). Он был тезкой своего шейха Тахи аль-Хаккари. В связи с тем, что он родился в Харире, его прозвали «Харири». Родился он в 1220/1803 году в Харире. Раньше Харир был небольшим городком, находившимся в десяти километрах от Керкука, сейчас это один из его кварталов. Кроме того, что о нем и его деятельности в своей автобиографии **Рисаля Ас'адиййа** говорит Мухаммад Ас'ад Эфенди, мы не располагаем о нем никакой информацией. В ней он говорит: «По причине того, что я не удостоился пройти путь духовного становления и совершенствования (сейрусулюк) ни при своем отце, ни при деде, я поступил на служение к такому великому духовному наставнику нашего времени, как Таха аль-Харири ан-Накшибанди аль-Халиди. Я прослужил при нем до самой его смерти в 1292/1875, то есть пять лет», из чего становится ясно, что он получил у Шейха Таха хорошее духовное воспитание, а сам был известной и уважаемой личностью.

Свое первое образование Харири получает в Эрбиле. Он выучивает весь Коран наизусть. Получает аттестацию высших учебных заведений и медресе Багдада. И после получения Исламских знаний у ученых того времени, он поступает на службу

и под покровительство к преемнику Мавляны Халида Багдади в Эрбиле Хидаятуллаху Эфенди. Хидаятуллах Эфенди был дедом будущего преемника Таха аль-Харири, М.Ас'ада Эрбили.

Известно, что, кроме него, Таха аль-Харири был знаком еще и с другим преемником Мавляны Халида Багдади Османом Тавили. Осман Тавили сказал в качестве похвалы шейху Харири: «Он превосходит нас».

Таха аль-Харири, взяв фейз от Хидаятуллаха Эфенди и Османа Тавили, встретился в мире скрытых смыслов с величайшим шейхом того времени Тахой аль-Хаккари, затем направился к нему и за очень короткое время стал его преемником. Он знал арабский, персидский, турецкий и курдский языки. В своих беседах, как и его шейх, он читал и давал толкования Мактубатам Имама Раббани.

Таха аль-Харири, пройдя сейру-сулюк под руководством первых двух шейхов, был аттестован шейхом Тахой аль-Хаккари и, обладая способностью к «увейси» духовному общению, удостоился чести в мире скрытых смыслов очень часто общаться с Посланником Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям). Шейх Таха был не первым из шейхов тариката золотой сильсиля, кто прошел через увейси-воспитание. Ведь и Абдульхалик Гудждувани, и Шах Накшибанд прошли через увейси-воспитание. **Увейсия** – это термин, который впервые был применен в отношении Увейса аль-Карани, сподвижника Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям), который жил в его время, но никогда с ним не виделся. В тасаввуфе так называют тех последователей тариката, которые проходят сейру-сулюк, получая духовное наставление от Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) и шейхов тариката во сне.

Таха аль-Харири был духовным наставником народа Эрбиля и Мосула на протяжении сорока лет. Умер он и был похоронен в 1292/1875 году в Эрбильском Харире.

* * *

Харири и риязат

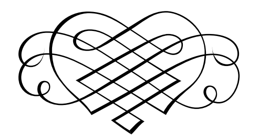
Тарикат Накшибандийя относится к тарикатам «рухани», которые подчиняют нафс руху путем укрепления руха. Поэтому в этом тарикате, в отличие от тарикатов «нафсани», не придается большого значения риязату. Поэтому некоторые шейхи даже и не акцентируют на этом своего внимания. Таха аль-Харири был одним из них. Рассказывается, что однажды в месяц Рамадан Ас'ад Эрбили отправился в текке навестить своего шейха. Там он принял решение в течение всего Рамадана совершать риязат. Когда наступает время разговения, перед ним ставят поднос с различной едой. Увидев это, он говорит, чтобы ему не приносили столько пищи, но те, в свою очередь, ответили: «Таким было повеление шейха Тахи аль-Харири, поэтому мы должны выполнять». Когда же на следующий день это дошло до самого шейха Харири, он дал Ас'аду Эфенди следующее наставление: *«Салик, следующий по нашему пути, должен быть похож на Ма'руфа Керхи. Он должен есть все, что предлагает ему хозяин дома. На нашем пути очищение начинается именно с сердца. Когда сердце, очистившись, выздоровеет, выздоровеет и тело, следуя за сердцем. Поэтому нет никакой нужды в риязате».*

Проницательный и невидящий

Таха аль-Харири говорил: «Салик, достигший проницательности (кашф) и тот салик, который не имеет такой способности, похожи на двух странников, взявших направление на Хиджаз, один из которых зрячий, другой слепой. Каждый из них, по мере продвижения на своем пути, приближается к своей цели. Однако большее вознаграждение получит тот, который слеп. Так и на пути духовного становления и совершенствования (сейру-сулюк) салик, еще не обладающий кашф, с точки зрения духовного развития превосходит того, кто уже постиг его».

Рассказывается, что перед смертью Тахи аль-Харири его будущий преемник Мухаммад Ас’ад Эрбили попросил шейха оставить преемником своего сына. Но тот не согласился: «Сын мой есть только тогда, когда есть я, когда же меня не станет, не станет и его. Ведь ваш дед Хидаятуллах Эфенди имеет много прав на меня. Чтобы отплатить за это право, я оставляю вас». Спустя шесть месяцев после его смерти умирает и сын Шейха Тахи, а на его месте остается М. Ас’ад Эрбили.

Так как шейх Таха аль-Харири был по натуре как Мухаммад (саллаллаху алейхи ва саллям), его духовные наставления были в манере Мухаммада (саллаллаху алейхи ва саллям). Поэтому, также как и Досточтимый Пророк (саллаллаху алейхи ва саллям) был «Расулюс-сакалейн» – посланником к людям и джиннам, так и шейх Таха был «муршидус-сакалейн», то есть духовным наставником, как людей, так и джиннов. Говорится, что у него был преемник джинн по имени «Джуддух», а также большое количество мюридов среди джиннов.



Источники: аль-Хадаикуль-вардиййа; Наджип Фазыл, Алтын Сильсиля; Ислам Алимлери Ансиклопедиси, XVIII.

33. МУХАММАД АС'АД ЭРБИЛИ

-куддиса сирруху-

Ас'ад Эфенди был выше среднего роста. Он имел белую бороду, проницательный взгляд и смуглую кожу, а сам был полным, улыбчивым, сладкоречивым и степенным человеком. У него была очень хорошая память. По прошествии многих лет он мог вспомнить человека, с которым когда-то виделся, и вспомнить тему разговора, на которую тогда говорил.

Тридцать третьим в золотой цепи преемников вновь стал выходец из Ирака, из поселка Эрбиль провинции Мосул. Родился он в 1264/1847 году в Эрбиле. Его отец и мать были из рода Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям). Отец его Мухаммад Саид Эфенди был шейхом Халидийской текке в Эрбиле. А дед со стороны отца Хидаятуллах Эфенди был назначенным Мавляной Халидом аль-Багдади преемником в текке Эрбиля.

Закончив свое первое религиозное образование в Эрбиле и Дейре, Ас'ад Эфенди в возрасте двадцати трех лет получает в 1287/1870 тайный знак примкнуть к шейху тариката Накшибандийя-Халидийя Тахе аль-Харири (у.1294/1875). В течение пяти лет он проходит при шейхе весь путь духовного становления и совершенствования (сейру-сулюк) и получает его аттестацию. После этого, в 1292/1875 году он отправляется в Хиджаз.

По возвращению из паломничества он узнает о смерти своего шейха и отправляется в Стамбул. В первые дни своего пребывания в Стамбуле он оставался на правах гостя в Салкымсёгуте, дергах Бешираги. Когда число его почитателей и посетителей увеличивается, он покидает это место и поселяется в мечети в районе Макасчылар Стамбульского Баязид-Пармакка-

пы, а точнее – в комнате муадзина. Он читал в мечети Фатиха такие произведения Хафиза и Мавляны Джами, как «Диван» и «Люджатуль-Асрар». Эти его уроки посещали и очень многие ученые, и духовные деятели. И даже такие известные ученые люди из окружения султана Баязида, прикнувшие к нему, как Ходжа Якта Эфенди и другие, узнали о нем и его пути именно из этих уроков.

Его наставничество в текке Келами

Очень скоро слава о нем распространяется по всему Стамбулу, и зять Султана Дервишпаша-заде, Халид Паша, приглашает его к себе во дворец и в течении полутора лет берет у него уроки арабского языка и знаний по исламу. А Султан Абдульхамид Хан Второй назначает его членом Совета Шейхов. В дни собраний он отправлялся на Совет, в дни, когда у него были уроки, – в мечеть Фатих, и иногда посещал дворец.

Позже он переселяется в пристройку близ мечети Баязида. Он также обращается к Совету Шейхов, чтобы для него отвели отдельную текке. Текке Келами, что в квартале Шехремини Одабашы, неподалеку от Фындыкзаде Маджуну, тогда как раз пустовала. Но так как это была Кадирийская текке, для того чтобы встать на должность в ней, нужна была Кадирийская аттестация. И тогда, представив Кадирийскую аттестацию, которую он получает в 1303/1883 году от внука Абдулькадира Гейлани Абдульхамида ар-Рифкани, М.Ас'ад Эфенди был назначен в эту текке шейхом. Здесь он со своими мюридами вначале читал вирды и айин Кадирийского тариката, а затем «хатм хаджеган» тариката Накшибандийя. Но, так как основой тариката Накшибандийя являются сохбеты, по пятницам, прежде чем приступать к зикрам, он проводил сохбет по тематике «тайны любви». Рассказывается, что М.Ас'ад Эфенди некоторое время вел свою деятельность и в текке Фейзуллаха Эфенди, что в Халыджы.

* * *

Во время своего первого визита в Стамбул М.Ас’ад Эфенди издает свое произведение под названием **«Кянзуль-Ирфан»,** в котором говорит о поклонении и адабе, и которое находит в обществе весьма теплый прием. В 1316/1900 году по неизвестным никому причинам он был выслан Абдульхамид Ханом в Эрбиль.

Там до момента своего полного оправдания он служит духовным наставником в одной из текке Эрбиля, построенной для него одной благочестивой женщиной. Большая часть писем, написанных им и полученных в этот период его почитателями и последователями, вошли в его произведение **Мактубат**.

Его второй визит в Стамбул

По настойчивым просьбам и приглашению своих почитателей, М.Ас’ад Эфенди в 1324/1908 году вновь возвращается в Стамбул. Там он перестраивает и расширяет свою текке Келами. Когда освободилось место шейха в текке Селимийе в Ускударе, М.Ас’ад Эфенди занимает его, затем на это место назначает своего сына Мехмеда Али Эфенди. Иногда он и сам появлялся здесь, помогая своему сыну вести духовное наставничество. Говорится даже, что еще до того как в Анкаре началось Национальное Движение, Февзи (Чакмак) Паша, ставший известным как один из участников этого движения, неоднократно встречался с М.Ас’адом в этой текке.

Его председательство в Совете Шейхов

До 1330/1914 года Ас’ад Эфенди был членом, а после этого – председателем Совета Шейхов. Во время своего председательства в Совете Шейхов он занимался реконструкций текке, назначением на должности шейхов полномочных людей и воспитанием мюридов надлежащим образом. Заслуживший любовь падишаха Султана Решада, Ас’ад Эфенди направляется в хадж во главе **«процессии Сурры»**. А в 1331/1915 году он

освобождает место Председателя Совета Шейхов.

М. Ас'ад Эфенди воспитал очень много преемников, поэтому у него были тысячи мюридов в Стамбуле, Анатолии, Югославии и Болгарии. И даже тот факт, что в первые годы образования Турецкой Республики (1925), когда текке и все остальные религиозные заведения начали закрываться, текке Келами продолжала оставаться одним из тех немногих прибежищ, которые принимали и простых людей, и ученых мужей, и государственных деятелей, и, как об этом сказал известный датский исследователь Карл Ватт, гостивший в эти дни в текке, играла важную роль в духовной жизни (см. **Келами Дергахындан Хатыралар**, Анкара 1993).

После закрытия текке

После того как текке стали официально закрываться, М.Ас'ад Эфенди ушел в затворничество в своем доме в Эренкёй-Казаскере, но, несмотря на это, внимание к нему со стороны его почитателей не уменьшилось. После того как 23 Декабря 1930 года произошли известные Менеменские события, он был арестован и обвинен в участии в этих событиях. Его приговорили к смертной казни. Но из-за его преклонного возраста смертную казнь заменили пожизненным заключением, а его сын М.Али Эфенди был казнен.

М.Ас'ад Эфенди скончался ночью 3-4 Марта 1931 года в возрасте 84 лет в военном госпитале Менемена, где лечился по поводу уремии. Существует версия о его отравлении.

Он как поэт

Несмотря на то, что его родным языком был турецкий, он также хорошо владел арабским, персидским и курдским языками. Об этом свидетельствуют его **Диван** и другие. Что же касается искусства его владения турецким языком, то об этом Хусейн Вассаф говорил: «Его точность в выборе слов и глубо-

кий смысл, который он в них вкладывает, оставили его имя на лучших страницах мировой литературы».

Несмотря на то, что Ас’ад Эфенди был поэтом, воспитанным и вышедшим из текке, он, помимо тасаввуфической поэзии, был талантлив и искусен и в поэзии стиля «диван». О его таланте и искусности в турецком языке Наджип Фазыл говорил, в частности: «Читая произведение Ас’ада Эфенди **Кянзуль-Ирфан**, нужно отдать должное как верности автора (самому) первоисточнику, так и его непревзойденному умению пользоваться Османским языком…» «Что же касается его стихов, то они указывают на утонченный нрав и чувственность Шейха Ас’ада Эфенди…» (**Сон Дервин Дин Мазлюмлары,** Стамбул 1989, стр. 169-170).

В силу того, что М.Ас’ад Эрбили был не только духовным деятелем, но и ученым, он еще при жизни смог снискать себе среди людей славу, почет и уважение. Так, говорится, что когда он был еще в Эрбиле, один из страстных его мюридов видел такой сон: «Две руки Ас’ада Эфенди, посреди которых остается Стамбул, дотягиваются от Эрбиля до Балкан». Этот сон стал реальносью уже пятьдесят лет спустя, когда ученики и мюриды Ас’ада Эфенди рассеялись по всему свету: от Анатолии до Албании, Болгарии и Сербии.

Ас’ад Эфенди, обладая нравом Мухаммада (саллаллаху алейхи ва саллям), был щедрым и самозабвенным повелителем сердец. Передается, что незадолго до смерти он говорил: «В первые годы нахождения в тарикате я чувствовал такое, о чем говорил: «О Господь, позволь мне предстать перед Тобой нагим. И, если есть у меня хоть что-нибудь из деяний моих, что примешь Ты, я поделюсь этим с грешным рабом Твоим». Я и сейчас полон таких чувств».

Ас’ад Эфенди говорит: «У меня были сомнения относительно двух вещей. Но после того как я познакомился с Мактубатом Имама Раббани, все мои сомнения рассеялись:

а. Почему в некоторых тарикатах считается, что духовный рост возможен без риязата, тогда как основой тасаввуфа явля-

ется следование сунне?

Ответ на этот вопрос я нашел в Мактубате Имама Раббани: «Если желудок будет наполнен чистой и дозволенной пищей, то и в мыслях не будет возникать ничего телесного. Зикр и размышление будут легкими и приятными. Но если нафс не получит того, что ему положено, то это будет препятствовать его спокойствию».

б. Как это возможно, что после «фена кальб» сердце вновь посещают телесные мысли?

Ответом на это стало: «Телесные мысли, посещающие сердце, достигшее степени «фена кальб», не могут причинить ему вред, а, напротив, сердце продолжает выполнять свою функцию».

Рассказывается, что один японский генерал, став мусульманином, приехал в Стамбул. Там он некоторое время остается в текке Келами Ас'ада Эфенди, посещая его кружки зикра. Он также посещает и другие текке, в которых также присоединяется к кружкам зикра. Позже о своих впечатлениях этот японских генерал говорил: «В зикре имени Всевышнего «Аллах, Аллах» заключено много энергии. И, если бы и падишахи говорили всегда «Аллах, Аллах», то не было бы нужды решать все силовым методом».

Говорится также, что однажды к Ас'аду Эфенди пришел сторонник идеи Единства и Прогресса и сказал: «Аллах повелевает: **«Совершайте ду'а, и Я приму ваши ду'а»** (аль-Гафир, 40/60), тогда как мы совершаем ду'а, но Он нам не отвечает и наши ду'а не выполняет. Неужели мы что-то неправильно понимаем?» На это Ас'ад Эфенди отвечал:

«Для того чтобы ду'а была принята, существует целый ряд условий, которые необходимы. Если эти условия не соблюдены, не последует и результата. А в том, что некоторые ду'а не принимаются, есть много мудрости. И в том, что иногда ду'а исполняется не так, как желал и ждал раб, скрывается намного большее благо (см. аль-Бакара, 2/216). Также, например, если больной малярией захочет мед, ему не дают его сразу же. Так

как мед при малярии противопоказан. Да и к тому же, этот аят можно понять и в другом смысле: «Зовите Меня, и Я приду к вам».

Рассказывается, что в другой раз к Ас'аду Эфенди пришел неверный, который стал в его присутствии поносить мусульман. Он говорил: «Все плохое – от мусульман, ложь и воровство – все от них. Это что за религия?»

На это Ас'ад Эфенди сказал:

«Все, о чем ты говоришь, лишь подтверждает величие нашей веры. Ведь только из-за того, что все другие религии являются ложными, шайтан не обращает на них особого внимания. Ведь вор не войдет в пустой дом».

Взор Ас'ада Эфенди был острым, а слова проникновенными. Среди его мюридов и преемников было много обладающих проницательностью и таваджжух. Передается, что однажды Ас'ад Эфенди приехал с визитом в Эрбиль. Люди со всех близлежащих селений стали стекаться, чтобы увидеть шейха. Среди них был и один юноша, который пробрался к шейху через всю толпу. Ас'ад Эфенди спросил его, умеет ли он читать и писать и вступил ли в тарикат или нет. На что тот дал такой ответ:

«Читать и писать не умею. И еще не вступил в тарикат. Я полюбил девушку из нашей деревни. И просил её руки у отца. Но он не разрешил. Тогда староста деревни отправил меня в армию. Пока я был в армии, тот женил своего сына на этой девушке. И поэтому, пока я не убью кого-то из них в отмщение, не войду в тарикат».

Услышав такое, Ас'ад Эфенди с удивлением сказал лишь: «Неужели?!» и, знаком указав одному из своих преемников, Шамсуддину, чтобы тот занялся молодым человеком, отправился совершать омовение. Когда он вернулся, то увидел этого юношу бегающим взад и вперед верхом на палке, уподобив ее лошади. Немного побегав, он опять пробрался через всю толпу и подошел к шейху. Подойдя к Ас'аду Эфенди, юноша, на которого до этого путем таваджжух воздействовал Шамсуддин Эфенди, сказал: «Возьмите меня в тарикат». На что Ас'ад

Эфенди сказал:

«Ведь ты собирался убить человека?» На что тот сказал: «Это прошло». И когда он еще раз попросил взять его в тарикат, Ас'ад Эфенди сказал: «Твой шейх – Шамсуддин Эфенди». Но тот возразил: «Нет, – не он, ведь я знаю, это – вы». Ас'ад Эфенди всегда отдавал предпочтение людям уравновешенным против эмоциональных и говорил: «Нам нужны люди спокойного нрава».

Хадис, в котором говорится: ***«Самые благие из моей уммы это те, кто носит Коран»***, он толковал следующим образом: «Это те, кто постоянно читает Священный Коран, следует его повелениям, оживляет свои ночи намазом тахаджуд и зикром». А не так, как некоторые говорят, что речь идет лишь о хафизах Корана. Ведь куда годятся хафизы, которые не живут по повелениям Корана и даже не совершают намаз? Ведь в самом Коране о таких говорится: **«Те, кому было велено придерживаться Торы, они же не соблюли ее** [заветов]**, подобны ослу, навьюченному книгами»** (аль-Джума, 62/5). Какая польза вьючному животному от тех книг, которые он на себе таскает?

Аят Священного Корана, в котором говорится: **«И тогда образуется из вас община, которая будет призывать к добру, побуждать к благому и отвращать от дурного. И будут такие люди благоденствовать»** (Али Имран, 3/104), Ас'ад Эрбили Эфенди толковал следующим образом:

«О мусульмане! Пусть часть из вас изучит религию и призывает других людей к истинному единобожию и жизни по исламу. Пусть часть из вас живет по шариату и здравому смыслу и повелевает это остальным. Пусть тот, кто освободился от того, что противно шариату и здравому смыслу, остерегает от этого и других. И только такие обретут истинное спасение. Но, если они не станут следовать в своей жизни тому, что узнали, следуя тому, что повелевает и запрещает Всевышний Аллах, тогда у них нет никакого права призывать к этому других. Равно как и не будет пользы от их призыва. Всевышний Аллах, без сомнения, возложил на мусульман как фард-кифайа

обязанность воспитать особую группу людей, совершенных по знаниям и поступкам, для того чтобы они освободили народ от невежества и греховности и озарили светом божественного знания. И, без сомнения, возложил эту священную обязанность на шейхов тарикатов, обладающих скрытыми и явными знаниями».

Ас'ад Эфенди очень любил Ибн Араби, он был согласен с его идеей вахдат-и вуджуд, но не соглашался с теми, кто говорил, что это подразумевает «единение в уединении». Говоря об этом, он приводил аят: **«Где бы вы ни были, Он всюду с вами»** (аль-Хадид, 57/4) и объяснял: «Постоянное присутствие, о котором говорится в священном аяте, не имеет отношения ни к какой-то конкретной личности, и ни ко времени, равно как это не связано ни с единением или уединением. Напротив, это присутствие, которое вопреки всякому времени и месту, подобно молнии, может явить и воплотить Сущность Всевышнего, там, где это Ему необходимо. То есть Всевышний Аллах знает все, что мы делаем и чувствуем, Он видит это и вершит над этим Свою волю. Все, что есть на небесах и земле, принадлежит Ему. И только Он вправе награждать и наказывать каждого в соответствии с его деяниями. Насколько поразительно поведение тех, кто, зная этот аят, скрывает от людей свои дурные поступки, но осмеливается совершать их на виду у Всевышнего Господа. И можно ли о таких говорить как о разумных?»

Давая также толкование аята: «**Почему вы не расходуете на пути Аллаха?»** (аль-Хадид, 57/10), он уделяет особое внимание следующему:

1. Каждый знает, что живущий на съемной квартире, переезжая в другую, забирает с собой все свои вещи, не оставляя там ничего из своих вещей, то почему же те, кто отправляются в могилу, свое пристанище вечности, не берут с собой даже часть из того, что им дорого, и что им непременно пригодится. Это, воистину, удивляет и ошеломляет.

2. Истинно, что все то, чем наделяет Всевышний Аллах Своих рабов, рано или поздно покидает их. И поэтому нет сомне-

ния в том, что расходование своего имущества на пропитание бедняков, одежду неимущих, постройку мечетей и снаряжение исламской армии непременно обернется славой и воздаянием. А тот, кто из-за скупости своей или из-за недопонимания аятов Священного Корана и хадисов Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) славе великодушия предпочитает заболевание жадности, то есть не желает тратить лишнюю часть своего имущества на вышеупомянутые нужды, с приходом смерти должен будет со всем этим расстаться, чем заслужит гнев и наказание Всевышнего, и это печалит.

Ас'ад Эрбили Эфенди был не только хорошим ученым, но и талантливым поэтом. Два стихотворения, которые мы приводим из его дивана, как раз созвучны с его глубоким духовным миром, полным чувств и любви.

Передается, что слова из второго стихотворения: «Возможно ли омыть погибшего во имя любви, если все стало пламенем», он написал, предчувствуя свою мученическую смерть. Это можно считать его караматом.

* * *

Любимый мой, душа моя желает света от Твоей красоты. О мой Целитель, глаза мои жаждут сурьмы пыли пути, который ведет к Тебе.

То, что гнетет и омрачает мое сердце, – это грязь грехов моих. Спаси, о Источник всех благ, мрак сердца моего желает развеяться.

О Шах всех Посланников, успей на помощь к нам в День Суда Великого, ведь нуждается ослушавшийся в заступничестве твоем.

Нет облегчения в слезах, и нет помощи в покаяниях и мольбах. Ведь ноша грехов моих облегчится лишь через помощь Шаха пророков (саллаллаху алейхи ва саллям).

О целебный источник для уммы, ухватился я за спаситель-

ную полу одежды твоей.

О Мухаммад, к тебе прибегаю я, ведь больная душа моя желает найти исцеления.

Влюбленные в прекрасный лик твой, несомненно, не станут желать без тебя ни богатства, ни власти, ни положения, ни развлечения.

Ах, если хотя бы раз Ас'ад, ничтожный раб, желающий пожертвовать собой ради тебя, увидел тебя и возрадовался твоей совершенной красоте.

* * *

Любимый мой, красота твоя проявилась во всем и повергла все в пламя: пламенеет весна, пламенеет роза, пламенеет соловей, пламенеет колос, пламенеет земля, пламенеют шипы.

Всех влюбленных воспламеняет свет красоты твоего лица. Пламенеет душа, пламенеет сердце, пламенеют глаза, роняющие слезы.

Что может быть еще, кроме души и сердца, томящихся и тоскующих по красоте твоего лица? Любимый мой, приди и увидь, как горит сердце мое, тоскуя по тебе.

Возможно ли омыть погибшего во имя любви, если все стало пламенем? Тело его – пламя, кяфан – пламя, вода – пламя.

Я отказался от развлечений души и отдыха сердца. Отдых – пламя, тяготы – пламя, бегство – пламя и постоянство – пламя.

О Шах мой, что мне сделать, чтобы развеять печаль моей души. Печаль – пламя, то, что дает успокоение – пламя, желание радости – пламя.

Так нет, что еще нужно Ас'аду, если тот, чьи щеки подобны розам, воспламенит его своим взглядом?

* * *

Его Произведения

1-Кянзуль-Ирфан:

Содержит в себе перевод и толкование тысячи и одного хадиса Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) об ахляке, ибадате и таква. Произведение издавалось в старой письменной графике дважды (Стамбул 1317, 1327) После этого произведение многократно издавалось в новой письменной графике, последним, максимально приближенным к оригиналу изданием стало издание издательского дома Эркам (Стамбул, 1989).

2-Мактубат:

Состоит из ста пятидесяти четырех писем Ас'ада Эрбили тасаввуфической тематики, написанных им в Эрбиле его почитателям и мюридам. Все письма, собранные в этом произведении, написаны на турецком языке, за исключением нескольких на арабском и персидском. Первые шесть писем, а также 36 письмо, приведенное в **Мактубат**, были напечатаны в виде статьи в журнале «Тасаввуф» (Стамбул, журнал «Тасаввуф», 1307 год). **Мактубат** издавался в старой письменной графике дважды (1338, 1341). **Мактубат** был издан Камилем Йылмазом и Ирфаном Гюндюзом в академической редакции (Стамбул, 1983). В этом последнем издании нашли место два ранее не издававшихся письма М.Ас'ада Эрбили.

3-Диван:

Произведение, состоящее из стихов М.Ас'ада Эрбили на турецком и персидском языках. Несмотря на то, что М.Ас'ад Эрбили был мастером поэтического стиля 'аруз, он нередко писал стихи и в манере народной тасаввуфической литературы. В **Диване** встречаются стихи на арабском и даже одно стихотворение на курдском. Его стихи на персидском были переведены Али Нихад Тарланом. Впервые в новой письменной графике **Диван** был издан Джемалем Баяком (Стамбул, 1991). А стихот-

ворение из **Дивана** на персидском **«Мавлид-и Фатыма»** был переведен на турецкий сыном шейха.

4-Рисалятуль-Ас'адийййа:

Небольшое произведение, в котором говорится о необходимости и превосходстве тасаввуфа и тариката, а также о сущности сейру-сулюк и его адабе. Автор, по просьбе своих учеников, включает в произведение и свою автобиографию. Это произведение, которое лишь единожды издавалось в старой письменной графике, издавалось и в новой письменной графике (Стамбул, 1986).

5-Перевод Рисалятут-Таухид:

Перевод и толкование на турецком языке одноименного произведения Мухйиддина Ибн Араби. Произведение на самом деле не принадлежит Ибн Араби, автором её является Авхадуддин Бальяни. Произведение было издано Али Кадри (Стамбул 1337, 103 с).

6-Перевод Фатиха Шарифа:

Перевод и толкование суры Фатиха. Произведение было издано в новой письменной графике вместе с **Рисалятуль-Ас'адийййа** (Стамбул, 1986).

Помимо этих, его статьи издавались еще и в некоторых других сборниках, как, например, в журналах Шейха Сафвата Эфенди из Бурсы, «**Тасаввуф»** и «**Баянуль-Хакк».**

Источники: М.Ас'ад Эрбили, Рисаля-и Ас'адийййа; Хусейн Вассаф, Сафина-и Аулия, II,191-199; Наджип Фазыл Кысакюрек, Сон Дервин Дин Мазлюмлары, Стамбул 1989, стр. 129-170; Садык Албайрак, Сон Девир Османлы Улемасы, Стамбул. тс. III. 201-202; Карл Ватт, Келами Дергахындан Хатыралар, Анкара 1993, (пер. Этем Джебеджиоглу).

34. РАМАЗАНОГЛУ МАХМУД САМИ ЭФЕНДИ

-куддиса сирруху-

Покойный Рамазаноглу Махмуд Сами Эфенди был выше среднего роста, худощавого телосложения, имел золотистый цвет кожи, негустую бороду, кудрявые волосы, карие глаза, а его тело, казалось, было соткано из нура. Из-за благоговения, которое вызывал его внешний вид, никто не осмеливался даже пересечься с ним взглядом, а не то, что смотреть ему в лицо. Взгляд его, излучающий вокруг свет, если падал на кого-либо, повергал его в благоговейный трепет. Были и такие, кто от его взгляда приходил в состояние джазба и падал в обморок. Он одевался чисто и аккуратно. Борода его не была длиннее ширины ладони. Волосы на голове он либо сбривал полностью, либо отпускал до мочек ушей. И все это являлось его выполнением сунны.

Прошло вот уже больше двадцати лет с тех пор, как не стало Махмуда Сами Эфенди. Он прожил долгую, почти вековую жизнь и на протяжении всей своей жизни следовал по прямому пути, оставаясь примером непревзойденной верности и богобоязненности, и, совершенным образом наставляя людей на пути к Аллаху. Невозможно передать словами и объяснить фразами, что потеряли мы с его смертью. Однако, следуя правилу, что «рассказ о праведниках является причиной снисхождения милости», мы вкратце опишем Махмуда Сами Эфенди.

Махмуд Сами Рамазаноглу, как об этом говорится в метриках, родился в 1892 году в Адане. Отцом его был Муджтаба Бей из рода Рамазаноглу, а мать – Уммугульсум Ханум. Как

это установил дед Сами Эфенди, Абдульхади Бей, их родословная происходит от рода Учоклар из тюркских племен Огузов, а также имеет связь с родом Халида бин Валида (радыйаллаху анху).

Свое начальное, среднее и лицейское образование Сами Эфенди получил в Адане, после чего отправился за высшим образованием в Стамбул. Там он поступает на юридический факультет университета Даруль-фунун. Окончив его, он проходит военную службу в Стамбуле на офицерской должности.

После того как Сами Эфенди получил явные духовные знания у лучших ученых своего времени, пришло время приобретения тайных знаний духовных и преобразования внутреннего мира. Заложенная в нем тяга к тасаввуфу влекла его на путь духовного совершенствования. После того как на протяжении некоторого времени он занимается своим духовным совершенствованием (арбагин и риязат) в текке Гумюшханели Накшибандийского тариката, по настоянию Рушди Эфенди, отца прежнего муфтия Бешикташа Фуада Эфенди, он примыкает к шейху текке Келами и председателю Совета Шейхов Ас'аду Эфенди Эрбили. За очень короткое время он обретает при шейхе свое духовное совершенство, проходит путь духовного становления (сейру-сулюк) и получает от него аттестацию, дозволяющую ему быть духовным наставником. После этого он еще ненадолго остается при шейхе и отправляется на должность наставника в родную Адану.

После того как текке стали закрываться, Махмуд Сами Эфенди уехал в родную Адану, где, наряду с проповедями и специальными сохбетами в Джами Кабир в Адане, он вел наставничество. Для того чтобы иметь средства к существованию, он работал бухгалтером в одной из торгующих лесом компаний. Он отказался от огромного наследства, которое досталось ему от родителей, и, следуя хадису: **«Нет для человека пищи лучше, чем та, которую он заработал своими руками»** (Бухари), предпочитал сам добывать себе пропитание. Первым среди суфиев, не воспользовавшихся наследством отца, был

Харис Мухасиби. Он не взял наследство своего отца, приверженца Кадирийского тариката.

После этого он на протяжении долгих лет прослужил в Адане, поя жаждущие души шербетом божественной любви. На лето он уезжал в Намрун и Кызылдаг, что в окрестностях Аданы, а иногда проводил его в Таласе, пригороде Кайсери. Когда в 1946 году открылся путь в Мекку и Медину, он совершил первый хадж.

В 1951 году он приезжает в Стамбул. Он остается в Стамбуле два года, после чего в 1953 году еще раз совершает хадж, а на обратном пути со своим другом Сераджем Мехмедом Эфенди из Коньи заезжает в Сирию и остается там жить. К нему также переезжают его жена и зять. Однако это переселение в Сирию продлилось всего лишь девять месяцев. После этого он опять приезжает в Стамбул. По прибытию в Стамбул он поселяется сначала в Баязиде-Лалели, а потом в Эренкёе. Когда к нему обратно в Стамбул приезжает и его жена, Валида Ханум, он говорит ей: «Мы вновь вернулись в Стамбул. Хотя сердце наше бьется в Медине. Поэтому в последние годы своей жизни я хочу совершить туда хиджру».

В годы его пребывания в Стамбуле он, как и в Адане, продолжал как свою наставническую деятельность, проводя проповеди и специальные беседы в Мечети Зихнипаши в Эренкёе, так и свою профессиональную деятельность бухгалтера, работая бухгалтером в одной из фирм Тахтакале и зарабатывая себе на жизнь.

Его проповедями, наставлениями и сохбетами, их духовностью и благословенностью смогли воспользоваться люди из различных слоев населения: бедные, богатые, грамотные и неграмотные, рабочие, студенты, чиновники, торговцы, и фабриканты. Они получали из них фейз, обретали истинный путь и формировали поколение новых людей. Он, раскрыв над ними крыло духовного покровительства, оберегал их от зла, исходящего от общества.

Из-за того, что в последние годы его жизни слава его воз-

росла, и он пользовался всеобщей любовью, чтобы избежать излишнего внимания к своей персоне, он ушел в затворничество. С мюридами он встречался в своей гостиной, а также в мечетях в месяц Рамадан на намазах таравих. Таким путем, он своим поведением и словами наставлял людей, показывая им ислам через раскрытие характера и нравственности Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям).

В 1979 году его любовь к Досточтимому Пророку (саллаллаху алейхи ва саллям) побуждает его совершить хиджру в Медину. Так как его единственным желанием было уйти к Аллаху в городе Его Пророка. А когда в 1957 году его родственники предложили ему взять землю для могилы около мечети Султана Аййуба, он сказал:

«Если они позволят каждому поступать по их желанию, то я предпочту быть похороненным на кладбище Джаннатуль-Баки'». И Всевышний Аллах принял желание любимого раба. В то же время, тяжелая болезнь, которая жестоко мучила его все эти годы в Стамбуле, не оставляла его и там. Но даже в самые тяжелые времена он никогда не жаловался, а с лица его никогда не сходила улыбка. Скончался он 10 Джумадуль-авваль 1404/12 Февраля 1984 года, в воскресенье в 4.30 и был похоронен на кладбище Джаннатуль-Баки'. Рахматуллахи алейхи.

Сами Эфенди очень мало ел и пил. На своих сохбетах он часто говорил о пользе недоедания и вреде переедания, поясняя это аятами, хадисами и мудрыми изречениями. Сам же, следуя сунне, не ел больше двух раз в день. Обычно он съедал полкуска хлеба и небольшое количество катыка, довольствуясь этим. А когда ел с мюридами, говорил: «В том, что съедается вместе с мюридами, есть баракат, и за эту пищу не будет спрошено» и побуждал к этому.

Он очень мало спал. Он наслаждался поклонением в предрассветное время. Те, кто гостил у него дома или был с ним в пути, в какой бы час ночи ни просыпался, всегда видел его бодрствующим. С его точки зрения, сон лежа является наслаждением. Так, рассказывается, что однажды, когда он был в го-

стях у одного из своих мюридов, хозяин дома поздней ночью спросил у него:

«Эфендим, если вы желаете лечь, я приготовлю постель»

Он ответил:

«Лежать – это наслаждение».

Некоторое время спустя хозяин дома снова спросил его:

«Будете ложиться?»

Он и на этот раз ответил:

«Лежать – это наслаждение. Я получу немного наслаждения, а вы же завершите свой незаконченный урок».

Рассказавший об этом случае пояснил: «Действительно, в то утро я выполнил лишь половину своего вирда и до самого вечера не нашел возможности довести его до конца».

Он очень мало говорил. Когда же он говорил, он либо говорил какую-нибудь мудрость, либо давал наставление. Иначе он просто молчал. Об этом покойный Али Йекта Эфенди говорил: «Праведность аулия проявляется либо посредством состояний, либо посредством слов. Сами Эфенди был из тех, чья праведность проявлялась через состояния. В самые благодатные дни деятельности текке Келами в ней можно было видеть многих ученых и совершенных личностей. И несмотря на то, что Сами Эфенди тогда был еще юношей, он, как и сейчас, был также совершенен и обладал степенью праведника».

Али Йекта Эфенди, наряду со своей обязанностью муфтия, был и мюридом Ас’ада Эфенди, прошедшим путь духовного становления и совершенствования (сейру-сулюк) в текке Келами и получившим от него иджазат. Он хранил эту аттестацию на протяжении всей своей жизни, и, когда однажды её случайно обнаружили его близкие родственники, он сказал им: «Никому не говорите о ней. Ибо тот, кто достоин и соответствует этой обязанности, – это Сами Эфенди».

* * *

Адаб

Сами Эфенди провел всю свою жизнь в границах адаба, каждый миг прожил в состоянии ихсан, которое означает: **«Поклоняться Аллаху так, зная, что Он видит тебя, и чувствовать, что находишься под Его наблюдением»** (Бухари, Тафсир Суры, 31). Даже у самых великих людей и самых авторитетных личностей есть какие-то слабости и недостатки. Но в его жизни не проявлялись никакие недостатки и слабости. Везде и всегда соблюдать шариат и адаб подобно ходьбе по острому лезвию меча. Это дается только тем, кто достиг совершенства и снискал божественную помощь. Ведь о том, насколько это тяжело, говорят и слова Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям): «Меня состарил аят Священного Корана: **«Будь же стоек на прямом пути, как тебе велено!»** (Худ, 11/112)».

Тот, кто постоянно посещал его беседы, никогда не видел, чтобы он закидывал ногу на ногу, или вытягивал их, или сидел по-турецки. Он всегда сидел на коленях. Во время сохбетов всегда рассказывал об адабе и напоминал стихотворение:

Адаб есть венец из божественного Нура,

Надень венец сей и спасись от всяких бед.

Если на сохбете начинали читать Священный Коран, а он находился в кресле или скамье, то сразу же опускался на пол, на колени, а читающего Коран усаживал на свое место.

Говорится, что однажды в Стамбул приехал **Мухаммад ан-Набхани,** один из шейхов Алеппо. **Сами Эфенди Рамазаноглу** со своими мюридами отправился навестить его. Во время их беседы Набхани и его товарищи вели себя очень раскованно, тогда как Сами Эфенди и его мюриды проявили наивысшее благочестие, все время оставаясь сидеть на коленях. Обративший внимание на их поведение, Мухаммад Набхани говорит:

«Сядьте поудобнее». Но ни шейх, ни его мюриды не поменяли положения, объяснив: «Нам так намного удобнее». На проявление такого адаба Набхани вынужден был только сказать:

«Да, адаб – у турков».

Чистое сердце

На своих сохбетах он часто объяснял понятие «кальби салим» (чистое сердце), приводя аят: **«В тот день, когда не пригодятся ни богатство, ни сыновья, кроме как тем, которые предстанут перед Аллахом с чистым сердцем»** (аш-Шу’ара, 26/88-89). В его толковании кальби салим – это сердце, которое не обижается и не обижает других. Он говорил: **«Не обижаться – тяжелее, чем не обижать. Так как способность не обижать – во власти человека, а не обижаться – нет».** И добавлял: **«Я не обижаюсь на бедных и стараюсь не обижать никого».** И, действительно, за свою вековую жизнь он никого не обидел.

В его привычке было принимать каждого, кто приходил к его дверям, оказывая им знаки внимания и гостеприимства. Говорится что однажды, когда к нему пришли посетители, один из его близких сказал: «Шейх нуждается в отдыхе», желая отправить их обратно. Услышав это, он сказал:

«Это двери Аллаха. Никто здесь не должен быть отвергнутым. К тому же среди мюридов не бывает плохих». Это прекрасно показывает, как он ценил людей и мусульман. Из такого его отношения исходило также то, что, обращаясь к людям, даже к тем, кто годился ему во внуки, он не только называл их по имени, но и добавлял к этому такие титулы, как Эфенди и Бей.

Сами Эфенди был праведником, посвятившим себя служению Аллаху и Его рабам. Еще в первые годы своего пребывания в тарикате он был предан принципу «любить созданных во имя их Создателя» и с энтузиазмом усердствовал в служении, будучи убежденным в том, что сохбет начинается со служения, а божественная помощь оказывается тому, кто усерден в служении. Особенно непревзойденным было его служение муфтию Джиды Хусейну Эфенди, который также был одним из мюридов текке Келами. Говорится, что, находясь в текке, Хусейн

Эфенди заболел. Болезнь его ухудшалась изо дня в день. И вот муфтий уже не мог встать на ноги. Мюриды Ас'ада Эфенди начинают по очереди за ним ухаживать. Когда же его состояние стало критическим, было принято решение отправить его семье телеграмму. Услышав это, самый молодой мюрид текке Сами Эфенди, обратившись к своему муршиду Ас'аду Эфенди, сказал:

«Если вы мне позволите, я присмотрю за уважаемым муфтием и, если можно, пусть пока не посылают его семье телеграмму». Ас'ад Эфенди с удовольствием принимает это предложение, после чего на протяжении восемнадцати месяцев Сами Эфенди самым прекрасным образом ухаживает за больным. Видевшие это даже завидовали. Сам муфтий со слезами на глазах читал ду'а:

«О Аллах! Все, чем Ты меня облагодетельствовал, я посвящаю Сами Эфенди». А встречая Сами Эфенди, говорил:

«Наше дитя – Сами Эфенди, инша Аллаху, заслужило довольство Господа, служа нам».

Все дела в текке этот молодой мюрид выполнял незаметно. По ночам, когда все в текке ложились спать, он тихо вставал, выполнял всю работу, наводил везде чистоту, грел воду и ложился спать. Муфтий Джиды Хусейн Эфенди, когда еще был здоров, захотел узнать, кто же по ночам делает всю работу в текке, поэтому встал рано утром. Но никого не нашел. Тогда он решил подкараулить таинственного мюрида с вечера и для этого спрятался в одном из помещений текке. Когда же, встав ночью, Сами Эфенди приступил к работе и собирался открыть ящик с мусором, Хусейн Эфенди прикрывает ящик крышкой и говорит:

«Сынок, предоставь эту работу другому мюриду».

И, несмотря на деликатную просьбу Сами Эфенди разрешить ему продолжить работу, Хусейн Эфенди настаивает:

«Оставь, ради Аллаха», после чего Сами Эфенди оставляет эту работу ему.

Когда он был послан в родную Адану на должность наставника, он всегда посылал своему Стамбульскому муршиду подарки. И особое внимание он уделял тому, чтобы деньги, на которые он покупал эти подарки, были заработаны его собственным трудом. Говорится, что после того как с полей был собран весь урожай, он выходил в поле и собирал оставшиеся на земле колосья, из которых потом делал муку и отправлял в Стамбул. Его отец, узнав об этом, сказал:

«Сынок, мои амбары полны зерном. Почему ты не посылаешь своему учителю из этого?» На что тот отвечал:

«Войти в те двери достоин лишь хлеб, который заработан своими руками, и свет очей».

Сами Эфенди побуждал своих почитателей и мюридов изучать старую Османскую культуру и учиться читать и писать по-староосмански. Он до самого последнего времени не позволял издавать свои произведения с использованием нового алфавита.

Хорошо владея французским языком, он не любил использовать турецкие слова, производные от европейских, а иностранные слова вообще не применял. Он даже не использовал латинские названия лекарств, давая им свои названия, например, красная таблетка, розовая микстура. Это должно явиться назиданием для тех, кто так ръяно желает использовать в своей речи иностранные слова.

Говорится, что однажды, когда во время одной из своих бесед он стал, опираясь на Тафсир **Рухуль-Баян** (см. Мусахаба VI)**,** говорить о десяти качествах собаки, один из его мюридов вынужден был сказать: «Оказывается, мы не дошли даже до уровня собак». На своих сохбетах он объяснял, какие ловушки ставит нафс против человека, и как следует человеку предостерегаться от опасности, исходящей от нафса:

1 – Голод и воздержание от пищи, продолжительный пост,

2 – Воздержание от сна, совершение намаза тахаджуд,

3 – Поклонение с хушу, чтение Корана с пониманием смыс-

ла,

4 – Пребывание в постоянном зикре,

5 – Пребывание с праведными и богобоязненными людьми.

Сами Эфенди уделял особое внимание тому, чтобы постоянно быть в состоянии тахарат и, даже будучи в состоянии тахарат, обновлять его, так как ощущал «хузур иляхи» (божественное присутствие), и, что каждый вздох может стать последним. Хозяин, у которого он работал бухгалтером, вспоминал: «Махмуд Эфенди заполнял бухгалтерские книги лишь в состоянии омовения. Закончив записи, он вновь совершал омовение, затем читал Коран. Когда звучал азан, он вновь совершал омовение для намаза».

В своем духовном наставничестве он следовал пророческому методу наставления. Никогда не говорил об ошибках людей им в лицо, никогда не упрекал и не ругал их за их погрешности, никогда не злился, если дело касалось его самого. Он наставлял их своим примером, потому что это самый эффективный путь наставления. Нити наставничества тянутся от центра к периферии, поэтому основой его является «умение начать с себя». Он никогда не говорил людям «делай так, не делай так», вместо этого старался привести к пониманию этого. Он никогда не говорил: «Возьми вирд от нас, участвуй в наших сохбетах, отпусти бороду, намотай чалму, надень джуббу и шаровары». Он, напротив, сторонился того, что привлекало излишнее внимание, вызывало разногласия или подталкивало к подражанию.

Только своих близких родственников и самых искренних мюридов он открыто предостерегал не иметь дело с банковскими процентами, призывал к чистому заработку (халяль). При других людях он говорил об этом опосредованно.

Ему очень не нравилась слава и чрезмерное почитание. Говорится, что в годы его работы в Стамбульском Тахтакале он всегда совершал намазы зухр и ‘аср с джамаатом в мечетях Рустампаши и Марпуччулар. Однако, после того как его стали узнавать и проявлять излишнее уважение и почтение, он начал

совершать намаз у себя в офисе. Своим мюрида повелел:

«Продолжайте совершать намаз с джамаатом, не обделяйте себя этой честью и превосходством».

Глава хафизов Священного Корана **Гёненли Мехмед Эфенди** сказал о нем: «Сами Эфенди был самым великим из уммы. Больше нечего добавить».

А **Али Якуб Ходжа Эфенди** говорил: «Вне нашей компетенции говорить что-нибудь об этом человеке, который всей своей сущностью напоминает своих благородных и праведных предшественников – захидов и ‘абидов из сподвижников Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям)».

Махир Из Ходжа Эфенди, увидев сон, растолковал его как знак о его любимом духовном наставнике, Сами Эфенди, и сказал: «Это Сами Эфенди. Нам приходилось видеть и падишахов, но такого человека еще никогда не встречали».

Бекир Хаки Эфенди был также одним из почитателей Сами Эфенди. Говорится, что, выходя однажды с его сохбета, он сказал:

«Заставить этих богачей часами сидеть на коленях и безмолвно внимать тому, что им говорят, сложнее, чем пришвартовать прошедший через Босфор корабль к Сарайбурну. Это не в наших силах. Только Сами Эфенди может это».

Быть может, говоря об этом, Бекир Хаки Эфенди не знал о том, что, давая Сами Эфенди иджазат, Ас’ад Эфенди дал ему и стратегию в ведении этого наставничества. А в своей аттестации Ас’ад Эфенди говорил: «Своим многоуважаемым мюридам, которые удостоились чести быть одними из тех, о ком в священном аяте сказано: **«Мужи, которым ни торговля, ни купля не служат помехой тому, чтобы не забывать Аллаха»** (ан-Нур, 24/37), могу сказать то, что желающий очистить сердце и воспитать нафс… без сомнения, достигнет своей цели, если будет постоянно посещать сохбеты Сами Эфенди и будет проявлять усердие в соблюдении адаба» (**Мактубат,** 134. Мактуб стр. 361).

(Для более полной информации, можно обратиться к Изданиям Алтынолук, издательского дома «Эркам», в которых напечатаны статьи Садыка Дана под названием **Султануль-арифин Махмуд Сами Рамазаноглу**).

35. ТОПБАШЗАДЕ МУСА ЭФЕНДИ (МУСА ТОПБАШ)

-куддиса сирруху-

Муса Топбаш родился в 1917/1333 году в турецком городе Конья уезда Кадынханы. Он был сыном торговца по имени Ахмед Хамди Эфенди. Прадедом его был преемник Мавляны Халида Багдади, Топбашзаде Ахмад Кудси Эфенди. В связи с работой главы семьи Топбашей, семья переезжает жить в Стамбул, отчего детство и вся жизнь Мусы Эфенди проходит в Стамбуле.

Свое образование он начинает получать в Эренкёйской Французской школе, а продолжает его в Лицее Инкиляб Нуросманийя. Проучившись там два года, он покидает это учебное заведение. Семья его очень желает, чтобы он получил религиозное образование, и поэтому он поступает на учебу к Эльмалылы М.Хамди Языру, который преподает ему Коран и религиозные науки. Он также берет некоторое время уроки арабского языка и религиозных знаний у Мустафы Асима Йёрюк Ходжи, тогдашнего члена Меджлиса. Известно также, что он углубленно изучал французский язык, беря на протяжении пяти лет дополнительные уроки у профессора Анджела. Французским языком он овладел в такой степени, что переводил с этого языка литературу. Одна из переведенных им с французского языка книг даже была издана. Еще с детского возраста он увлекается искусством, особенно каллиграфией, и поэтому берет уроки у известного каллиграфа Хамида Айтача. У него даже появляется своя богатая каллиграфическая коллекция, которую он раздает после своего вступления в тасаввуф тем, кто этим увлекается, со словами: «Пусть они не отвлекают мое сердце». Семья Топ-

башей во главе с Ахмедом Хамди Эфенди, отличавшаяся своей образованностью и служением, стала опорой общества в сфере религии и науки. Вместе с такими учеными, как Эльмалылы М.Хамди Языр и членом Меджлиса Мустафой Асимом Эфенди, они занялись трудоустройством своих знакомых и родственников и обеспечением их заработной платой. Позже они сыграют большую роль в основании и деятельности «Общества по распространению знаний».

В свои молодые годы Муса Эфенди знакомится и общается с такими известными учеными того времени, как Бекир Хаки Эфенди, Али Йекта Эфенди и Омар Насухи Бильмен, часто посещая их. Он, как сам об этом рассказывал, возил по городу на своем автомобиле Бедиуззамана Саида Нурси, когда тот приезжал в Стамбул.

Свой бизнес, который он начал со своим отцом Ахмедом Хамди Эфенди в Султанхамамы, он продолжил со своими братьями. До 1970 года он находился как в бизнесе, так и на производстве. Таким образом, он соблюдал в своей жизни один из важнейших принципов тасаввуфа – «хальвет дер-анджуман», то есть умение уединяться в поминании Аллаха, пребывая среди людей; вести мирские дела и совершать духовное служение, «держа прибыль в руке, а душу с Возлюбленным». После 1970 года он передает все свое производство и бизнес своим сыновьям, а сам всецело уходит в служение. Но даже и тогда он не отошел от бизнеса полностью, продолжая вплотную интересоваться делами основанной им и его братьями фабрики, делами производства и торговли.

Самые большие перемены в жизни Мусы Эфенди произошли после его знакомства с Рамазаноглу Сами Эфенди. Впервые они познакомились в Бурсе в 1950 году. И, несмотря на то, что после этого знакомства он время от времени и посещал Сами Эфенди, его приобщение к нему как к шейху состоялось лишь в 1956 году. Сам он о его духовном опыте и приобщении говорил следующее: «Когда я впервые вошел в дом своего многоуважаемого учителя, я не знал о тасаввуфе ничего. И думал, что все

ограничится лишь вирдом, который он нам даст, и который мы должны будем выполнять. Я абсолютно ничего не знал о духовном развитии. А духовностью для меня являлось лишь внешнее присутствие на уроках, на которых о ней говорилось… Оказалось же, что там делают в сердце сильнодействующий укол любви. И лишь умный и проницательный мюрид понимал это, ценил и, стараясь в дальнейшем сохранить это состояние, развивался».

Муса Эфенди, приобретший со знакомством с Сами Эфенди новый и, главное, глубокий взгляд на служение и людей, сыграл ключевую роль в открытии в 1980 году Издательского Дома Эркам. Благодаря его же материальному и духовному участию, в 1986 году начинает выходить журнал Алтынолук, и в том же году в Ускюдаре вновь открывается Вакф Азиз Махмуд Худаи.

Да и сам он был подобен отдельному учреждению и вакфу. Ему принадлежал фонд, который занимался всякого рода благотворительностью. У него были средства, которые он направлял на нужды сирот, больных, мечетей и школ. Во главе каждого из этих фондов он ставил своих любимых людей, а сам же лишь контролировал. Книжный, или академический, фонд он использовал на нужды тех, кто не имел средств на приобретение книг, открывая для их пользования библиотеки. Его фонды для сирот он открывал для жаждущих знаний молодых людей, потерявших родителей, и, в особенности, для молодых хафизов.

Говорится, что во время конфликта в Боснии и Герцеговине он распорядился привезти в Турцию оставшихся круглыми сиротами боснийских детей, для которых открыл новый дом для сирот, но из-за всяческих бюрократических проволочек эти дети так и не были привезены в Турцию.

Что же касается его медицинских и фармацевтических фондов, то их он использовал на нужды тех, у кого не было средств на лечение, покрывая затраты на проведение операций, лечение, приобретение лекарств. Ему принадлежали и отдельные

строительные фонды, специализирующиеся на строительстве мечетей и школ в тех местах, где они были необходимы.

В большей мере его милосердие распространялось на больных и пожилых людей. Когда в 1987 году он со своим Фондом Худаи открыл дом престарелых, о находящихся в нем постояльцах он говорил: «Это те, по отношению к которым Аллах велит нам быть наиболее благосклонными и снисходительными, запрещая говорить в их сторону даже «уф». И мы, вообще-то, должны содержать этих людей у себя дома. И раз уж мы не можем позволить себе этого, то должны создавать для них дома и атмосферу, наиболее приближенную к домашней, одаривая их своим теплом и заботой». Ему также принадлежит поликлиника и стационар для неимущих, после открытия которых все были обрадованы искренней радостью Мусы Эфенди по поводу этого события. Ему доставляло истинное удовольствие приходить и смотреть, как функционирует поликлиника.

Особое внимание он уделял тому, чтобы молодежь с самого начала приобретала хорошие привычки. Примерно пятнадцать лет назад он ввел систему образования для всех детей семьи Топбашей, согласно которой из средств, выделяемых детям на обучение, они должны были сами отчислять часть на благотворительность. Для этого была заведена отдельная тетрадь, в которую дети записывали, сколько денег они отдали для нуждающихся.

Его милосердие и сострадание доходило до каждого, кто нуждался в них. Он со своей помощью, подобно праведному Хыдру, поспевал протянуть руку помощи тогда, когда, как об этом говорил поэт: «Забот было много, спасения не было, враг креп, а судьба не была благосклонна». Причем поступал так, даже не называя своего имени. Говорится, что после одной из его бесед была собрана материальная помощь в поддержку боснийских мусульман. Каждый старался назвать свое имя, он же, протягивая весьма внушительную сумму денег, сказал: «Это велел передать нуждающимся один наш друг!» Этот поступок даже не явившегося лично на встречу человека произвел на

многих присутствующих сильное впечатление. Тогда как «вверенные ему деньги» были его личными, а тем «другом» был Сам Аллах…

Когда стало известно, что миссионеры западных стран, пытаясь воспользоваться экономическими трудностями, возникшими в Индонезии, стали проникать туда и вести пропаганду христианства, строя за счет своих средств церкви, он, выражая свою крайнюю этим озабоченность, говорил: «Если бы у нас были люди, знающие их язык, которых мы могли бы туда послать..»

Он очень не любил афишировать свою благотворительность, стараясь оставаться, когда речь заходила о том, кто сделал что-либо, неизвестным и ограничивался лишь общими фразами, как, например: «…было сделано то-то и то-то, было посещение такого-то места».

Он был очень озабочен болезнью современности под названием «индивидуализм», придавая особое значение объединению мусульман. На сохбетах он постоянно приводил хадис Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям): «Сегодня погладили ли вы по голове сироту? Посетили ли больного? Участвовали ли в похоронах?» Каждый год он помогал проводить свадьбы, что вошло в обычай. Также каждый год в месяц Рамадан организовывал благотворительные ифтары в разных городах Турции и в Медине.

Он был человеком, в котором отражались прекрасные качества Создателя, как в облике, так и в поступках. Его состояния, слова и нравственность были совершенны. В его душе, обращенной к Господу, находилось место для каждого. Она была источником любви, распространяющейся на все созданное – от растений и животных до людей. К каждому он проявлял милосердие и взращивал своей любовью. Живущие в его саду кошки и собаки пользовались его особым вниманием. Кошки и собаки, по природе созданные врагами друг другу, через его милосердие забывали об этом и становились «братьями». Часто можно видеть, как в его саду собаки и кошки лижут друг друга.

В его представлении, тасаввуф не означал лишь поклонение. Служение людям и всем другим живым существам имело основополагающее значение не только в его жизни, но и в его системе воспитания. Когда открылась клиника Худаи для неимущих, он, из-за болезни, физически не мог служить им лично и говорил: «Если бы у меня были силы, я помогал бы больным сам».

Муса Эфенди считал, что сутью тасаввуфа являлась зрелость сердца и доведение человека до Господа. Об этом он говорил: «Тасаввуф – это океан, имеет разные степени. Например, он начинается через кальб, рух, сырр, хафи, ахфа, а заканчивается мухаббат. Но разве этого достаточно? Конечно, не достаточно. Необходимо обрести нравственность Посланника (саллаллаху алейхи ва саллям) и его адаб, то есть постоянно пребывать со Всевышним Аллахом».

Основой тасаввуфа является пребывание на истинном пути. Очень многие люди пребывают на истинном пути, но не обладают караматами. И, напротив, караматы нередко исходят от тех, кто еще находится на самой начальной стадии своего духовного становления. Быть на истинном пути означает строго выполнять повеления Всевышнего Аллаха и улучшать свою нравственность.

Муса Эфенди разобщенность мусульман считал духовной болезнью, причиной которой является то, что сердца не прошли воспитания. Если мусульмане достигли зрелости, то между ними не будет ни разобщенности, ни разногласий. Каждый научится прощать другого. Допустим, есть возможность совершить благой поступок. Не должно быть: «Это сделаю только я». Отдай тому, кто сведущ в этом деле. А ты учись у него. То есть, путь ясен. И не должно быть: «Я». Но тот, кто понял путь тасаввуфа, понял это. Кто вступил на путь служения, должен избегать славы. Человек, жертвующий собой на пути ислама, не должен испытывать гордости.

Он, как и все великие люди духовного пути, не желал ни мирского, ни вечного. Его устремлением был лишь сам Все-

вышний. Охладев ко всему мирскому и его усладам, он предался лишь единственной усладе – ма'рифатуллах. Ничто в этой жизни не отвлекало его от Аллаха. Он всегда в поступках делал выбор в пользу вечной жизни. Душа его была подобна весеннему дождю, одаривающему жемчужинами блага.

Проведший последние дни своей жизни в болезненных мучениях, Муса Эфенди и тогда не переставал поминать Аллаха, оставив после себя еще один прекрасный пример того, каким должен быть зикр. В последние три года его жизни на него обрушились великие испытания, самым серьезным из которых оказалась его болезнь. Он потерял почки. Из-за долгой болезни и изнеможения он перестал говорить. Но, несмотря на это, он всегда находился в зикре: «Аллах, Аллах…» Он отдал свою душу в святой для всех мусульман день, пятницу, 16 Июля 1999 года, когда во всех мечетях звучал азан.

Будучи прикованным к больничной койке и открывая глаза, Муса Эфенди иногда находил в себе силы, чтобы сказать:

-Я полюбил все созданное. Полюбил животных и растения. Полюбил все и всех. И даже, если человек сказал что-нибудь неверно, его нужно любить. Кроме врагов Аллаха.

-Уставший в служении найдет отдых в нем же.

-Милосердие – начало всего.

- Все пустое: и мирская жизнь, и вечная, кроме довольства Аллаха.

Его произведения

Все произведения Мусы Эфенди были изданы в Стамбуле Издательским Домом Эркам под псевдонимом Садык Дана.

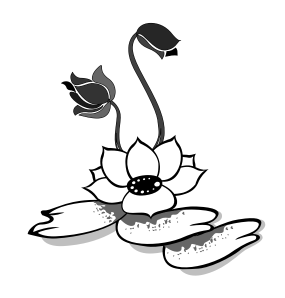
1 - Герои Ислама, трехтомное произведение. В первом томе говорится о героизме и доблести Досточтимого Пророка (саллаллаху алейхи ва саллям) и его сахабов. Во втором и третьем томах говорится о героях Ислама, живших при Сельджуках и Османах.

2 - Сохбеты от Алтынолука, пятитомное произведение. Сборник всех статей, печатавшихся в журнале Алтынолук. В них говорится о таких сугубо нравственных и тасаввуфических понятиях, как зикр, истикамат, сабр, шукр, адаб, тауба, гостеприимство, любовь ради Аллаха, благонравие, милосердие, служение, право родителей, щедрость, таваккуль, благоразумие и первостепенность, слезы и воспитание детей.

3 - Жизнеописание, благонравие и воспоминания друзей о Султануль-Арифин аш-Шейх Махмуде Сами Рамазаноглу Эфенди.

4 - Из Жизни Друга Аллаха – Сборник репортажей, проведенных журналом Алтынолук с Хаджи Мусой Топбаш Эфенди в последние годы его жизни. Произведение содержит в себе ценную информацию о его жизни и мировоззрении.

Помимо этих произведений, ему принадлежит и несколько брошюр, которые, однако, не являясь самостоятельными произведениями, представляют собой те же сборники его бесед и репортажей с журналом Алтынолук. Это такие небольшие книги как «Подготовка к Вечности», «Тасаввуф – ма’рифатуллах», «Человек Служения» и «Семейное Счастье».



36. ОСМАН НУРИ ТОПБАШ ЭФЕНДИ

Осман Нури Топбаш родился в Стамбуле в 1942 году, после завершения обучения в лицее имам-хатыбов долгие годы частным образом получал религиозное образование у признанных ученых-богословов своего времени. Но основную роль в становлении его личности и духовном воспитании сыграл отец, Муса Топбаш, имевший непререкаемый авторитет духовного наставника среди тысяч мусульман благодаря своим высоким нравственным качествам и глубокому знанию религии. Осман Нури Топбаш вырос в чистой и возвышенной атмосфере духовности этого незаурядного человека и после ухода отца стал продолжателем его пути. После первых публикаций Осман Нури Топбаш начинает серьезно заниматься писательской деятельностью.

Его книги переведены на многие языки мира. Каждая его книга – чистый источник, восторг познания. Широко известны и признаны такие его произведения, как «Ислам Вера Поклонение», «От Имана к Ихсану – Тасаввуф», «Вакуф Благотворительность Служение», «Последний вздох», «Росинки счастья», «Пророк Мухаммад Мустафа», «Кувшин воды», «Таинство любви», пятитомная «История пророков» и другие. Эти необыкновенные книги наполнены духом и атмосферой «аср-саадат» (эпохи благоденствия), куда, пронзая время и пространство, переносится автор и оттуда ведет свой рассказ так, будто сам видит Посланника Аллаха (саллаллаху алейхи ва саллям), его сподвижников (радыйаллаху анхум) и переживает события той эпохи.

Осман Нури Топбаш известен своими выступлениями, проповедями, лекциями, сохбетами (беседами на темы духовно-

сти), призывающими людей к Вере, на путь добра, благочестия и достижения счастья в жизни земной и вечной. Основу его жизни составляет следование установлениям Корана и Сунны Пророка Мухаммада (саллаллаху алейхи ва саллям). Добрый нрав, глубокие знания, чуткость, обаяние, притягательность его личности послужили причиной того, что для общения с Османом-эфенди, как называют его ученики, съезжаются люди со всего мира.

Место издания: ООО «Принт Экспресс»
105066, г.Москва, Денисовский переулок, 30
Тираж: 2.000 экземпляров

ISBN 978-5-902855-80-4

www.sadpress.com - izdatelstvo-sad@yandex.ru